

Малороссия. Новороссия. Крым
Исторический и этнографический очерк

Малороссия. Новороссия. Крым
Исторический и этнографический очерк

Москва
«АИРО–XXI»

«Дмитрий Буланин»
С.-Петербург

2006

Москва
«АИРО–XXI»

«Дмитрий Буланин»
С.-Петербург

2006

РОССІЯ

ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА.

НАСТОЛЬНАЯ и ДОРОЖНАЯ КНИГА

ДЛЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. Семенова

и ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ

П. П. Семенова

и

АКАД. В. И. Ламанскаго

Възвѣдателя Императорскаго Русскаго Гео-

графическаго Общества.

Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи Императорскаго

Русскаго Географическаго Общества.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

МАЛОРОССІЯ.

Съ 100 ПОЛЪТИНАЖАМИ, 40 ДИАГРАММАМИ, КАРТОГРАММАМИ, СХЕМАТИЧЕСКИМИ ПРОФИЛАМИ,
1 БОЛЬШОЙ СПРАВОЧНОЙ и 10 МАЛЫМИ КАРТАМИ.

СОСТАВИЛИ:

Б. Г. Карповъ, — А. Я. Пера-Лесовичъ, — Ф. А. Винogradovъ, — Я. Ф. Ставровскій, —
Е. К. Замысловская, — В. В. Морачевскій, — Н. М. Малышева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе А. Ф. ДЕВРІЕНА.

1908.

«Из русского прошлого»

МАЛОРОССІЯ НОВОРОССІЯ КРЫМ

Исторический и
этнографический очерк

Москва

С.-Петербург

2006

Дизайн обложки *К. Струков*

Малороссия. Новороссия. Крым. Исторический и этнографический очерк. М.: «АИРО–XXI»; СПб.: «Дмитрий Буланин». 2006 г. – 320 с.

В настоящем издании в кратких очерках представлены история Юга России, а также современная (на начало XX века) жизнь населявших эти земли народов. Источником книги послужил фундаментальный многотомный труд по географии и истории России «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», создававшийся в течение многих лет в конце XIX – начале XX вв. под ред. В. П. Семёнова-Тянь-Шанского (тт. 7-й – «Малороссия», СПб., 1903, и 14-й – «Новороссия и Крым», СПб., 1910).

Составители: А. Г. Макаров, С. Э. Макарова

ISBN 5-91022-011-X

ISBN 5-86007-536-7

© А. Г. Макаров, С. А. Макарова
составление, 2006 г.

© «АИРО–XXI», 2006 г.

© «Дмитрий Буланин», 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей. <i>А. Г. Макаров, С. Э. Макарова</i>	6
I. МАЛОРОССИЯ	7
1. Исторические судьбы Малороссии	11
2. Население Малороссии, его этнографический состав, быт и культура	41
3. Промыслы и занятия населения	75
4. Пути сообщения	115
II. НОВОРОССИЯ. КРЫМ	129
1. Исторические судьбы Новороссии	133
2. Распределение населения по территории Новороссийских губерний, его этнографический состав, быт и культура	172
<i>Великорусы</i>	184
<i>Донские казаки</i>	186
<i>Болгары</i>	196
<i>Молдаване</i>	203
<i>Цыгане</i>	210
<i>Немцы</i>	219
<i>Греки</i>	222
<i>Караимы и крымчаки</i>	226
<i>Евреи</i>	231
<i>Татары</i>	249
<i>Трухменцы</i>	256
<i>Калмыки</i>	261
III. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ МЕСТА	
1. Одесса	265
2. Екатеринослав	277
3. Днепровские пороги	281
4. Севастополь	292

Настоящее издание продолжает серию книг «Из русского прошлого», предыдущие два выпуска которой были посвящены, соответственно, утверждению России на Кавказе («Русские на Кавказе Эпоха Ермолова Паскевича», «Присоединение Кавказа к России XIX век») и Новой книге этой серии, посвященной освоению русским народом южнорусских степей, Причерноморья, Крыма, соответственно, взойденный этот богатейший земельный состав русского государства Расселен, русский племен, на плодородные земли Юга, свободный выезд к незамерзающему морю, открывший России возможность свободно торговать плодами своего труда, обеспеченная безопасностью южные границы — все это стало в последующем основой превращения России в мировую державу.

И еще одну цель преследовал составитель: дать современному читателю достоверные, разносторонние сведения, соответственно, своей страны — в условиях, когда историческое знание регулярно заимствуют волны современного «просвещенного» невежества, мифотворчества, а зачастую преднамеренного разрушительного действия, разлечные политические, эскалаторная тема освоения Юга России, судьбы малороссийского народа, соответственно, его взойден, в общерусский, соответственно, исторический, политический, особенно острый, актуальный, вот уже более столетий, привлекает к себе пристальное внимание, самые разлечные, в том числе, эскалаторная рубежа Польша, здесь был сделан еще во второй половине XIX века Австро-Венгрии, Германия, а новый импульс получен в смутные годы революции, 1917 года.

Именно поэтому, в силу остроты, щепетильности, предлагаемой темы, в основу этого издания, нам был положен многолетний труд коллектива русских исследователей, посвященный географическому, соответственно, составу, начиная с начала XX века, одно из лучших, на более полный обзор нашей родины «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» под редакцией В. П. Семенова-Тянь-Шанского. Этот многолетний академический труд можно без преувеличения назвать вершиной русской географической, исторической науки, предреволюционной поры.

В настоящее издание включены главы, из двух томов «Описание, соответственно, т. VII (Малороссия СПб. 1903), т. XIV (Новороссия, Крым СПб. 1910), посвященные, соответственно, сдвигам Юга России, соответственно, описанию народов (присоединенных, быта, слов, и ж, звание только ст.), там проживавших, ээ

А. Г. Макаров

I. МАЛОРОССИЯ

Россия.

Полное географическое описание нашего отечества
под ред. В. П. Семенова-Тянь-Шанского.
Малороссия. т. VII. СПб., 1903.

Левобережная (по отношению к Днепру) Украина, состоящая из губерний Черниговской, Полтавской и Харьковской, занимает собою пологий юго-западный скат от Среднерусской возвышенности к Днепру, прорезанный параллельным юго-западным течением нескольких значительных притоков последнего, как напр. Десны, Сулы, Псела, Ворсклы и др., и только своим восточным клином захватывает верхнее течение Северского Донца с некоторыми его притоками. Пространство это и по своим физико-географическим условиям, и по своей исторической судьбе имеет большую аналогию со Среднерусской черноземной областью. Как там мы видим три ботанических пояса (лесной, ограниченный бассейном Десны, нижним течением Упы, Осетра, Прони, Пары, Цны, Выши, Вада и Мокши, лесостепной до Валуя, Тихой Сосны и устьев Битюга и Вороны, а к югу от них — степной), так и здесь мы встречаемся с ними же, с той только разницей, что юго-западное течение здешних рек вообще гораздо определеннее

ограничивает их своими долинами при простираии этих поясов с ю.-з. на с.-в. Так, здесь лесной пояс приблизительно ограничивается с юга течением Десны и Сейма, лесостепной – течением Ворсклы (и только от Полтавы идет поперек водораздела к Змиеву на Донец, а отсюда уже вверх по последней реке к Волчанску), а далее следует степной. Поэтому как та, так и другая область самой природой были предназначены для земледелия. Но при всем том Среднерусская черноземная область наделена несколько богаче полезными ископаемыми (железные руды, каменный уголь), а здесь эти богатства находятся уже вне области – в Донецком бассейне. Самая же существенная разница между обеими областями состоит в том, что преобладающее малорусское население левобережной Украины представляет большие бытовые различия с великорусской по преимуществу Центральной черноземной областью, заметно отражающаяся и на приемах народной эксплуатации земледельческих богатств.

Среднерусская черноземная область была с XII по XVIII в. сначала для Суздальско-Владимирского, а потом для Московского центра «оплечьем» в борьбе со степными кочевниками, а левобережная Украина с самого начала русской истории до XVIII в. была тем же «оплечьем» против кочевников для Киевского центра. По лесному северо-западному краю Среднерусской черноземной области шел торговый и колонизационный путь, связывавший Киев с Суздальско-Владимирским и Московским центрами; юго-западное же начало этого пути проходило в рассматриваемой области по лесистому черниговскому Подесенью. В Среднерусской черноземной области попытка талантливого в. кн. Олега создать из Рязани (расположенной на границе лесного и лесостепного поясов) самостоятельный собирательный русский центр не удалась, между прочим вследст-

вие недостаточно выгодного географического положения Рязани и слабой ее естественной защиты со стороны степи. В левобережной Украине стремления Чернигова (также расположенного на границе лесного и лесостепного поясов) создать независимый от Киева собирательный русский центр также не имели успеха, между прочим вследствие слабой защиты Чернигова со стороны степи и положения его на второстепенной водной артерии, да притом еще на колонизационном пути из Киевской Руси в Суздальско-Владимирскую и Московскую. При московском господстве в одичавшую от постоянной борьбы с кочевниками Среднерусскую черноземную область направилась колонизация недовольных великорусских элементов Московского государства, урегулированная впоследствии царским правительством. При литовско-польском господстве в одичавшую по той же причине левобережную Украину началось движение недовольных малорусских элементов, впоследствии также урегулированное королевским правительством. Столкнувшиеся и слившиеся единоплеменные и единоверные колонизационные волны сделали левобережную Украину достоянием Москвы.

Участие той и другой области в дальнейшей колонизации южнорусских степей может быть выражено следующей схемой. Бывшая Курско-Харьковско-Азовская и Ростово-Владикавказская ж. д. представляют приблизительно границу сфер: восточной – великорусской колонизации из Среднерусской черноземной области и западной – малорусской из левобережной Украины. При этом территория, колонизованная великорусами, прорезывается по направлению от Харькова к Уральску (т. е. с ю.-з. на с.-в.) отдельными пятнами и полосами малорусских («хохлацких») селений, а территория малорусской колонизации прорезывается по направлению от того же Харькова к Одессе (т. е. с с.-в. на ю.-з.) отдельными пятнами и полосами великорусских («кацарских») поселений. Этот

способ расселения, подобно поперечным железным скрепам в каменной стене, придал только большую прочность колонизации южнорусских степей. Рост Харькова еще до эксплуатации Донецкого бассейна и до основания университета, быть может, объясняется тем, что Харьков был узлом этого расселения, перешедшим сюда из первоначального, чисто военного узла – Белгорода (XVII в.).

С тех пор на долгое время Среднерусская черноземная область сделалась житницей Москвы, а левобережная Украина – житницей Киева, Минского Полесья и Верхнего Поднепровья, так что к рассматриваемой области можно было с полной справедливостью применить слова гр. А. Толстого:

Ты знаешь край, где все обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора и т. д.

Такою же рисовал нам левобережную Малороссию и бессмертный Гоголь. Однако со времени освобождения крестьян громадное сгущение земледельческого населения произвело здесь, еще больше чем в Среднерусской черноземной области, малоземелье и потребность в постоянном выселении на окраины государства, способствуя значительному уменьшению былого «обилия». К счастью, развитие в области заводской промышленности, имеющей непосредственную связь с земледелием (свеклосахарное, винокуренное, табачное и др. производства) и появление в XVIII–XIX вв. такого крупного культурного центра, как Харьков, в значительной степени умеряют здесь те черты «оскудения», которые считаются в настоящее время столь характерными для Центральной земледельческой области.

1903

В. Селенов-Танко-Шанский

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ МАЛОРОССИИ

Я. Ф. Ставровский
«Россия...», т. VII. С. 68–89.

Область трех малороссийских губерний весьма богата своим прошлым. Кроме обильного литературного материала, свидетелями ее многовековой истории могут служить курганы, городища, валы, наконец, могильные памятники тюркских народов, известные под именем «каменных баб», которыми она усеяна. Изучение всех этих памятников без сомнения обогатит историческую науку ценными вкладами, насколько можно судить по тому сравнительно немногому, что сделано уже в этой области. Раскопанные здесь курганы относятся почти ко всем периодам как исторической, так и доисторической жизни. Из находок, относящихся к доисторическому периоду, всего интереснее оказались сделанные в центральных уездах Полтавской губ. по берегам рек Сулы, Уда, притока последнего Коровки, Лохвицы и Оржицы. Здесь, возле села Гонцов Лубенского у. в 1873 г. Г. С. Кирьяков, К. М. Феофилактов и Ф. И. Каминский нашли в слое лесса кости мамонта вместе со множеством каменных и костяных орудий грубой отделки. Находки остатков мамонта, носорога и северного оленя, сопровождаемых грубыми орудиями, были сделаны также близ села Вязовки (Лубенск. у.),

в г. Лубнах, близ селений Рудки (Лубенск. у.), Креслян (Прилуцкого у.), Яблоновки (на правом склоне долины р. Оржицы), в Лесовой Слободке (Лохвицкого у.), и у села Волошского близ впадения р. Олавы в Сулу. В пределах Черниговской губ. кости исчезнувших животных попадались в оврагах возле Новгорода-Северска и в Стародубском у., особенно между селениями Тетюрами и Дохновичами. Не лишена представителей доисторической фауны и Харьковская губ. Так, в Чугуеве найден мамонтовый зуб, в окрестностях Купянска – мамонтовый бивень, в деревне Костевке (Ахтырского у.) – почти цельный остов мамонта, наконец, на границе Харьковской и Полтавской губерний, недалеко от города Недригайлова были находимы кости мамонта. Указанные находки остатков исчезнувших животных, в особенности, сопровождаемые грубыми орудиями – на территории Полтавской губ., без всякого сомнения, относятся к самому древнему периоду каменного века – палеолитическому. В Полтавской губ. можно предположить стоянку большого охотничьего племени, жившего здесь в ледниковый период одновременно с мамонтом. Находки предметов каменного века в Полтавской губ. оказались настолько убедительными, что покончили споры о существовании человека на территории России в ледниковый период. Мало того, на основании их сделано предположение, что каменный век в России относится к более отдаленным временам, чем в Западной Европе.

Из других местонахождений большею частью смешанного типа, со следами разных эпох, интересны группы бугров в уездах Остерском Черниговской губ. и Переяславском, Золотоношском и Кременчугском – Полтавской. Гряда этих могильных курганов идет вдоль Днепра против пещерных жилищ первобытного человека, усеивающих преимущественно противоположный берег реки. Лучшие

описания этих бугров мы находим у Н. Беяшевского и бар. де-Бая, подробно их исследовавших. Всего больше исследовано бугров этого типа в Остерском у. Черниговской губ. Здесь они расположены у селений: Никольской слободки, Выгуровщины, Троещина, Воскресенской слободки, Вишенок, Бровар, Гнедина, Жеребятина, на правой стороне р. Десны против г. Остра, у местечка Воронкова между Старосельем и Сваромьем. Продолжение этих курганов в Полтавской губ. составляют бугры близ селений Селища и Скопцов в Переяславском у., против Княжой горы в Золотоношском у. и у г. Кременчуга. Большинство найденных в указанных могилах предметов относится, по-видимому, к концу каменного века. Всего больше здесь попадалось кремневых орудий – наконечников стрел, разных скребков и осколков ножей и т. п. Встречались местами также черепки гончарных изделий, снабженных нередко довольно искусным орнаментом; наконец немало было найдено кухонных остатков в виде измельченных костей рыб, птиц и домашних животных. К более поздним временам здесь относятся осколки погребальных урн, бронзовые и железные предметы, остатки кострищ с обуглившимися костями человека (близ сл. Никольской) и человеческий скелет без следов обрядового погребения (близ с. Вишенок). В Харьковской губ. кремневые орудия (особенно стрелы) были найдены главным образом в Изюмском, Купянском и Богодуховском уездах. Более характерны для этой губернии предметы позднейшей, уже исторической эпохи. Существование бронзового века, который в Западной Европе следовал за каменным, в нашей области установить затруднительно, за отсутствием типичных для бронзовой культуры находок, если не считать нескольких довольно интересных бронзовых изделий, найденных И. Зарецким в Богодуховском и Ахтырском уездах. В большинстве же случаев вместе с

бронзовыми предметами находили и железные, а иногда также золотые и серебряные. Очевидно, в эпоху, когда каменный век стал сменяться бронзовым, как это имело место в странах Западной Европы, в нашей области население испытывало на себе уже влияние более цивилизованных народов, снабжавших его своими изделиями.

В виду смешанного характера находок, может иметь большое значение классификация периодов, предложенная Д. Самоквасовым, ставящая археологию в более близкие соприкосновения с историей. Согласно этой классификации (с поправками к ней) все находки могут быть отнесены к одной из следующих эпох: киммерийской, соответствующей каменному, частью, бронзовому векам; скифской – с VI века до Р. Х. до I по Р. Х.; сарматской – I–II в. по Р. Х.; к этой эпохе следует еще присоединить готскую во II–IV в., славянской – с IV–XI в. и половецко-татарской – с XII–XV в.

Из раскопок курганов, относящихся к скифо-сарматскому периоду, всего более интересны произведенные в сел. Аксютинце и Валковцах Роменского у., по р. Суле около г. Ромен, в селениях Поповке, Ярмолинцах и Чебереках. Здесь находили сосуды, иногда снабженные звериным орнаментом, много украшений из янтаря, разноцветного стекла, рога и всевозможные изделия из бронзы, золота и серебра. Большинство предметов вероятно греческого происхождения и занесены сюда торговлей. Во многих из них видно желание подделаться под вкус варваров. Чем севернее, тем греческое влияние оказывается слабее; здесь попадаются уже оригинальные предметы, а также иногда заметно влияние искусства урало-алтайского типа.

Во второй половине II в. по Р. Х. готское господство, сменившее собою сарматское, захватило всю описываемую область. Гуннское переселение, сокрушило, как известно, готское царство и захватило всю степную часть нашей

области. Эта волна кочевников оставила за собою след в виде авар или обров. Аварское господство сменилось в нашей области сначала хазарским, а затем славянским.

О последнем мы имеем много любопытных данных у византийских (Константин Багрянородный, Прокопий, Маврикий, Феофилакт, и проч.) и арабских (Ибн-Хордат бег, Ибн-Даста, Ибн-Фодлан Массуди) писателей. С описываемым арабами славянским обрядом трупосожжения вполне согласуются данные, добытые раскопками Д. Самоквасова в Черниговском, Стародубском, Новгород-Северском, Кролевецком и Глуховском уездах Черниговской губ. и в Сумском у. Харьковской губ. Особенно интересными оказались две могилы в Чернигове – Гульбище и Черная могила, а затем курганы возле селений: Сиднева, Лариновки, Мериновки и недалеко от Стародуба. Раскопками этими установлен факт обряда трупосожжения, широко распространенного у некоторых славянских племен и особенно у северян. Эпоха трупосожжения, по мнению Самоквасова, продолжалась с конца IX и до начала XI века, как можно предположить по найденным в могилах диргемам и византийским монетам с соответственными датами.

В пределах области трех малороссийских губерний наша начальная летопись помещает северян по Десне и Суле (суличи), упоминая об их торговых городах Любеч и Чернигов. Область, занятая северянами, граничила с областями кривичей и полян по Днепру, границей же с областью радимичей служил водораздел между притоком Сожа Ипутью и притоком Десны Сновью. К югу и юго-востоку от Подесенья направлялась успешная северянская колонизация, главным образом по рекам Днепровского и Донского бассейнов. Донец при этом служил их главной артерией для сношения с юго-востоком (Тьмутараканью и Хазарией). Таким образом, северяне занимали всю описываемую нами

область и распространялись еще к востоку от нее в соседнюю Среднерусскую черноземную.

В начале IX в. с востока пришли в южную степную часть рассматриваемой области новые толпы тюркских кочевников, известные в нашей летописи под именем печенегов, и заняли южные окраины.

Водворение кочевников в приднепровских степях сильно вредило оживленной торговле славянских племен с Царьградом, до того времени процветавшей под прикрытием хазар. Теперь славянским племенам приходилось стать в непосредственные отношения к враждебным им кочевникам и защищаться самостоятельно. Это и послужило толчком для их объединения. К этому времени относится призыв варяжеских князей, которые взяли на себя объединительную задачу. Характер их княжения в первое время вполне объяснялся их ролью защитников торговли, вожakov военно-торговых экспедиций. Варяжские князья со своими дружинами сначала стали поверх населения, не смешиваясь с ним. Отношение их к управляемым было чисто служебное: они обязаны были защищать их, за что получали вознаграждение в виде разных видов даней — «полюдья», «повоза», «оброка». По городам сидели княжьи мужи из дружинников, представляя собою заместителей князей. Что касается собственно славянского населения, то оно в то время было довольно однородно и распадалось на две группы — свободных и рабов. Свободный класс состоял из людей (земства) и смердов. Группу упоминаемых еще гостей вероятно составляли те же люди в роли торговцев-воинов.

Объединение совершалось вокруг главных торговых городов, тогда как племенные связи постепенно стирались. Такими центральными городами нашей области были: Чернигов, Любеч и Переяславль. Во главе всех областей

уже рано стал Киев, что объясняется его выгодным географическим положением, дававшим ему первенство в торговле с Царьградом. Такое значение Киева было оценено уже первыми князьями, основавшимися здесь с Олега. Деятельность варяжских князей преследовала цели: объединение славянских племен, защиту границ и завоевание и расширение рынков. Так, Олег, утвердившись среди полян, в продолжение 15 лет занимался покорением племен, обложил их в свою очередь данью. «Олег, — рассказывает летописец, — иде на северы и возложи на них дань легку и не даст козарам дань даяти, рек: аз им противен, а вам нечему». Для защиты славянских племен от кочевников он начал строить города. Забота его о присоединенных землях выражалась между прочим в «укладах», которые он выговорил после удачного похода в Византию, на главные торговые города, и в том числе на Чернигов, Переяславль и Любеч. Продолжая ту же деятельность, преемник Олега Святослав, совершил ряд удачных походов на болгар и хазар и окончательно сокрушил их могущество. При Владимире Святом делу объединения весьма успешно помогло христианство. В земле северян оно распространилось очень легко, очевидно уже знакомое населению и раньше благодаря его торговым связям. Владимиру приходилось особенно деятельно защищать пределы русской земли от печенегов, передовые кибитки которых находились в то время в 40 верстах от Киева, вероятно больше с низменной луговой стороны Днепра, т. е. в пределах нашей области. «Не добро есть мало городов около Киева», — сказал Владимир, «и нача ставити города по Десне и по Устри и Трубешеву и по Суле, и по Стугне» (Ипат. лет.). Кроме постройки городов старые торговые города обращались в боевые и укреплялись. В города было велено набирать лучших (храбрых) людей. Владимиру приписывают устройство оборони-

тельного ряда, известного под именем Змиевых валов (Полтавская, Черниговская и особенно Киевская губ. в местностях, пограничных со степью), хотя их можно относить и к более ранней эпохе. Оборона границ и постройка городов успешно продолжалась и при Ярославе Мудром.

В нашей области летопись называет в то время кроме Чернигова и Любеча, основанных вероятно до варяжских князей, еще Листвен на территории Черниговской губ. (Городнянский у.), Лукомль (Лукомье, м. Лубенского у. при р. Суле), Лубно, Прилук, Хороль, Лтаву, в которой предполагают Полтаву, в пределах Полтавской губ. Под прикрытием этих городов северянская колонизация постепенно распространилась по Донцу и его притокам. Системой Дона поддерживалась также связь с богатой славянской колонией, обязанной своим существованием тоже, по-видимому, северянской колонизации – Тьмутараканью, находившейся на восточном берегу Керченского пролива. Тьмутаракань долгое время не теряла связи с Северской землей, принимая нередко в ее судьбах большое участие. Так, брат Ярослава Мудрого, Мстислав Тьмутараканский победил его при Листвене и, по соглашению с ним, объединил под своею властью весь левый берег Днепра и Подесенья – области северян, радимичей и даже вятичей. Это разделение русской земли продолжалось до смерти Мстислава, после чего отделившиеся земли вновь перешли к Ярославу. После Ярослава Мудрого начался удельно-вечевой порядок, полный постоянных усобиц; только было начавшаяся объединяться, русская земля распадалась на самостоятельные княжества. Обособление отдельных княжеств вызвано было, прежде всего, экономическим и политическим упадком центра русской земли – Киева, терявшего свое исключительное положение с падением византийской торговли. Благодаря этому уравнивалось значение других областей,

которые вместо наместников получили независимых князей, связанных между собой родством, по степеням которого они и занимали столы. Возвышалась в этот период также самостоятельность населения по мере расчленения его на экономически не равные группы: кроме свободных и рабов появился новый класс полусвободных – закупов. Самостоятельность общества выражалась в вечах, которые получили значительное развитие. В нашей области, однако, вече не достигало первенствующего значения как в Новгороде и Пскове, так как здесь необходимость вести постоянную борьбу со степью выдвигала на первый план военно-дружинный элемент с его верховным главой – князем.

Из отдельных княжеств, на которые распалась область по левой стороне Днепра, прежде всего образовались Черниговско-Северское и Переяславское. Черниговско-Северское княжество было расположено по Десне и отчасти по верховьям Оки, заключая в себе земли северян, радимичей (по Сожу и Днепру) и вятичей (по Оке). Очерченный район занимает в настоящее время губернии: Черниговскую, Курскую, Орловскую, части Могилевской и Смоленской, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, части Московской и Владимирской, Тамбовской и Воронежской. К Черниговско-Северскому же княжеству тянула отдаленная Тьмутаракань.

После Любецкого съезда князей в 1096 г., от Чернигово-Северского княжества отделилось княжество Новгород-Северское, расположенное главной массой между Десной и Сеймом; западная его граница заходила через Десну и шла по его притокам Снови и Судости. Территория княжества соответствовала восточной части Черниговской губ. и юго-западной – Орловской, Курской и отчасти Тульской.

В XII в. от Чернигово-Северского княжества обособилось еще Муромо-Рязанское (части Тульской, Московской, Рязанской, Владимирской, Тамбовской и Воронежской губерний).

Переяславское княжество занимало притоки Днепра – Трубеж, Супой, Сулу, Псел и простиралось до Ворсклы. Северная граница его шла по Сейму и Остру, южная же, в виду переменных успехов в борьбе с кочевниками, очень часто менялась, не заходя впрочем, севернее Сулы. К Переяславскому княжеству до половины XII в. тянула еще отчасти чересполосная земля между Окой и Волгой, и даже часть Поволжья; с указанного же времени часть эта составила самостоятельное Суздальское княжество. Географическое расположение княжеств дает ключ к пониманию их истории. Переяславское княжество имеет особенно важное значение в обороне русской земли от соседней, беспокойной степи. Это – «оплечье Киева», с историей которого тесно связана его судьба. Так, нередко переяславский стол занимали сыновья киевского князя, или княжеством даже непосредственно управлял последний. Важная боевая роль княжества делала его переходной ступенью к Киевскому. Черниговское княжество, как более безопасное и богатое, добилося сравнительно большей самостоятельности и служило приманкой князьям при их передвижениях. Уже во втором поколении Ярославова дома происходили жестокие смуты из-за Чернигово-Северских земель, вызванные притязаниями Святославичей добыть свою вотчину, что, после долгих стараний, им и удалось. Не менее упорная борьба разыгралась позднее между черниговскими князьями Ольговичами и Мономаховичами из-за Киевского стола.

Вековая борьба с кочевниками в связи с княжескими усобицами обессилила русскую землю. Когда-то хорошо населенный край быстро опустел; население сжалось, уходя на северо-запад за пределы искусственных и естественных укреплений, тогда как половцы распространили свои кочевья до р. Удая. Только отдельные поселения, оазисами попадавшие по рекам Донецкого бассейна, напоминали

о северянской колонизации, успешно распространявшейся здесь в былое время. Так, в «Слове о полку Игореве» упоминается г. Донец (Донецкое городище), в котором нашел себе приют бежавший из половецкого плена Игорь Святославович. Остатки этого города предполагают найти в городище того же имени на правом берегу р. Уды, в нескольких верстах от г. Харькова. Наконец следами распространения этой колонизации могут служить упоминаемые в летописи «половецкие» города, как-то Шарукан (вероятно на месте Чугуева), Балин, Чешлюев, – первоначально аланские поселения, сильно обрусевшие впоследствии. Подтверждением этому может служить то обстоятельство, что жители г. Шаруканя оказались христианами и во время похода русских в 1110 г. вышли к ним с пением молитв и хоругвями.

Другим доказательством обрусения старинных аланских и более восточных хазарских поселений может служить выселение в 1117 г. в Черниговскую губ. жителей из г. Белой Вежи (на Дону близ Волго-Донской переправы). Переселенцы основали новый г. Белую Вежу в пределах Черниговской губ. Остатками его является городище в Борзенском у. близ немецкой колонии Белемеш. Кроме городов, упоминаемых в летописи, о запустении прежде заселенных порубежных с половецкою степью частей области свидетельствует множество сохранившихся до нашего времени древних городищ, которыми наиболее густо покрыта северо-западная часть Харьковской губ. В бассейне Днепра их насчитывают 23, в бассейне Донца – 18. Так, по Донцу и Удам известны городища: Нижегольское (Белгородского у. Курской губ.), Чугуево (Верхний Шарукан), Кабаново (при впадении р. Уды в Донец), Хорошево, Донецкое (г. Донец), Мухначево, Змиево (на устье р. Можы) и Каменное, по Пслу – Азацкое и Городецкое. Близ этих городищ находились и города, известные летописи: Вяхан на притоке Сулы, Терн, Попаш на Попадье и г. Зарытгий, вероятно недалеко от Попаша.

Пограничная со степью территория в то время была местом сторожевой службы и была покрыта валами и засеками. Кое-где, в более безопасных местах, попадалось здесь и оседлое население частью славянское, частью помесь славян с потомками алан и позднейшими тюркскими кочевниками. Хорошими памятниками от тюркских племен остались так называемые «каменные бабы». Под этим именем известны каменные изваяния, представляющие грубые подобию человеческой фигуры, которые кочевники ставили на своих могилах. В нашей области каменные бабы попадаются в южных уездах Харьковской губ. – Изюмском, Змиевском, Купянском и Старобельском. Следует упомянуть также об интересной общине, организованной вероятно упомянутой полуславянской помещью, известной под именем «бродников». Эта полуоседлая община представляла собой прототип воровского казачества, с которым ее сближали общие условия тревожной жизни искателей приключений в изобилующих естественными богатствами степях. Бродники считались, по-видимому, христианами, хотя к кочевникам стояли ближе, чем к русским. Иногда они участвовали в княжеских смутах: напр. В 1147 г. они помогали новгород-северскому князю Святославу Ольговичу. Во время нашествия татар бродники немало содействовали, в личных целях, поражению русских князей при Калке и дальнейшим неудачам русских князей в степях. Последним кочевым народом, надолго остановившим естественный рост и культурное развитие нашей области, были татары. Разорив северо-восточные княжества, татары в 1239–40 г. спустились в южную Русь, разграбили и сожгли все ее города. Запустение нашей области завершилось: население бежало отсюда на северо-восток (в Суздальскую, Рязанскую и Московскую Русь), на запад – на Карпаты и в бассейн р. Вислы. Хорошо заселенный край

обратился в степь, где кочевали татары. В 1246 г. через Киев к татарам приезжал из Польши папский миссионер Платон Карпини. «Когда мы проезжали по русской земле», говорил он, «то видели бесчисленное множество черепов и костей человеческих в степи. Киев был прежде очень велик и многолюден, а ныне в нем едва ли 200 домов». В северных частях нашей области, под прикрытием лесов и болот, население поредело в меньшей мере, чем в южной.

После того, как св. кн. Черниговский Михаил Всеволодович трагически погиб в орде, его сын Роман перешел на княжение в наиболее возвысившийся в то время Брянск, сделавшийся также резиденцией бывшего черниговского епископа. Роман Михайлович успешно оберегал границы Чернигово-Северской земли от притязаний смоленских князей и Литвы. С возвышением Литвы южно-русские земли очень скоро вошли в ее состав. Мирное и добровольное присоединение русских княжеств началось при Гедимине и было завершено Ольгердом, присоединившим Брянское, Северское и Черниговское княжества. Под протекторатом Литвы здешние русские земли освободились от татарского ига, но вместе с тем порвали связь с восточной Русью, которая в то время собиралась вокруг Москвы. Управление присоединенными к Литве княжествами частью перешло к князьям литовским из рода Гедимина, частью осталось в потомстве прежних русских князей. При этом сохранялся прежний удельный порядок и неизбежные при нем усобицы. Однако усиление центрального литовского правительства уже сказывалось в назначении воевод, старост и наместников.

Первое время по присоединении русских земель к Литве, последняя испытывала на себе сильное русское влияние: быстро распространялось православие, русский язык делался господствующим даже в нерусских частях Литвы.

Вскоре, однако, необходимость вести борьбу с тевтонским орденом вызвала сближение Литвы с Польшей. Сближение это шло быстрыми шагами, несмотря на сильное несочувствие к соединению с Польшей со стороны значительной части населения Литовского княжества, вызвавшее даже обособление его на некоторое время при Витовте. В Литве и русских землях, ей принадлежавших, начали распространяться польские порядки и католичество. Как и в Польше, здесь постепенно возрастало экономическое и политическое значение боярства – магнатов.

Усиление крупного дворянства отражалось невыгодно на положении посполства (крестьянства). Последнее постепенно лишалось права свободного перехода и обременялось подневольным трудом – барщиной и панщиной. Под влиянием польских порядков, сильно развивалось среди крестьян личное, усадебное землевладение, подрывая господствовавшее до тех пор общинное с переделами земель, которое здесь образовалось из родового путем припускания посторонних лиц «потужников». Наиболее характерна эта форма землепользования была для чернигово-северских земель. Значительной самостоятельности добились городское население, которое получило магдебургское право, освобождавшее горожан от некоторых казенных податей и подсудности королевским чиновникам. Купцы и ремесленники замыкались в цехи с выборным начальством и получили свой суд, находившийся в руках войта (судьи) с выборными бурмистрами и райцами. Все это относилось в нашей области, главным образом к лесистой Черниговской губернии, так как южные степные части области, разоренные татарами, представляли в это время в полном смысле слова «дикое поле».

В то время как возвышавшееся дворянство в русских землях Литвы охотно усваивало польские обычаи и при-

нимало католичество, потомки прежних удельных князей, терявшие свое исключительное положение, а еще в большей степени закрепощаемое крестьянство обращало взоры к Москве. Опираясь на эти слои населения, московское правительство уже с начала XVI в. высказывало притязания на русские земли Литовского княжества. Навстречу его желанию пошли удельные князья чернигово-северские – Новосильские, Белевские, Одоевские, Воротынские, Глинские и др., которые добровольно били челом московскому царю своими вотчинами. Попытка Литвы, терявшей таким образом значительную часть чернигово-северских владений, вернуть их оружием окончилась для нее неудачно. С тех пор чернигово-северские земли остались за Москвой, порубежные же владения во время войн переходили из рук в руки. При Иване Грозном боярство отошедших к Москве земель вновь тянуло к Литве, что и угрожало последней войной со стороны Москвы. Безвыходность положения Литвы заставила ее согласиться на унию с Польшей, заключенную в Люблине в 1569 г. По условиям соединения оба государства сливались в одно, имели одного монарха, общий сейм, общий сенат (рада), но особые законы, правительственные лица и отдельное войско. Часть западно-русских земель – Волынь, Подляхия и Украина, соответствовавшая нынешним Подольской, Киевской и Полтавской губерниям, переходила к Польше. В этих землях польское правительство и магнаты старались закрепостить народ и, в союзе с иезуитами, распространяли католичество и переходную к нему ступень от православия – унию.

Социальные и религиозные причины гнали из подчиненных Польше Холмской Руси и Волыни толпы недовольных малоруссов на пограничные со степью, опустевшие во время татарского нашествия земли Киевской губ. до Днепра, а затем и за Днепр в пределы Полтавской губ. (Переяславское

староство). С этого момента и началась колонизация нашей области малорусским элементом. Переселенцы вербовались из разных слоев населения. Сюда входили и недовольные зависимым положением мелкие шляхтичи, и мещане, стремившиеся на Украину из-за исключительных льгот, предоставлявшихся здешнему городскому населению, освобожденному от натуральных повинностей ради военных занятий; наконец самый большой контингент переселенцев составляли посполитые, бежавшие от крепостного права. Особые исключительные условия жизни в соседстве с тревожной и в то же время богатой степью перерабатывали все эти выселившееся недовольные элементы в тип поселенцев-воинов, известных под именем украинских казаков, подобно тому, как недовольные великорусские элементы Московского государства образовали в то же время донское и приволжское казачество. Слово «казак» заимствовано первоначально у татар, где казаками назывался низший разряд партизанского конного войска, и впервые упоминается в Рязанском княжестве. Казаки составляли вооруженные артели, пробиравшиеся в степь на отхожие промыслы – «ухожаи», «уходы» и занимавшиеся здесь рыбной ловлей, охотой, местами заводившие хутора для скотоводства и земледелия.

Польское правительство, не выпускаящее, подобно Московскому, казаков из своего подданства, пользовалось казачеством для своих целей, как надежным оплотом со стороны кочевников. Благодаря им, украинские земли становились безопаснее. Этим воспользовались в частности и польские магнаты, получившие здесь от правительства громаднейшие земельные участки, как Уманьщина в Киевской губ., Вишневецина, занимавшая почти всю Полтавскую губ. Чтобы заселить свои владения, паны «закликали посполитых на слободы», освобождая их на некоторое время

от повинностей. Новые владельцы вскоре вступили в столкновения с прежними вольными поселенцами, считавшими земли своими. Результатом земельных споров явилось усиление бегства непокорных элементов еще дальше в привольные степи и общее стремление населения оказаться.

Правительство, отстаивая интересы дворян, старалось уменьшить число казаков. Кроме того, оно было заинтересовано в том, чтобы подчинить своей власти этот беспокойный элемент, вызывавший своими набегами на крымских татар и турок неоднократно нарекания со стороны последних и втягивавших поляков даже в войны. Дать казакам организацию оказывалось, однако, долгое время делом очень трудным. В первое время своего существования казаки подчинялись старостам пограничных поветов, хотя это подчинение было номинальным, и не обеспечивало правительство от самовольных походов. Первая попытка дать казакам организацию относится к 1506 г. и приписывается Предславу Ланскоронскому который по поручению короля, разделил казаков на низовцев или запорожцев, живших за порогами Днепра и городских или украинских казаков. В 1569 г. казаки получили особого казацкого «старшого», подчиненного коронному гетману.

При Стефане Батории из городских казаков было выделено 6.000 человек под именем реестровых казаков, которые получали жалование, остальные же должны были быть обращены в посполство. Реформа Стефана Батория вызвала сильный рост вольных, так называемых «воровских» казаков. Наиболее безопасным пристанищем для них служили острова на Днепре за порогами (в пределах Екатеринославской губ.), где они вскоре организовали своеобразную общину, местопребывание которой называлось Сечью (сечь, сечь соответствует русской засеке, лесной вырубке). Ради безопасности местопребывание общины менялось, так

что за все время существования запорожского казачества известно 8 сечей. Наибольшею известностью пользовалась сечь на острове Хортице (Екатеринославской губ.), на месте, где в половине XVI в. была построена каневским старостой Дмитрием Вишневецким крепость для защиты казацких «уходов» на Днепре возле порогов. Община называлась кошем (стан). Она была организована на началах широкого самоуправления; доступ в нее был свободен для всякого под условием только принадлежности к православной церкви. Кроме этого, вступающие в общину должны были расставаться с женами, так как в сечь женщины не допускались.

Во главе войска стояли выборные: кошевой атаман с помощниками – войсковым судьей, писарем и есаулом. Кошевой пользовался неограниченною властью, во время войны, в мирное же время верховная власть принадлежала раде из всех членов общины без ограничения. Со времени своего возникновения запорожское казачество стало во главе почти всех казацких восстаний, которые с этих пор почти не прекращались. Уже в 1590 г. сейм, недовольный их самовольством, издал «порядок со стороны Низу и Украины», содержащий ряд суровых ограничений казацких вольностей. Стефан Баторий запретил выдавать казакам селитру и порох. На эти постановления казаки отвечали восстаниями. Восстания были тем успешнее, что находили для себя хорошую почву среди закрепощаемого посполства, охотно примыкавшего к казакам, так что волнения принимали характер настоящих крестьянских войн. В конце XVI века вспыхнули одно за другим восстания, во главе которых стояли Косинский, Наливайка, Лобода, Метла Гедройц. Значительных успехов достигли казаки в начале XVII в., когда во главе их стал Конашевич-Сагайдачный. Пользуясь стесненным положением Польши, обратившейся к казакам за помощью для войны с Россией (смутный

период), Сагайдачный добился ряда уступок, довел число казаков до 50.000 и первый получил титул гетмана. По его просьбе иерусалимский патриарх восстановил в Украине православную церковь в том виде, в котором она была до унии. Кроме того, Сагайдачный сделал попытку внутренней реформы казачества в демократическом духе, так как в это время уже начинал выделяться верхний слой – старшина. После Сагайдачного восстания не прекращались. Вследствие неудачи казаков, по условиям Куруковского договора, число реестровых казаков было сокращено до 6.000, хотя им был оставлен выборный гетман и свой суд.

Затем следовал ряд восстаний с переменным успехом – Тараса Трясила, запорожского гетмана Павлюга, Остряницы, Дмитрия Гуни. В 30-х и 40-х годах XVII ст. полякам, по-видимому, удалось сломить казаков. Казацкие старшие назначались польским правительством, поляки упрочились и на Запорожье в построенной французским инженером Бопланом крепости Кодак. Вместе с тем панская колонизация, влекшая за собой закрепощение народа, приняла необыкновенные размеры. Народ массами бежал в московские пределы и пробирался на Дон; таким образом на пространстве между Сеймом, Донцом и Доном (Курская, Воронежская и отчасти Харьковская губ.) малорусская вольная казачья колонизация из Польши слилась с великорусской вольной казачьей колонизацией из Московии.

В то время как польское правительство старалось вслед за казаками подвигаться на степь с северо-запада, Москва, как единоплеменная казачьему населению, с еще большим успехом смыкала вслед за донскими казаками и воздвигала свои оборонительные черты укреплений с севера. Систематическая колонизация степей русским правительством началась с XVI века. Московское правительство обыкновенно поселяло на южной границе государства полки, стоянки

которых постепенно смыкались валами и засеками. За пределами этих укрепленных линий в степи разъезжали сторожа и станичники, обязанность которых была следить за движением татар и заблаговременно предупреждать население об опасности. Местами в степи устраивались засады, острожки, укрепления, особенно близ татарских дорог – шляхов (сакм), перевозов и перелазов (бродов). *Муравский шлях*, или Царева дорога, по которой ходил крымский хан, направлялся, как известно, от Крымского Перекопа к Туле водоразделом рек Днепровского и Донского бассейнов. Узкое место, окруженное болотами и лесами между Можью (приток Сев. Донца) и Коломаком (приток Ворсклы) в нашей области было весьма удобно для устройства засады, чем и пользовалось правительство, держа здесь постоянную стражу. От Муравского шляха у верховье Орели отделялась к востоку *Изюмская сакма*. Далее она шла от Донца, через который была переправа ниже нынешнего Изюма, а затем водоразделом между Осколом и Донцом, переходя в соседнюю Центральную черноземную область. Наконец третья – *Калмиусская сакма* – направлялась по нашей области от Молочных Вод к притоку Донца Боровой, где был перевоз, а затем продолжалась в Центральную черноземную область на Ливны. Кроме этих трех главных дорог по нашей области частью или целиком пролегали второстепенные дороги, Бакаев, Ромодановский, Сагайдачный шляхи, направление которых одинаково – от Днепра в центральные местности России.

Колонизация южных границ Московского государства долгое время имела исключительно правительственный, принудительный характер. «Жилецкие люди» шли сюда неохотно в виду постоянно грозившей со стороны степи опасности, а поселенные силой нередко разбегались. Весьма незначительный процент пограничного населения

составляли также бояре и боярские дети. Главный контингент населения составляли «приборные люди» – казаки, стрельцы, рейтары, драгуны, затем строители городов – плотники, кузнецы, каменщики.

В виду сокращения расходов на содержание на границах служилого населения, правительство широко производило раздачу здесь поместий. Последние известны и за пределами московских владений, нередко далеко в степи. Так, по жалованным грамотам Михаила Федоровича ряд юртов (имений) по Сев. Донцу и Удам недалеко от г. Чугуева был отдан частным лицам. Однако долгое время правительство было принуждено постоянно подвозить на границы съестные припасы из центральных местностей, так как занятые войной служилые люди были не в состоянии вести сельское хозяйство. Более жизнеспособными и менее требовательными оказались мелкие поселенцы, привлекаемые сюда разными льготами, так называемые «однодворцы» или «четвертные владельцы», получавшие известное число четвертей или четей (земельная мера, равная $\frac{1}{2}$ дес.). Из них постепенно вырабатывался тип земледельца-воина, сходного с казаком. Пограничное население обыкновенно жило в слободах, города же служили главным образом для «осадного сидения», куда укрывался народ при приближении татар. Этим объясняется своеобразная наружность пограничных городов, состоявших из острога со двором вокруг.

Строительная деятельность московского правительства началась при Иване Грозном, когда мы видим два ряда городов, пограничных со степью. Из них передний выходил из Центральной черноземной области (Курская губ.) в Черниговскую губ., причем в пределах последней губернии в состав черты входил г. Новгород-Северск. Курская и Черниговская губернии тогда назывались Северской Украиной.

При Борисе Годунове была сделана смелая попытка двинуться далеко в степь, для чего был построен г. Царев-Борисов близ слияния р. Оскола с Донцом (ныне село того же имени). В этот город назначались на постой посменно ратные люди из украинских городов. Смутный период временно остановил победоносную борьбу со степью. Мало того, в этот период много заселенных мест (и в том числе, прежде всего отдаленный Царев-Борисов) запустело. В нашей области Чернигово-Северская земля представляла в то время очаг недовольных элементов, поддерживавших самозванцев. При Михаиле Федоровиче правительство приступило с новой энергией к обороне границ и продолжало строить города. Особенно усилилась эта деятельность в 1636 г. Под прикрытием правительственных мероприятий мало-помалу начала развиваться и вольная колонизация. Главным колонизаторским элементом в это время служили в нашей области малорусы. Первое массовое выселение малорусов в московские пределы относится к 1639 г., когда малорусские казаки, после неудачного восстания против поляков, бежали в русскую Украину со своим предводителем Яковом Остряницей и основали г. Чугуев на Донце. Через два года, впрочем, под влиянием польских подстрекательств они покинули Чугуев, почему русское правительство было вынуждено заселить его сведенцами из украинских городов.

При Алексее Михайловиче малорусская вольная колонизация приняла еще большие размеры. Малорусы массами переселялись в пределы Харьковской и восточной части Полтавской губернии, известные под именем Слободской Украины. Города последней вскоре заслонили только что оконченную Белгородскую черту, западная часть которой с г. Ахтыркой заходила на территорию нашей области, в остальных своих частях проходя по Центральной черноземной области недалеко от северной границы нынешней

Харьковской губ. К трем центральным городам Слободской Украины – восстановленному Царев-Борисову (близ устья р. Оскола), Чугуеву и Вольному – вскоре присоединились еще: Валки, Алешня (село Лебединского у.) Ахтырка, Бобрик (село Сумского у.), Каменное (с. Пригородка на р. Пселе Лебединского у.), Недригайлов, Тор (Славянск) и, наконец, Харьков. Из этих городов некоторые обязаны своим возникновением правительству, большая же часть – вольной – малоросской или смешанной с великорусской колонизации, так как последняя уже проникла в Харьковскую губ. Много тяглых людей из Московского государства бежали от усиливавшегося налогового гнета сюда на привольные степные земли. Пробирались сюда и промышленники – «охочьи люди» – с целью попытать счастья на соляных озерах близ Славянска, получая от правительства «на откуп» разработку этих естественных богатств.

Слагаясь из указанных элементов, новое население заняло при Михаиле Федоровиче пределы нынешних Ахтырского, Лебединского, Змиевского, Гадячского, частью Харьковского, Волчанского, Старобельского и Купянского уездов. По этнографическому составу ныне преобладают здесь малороссы, составляя до 70% населения, тогда как великорусы дают всего 30%. Последние при этом главным образом сосредотачиваются в восточных частях Харьковской губ., а именно на территории Старобельского, Змиевского, Волчанского, Харьковского и Купянского уездов.

Кроме правительственной и вольной колонизаций большое значение в населении края имели монастыри. Большинство их было основано выходцами из Польши, бежавшими от религиозных преследований после унии. Особенно известностью пользовались монастыри: Святогорский (Изюмского у.), Троицкий, Змиевский, Николаевский, Ахтырский и Курядский (близ Харькова). Из них наибольшее значение в деле колонизации имел Святогор-

ский монастырь на Донце. Расположенный весьма удобно на крутых меловых горах, где еще с XV в. спасались отшельники, он служил прекрасной крепостью, так как был хорошо укреплен самой природой (скалами), да кроме того имел пушки и был окружен стеной. Монастырь владел обширными участками земель и деятельно их заселял.

С конца XVI века южно-русское православное духовенство, по мере распространения унии и усиления преследования «хлопской» веры, как называли поляки православие, начало вести переговоры с Москвой о присоединении той части нашей области (западных двух третей), которая не была еще подвластна Москве. Множество монахов переселилось в русские пределы и основало здесь монастыри. Московское правительство охотно давало им свое покровительство. Особенно много милостей расточалось монастырям Мгарскому (Лубенского у.), Густынскому и Ладинскому (Прилуцкого у.), сильно подготовлявшим почву для сращения с Москвой русских земель польской короны.

В 1648 г. поднялось громадное восстание казаков под предводительством одного из казацких старшин Богдана (Зиновия) Хмельницкого. В союзе с крымским ханом Хмельницкий одержал ряд побед над поляками и своими «универсалами» поднял всю Украину. После поражения под Зборовом польский король Ян Казимир вынужден был возвратить казакам их былые вольности и увеличить число реестровых казаков до 40 тысяч. Однако вслед за этим последовало поражение казаков под Берестечком и новое сокращение числа казаков до 20 тысяч по условиям Белоцерковского мира. Вместе с тем снова усилилась панская колонизация, сопровождавшаяся закрепощением народа. Последний бежал в Слободскую Украину, где вскоре появились города: Сумы, Лебедин, Белополье и др. Под влиянием неудач Хмельницкий обратился к московскому правительству

с просьбой принять Малороссию под царскую руку. После долгих переговоров земский собор 1653 г. высказался за присоединение. На раде в Переяславле были прочитаны условия последнего, и народ был приведен к присяге.

Присоединение Малороссии вызвало войну России с Польшей, результатом которой было признание Малороссии за Россией. По условиям соединения, число реестровых казаков было доведено до 60 тысяч. Вольности запорожского войска были распространены на все население. Гетман избирался на генеральной раде, которая обыкновенно собиралась из казаков, в некоторых же случаях на раду являлись и мещане и даже посольство; в таком случае она называлась черной радой. Гетман считался главой войска, имел право дипломатических сношений с иностранными государствами, за исключением турецкого и польского; кроме того, ему принадлежала высшая административная власть среди присоединенного населения. При гетмане состояла генеральная войсковая канцелярия, в состав которой входили: генеральный обозный, судья, писарь, есаул, хорунжий и бунчужный. Вся левобережная Украина делилась на 10 полков, полки – на сотни, последняя – на курени. Во главе этих групп стояли частью выборные, частью назначаемые – полковники, сотники, куренные атаманы. Наконец, посольство управлялось выбранным на «громаде» (сходе) войтом.

Соответственно этим градациям было установлено деление суда на сельский, сотенный, полковой и генеральный с участием «старинных, значных людей». Шляхта сохранила свои права, городам было оставлено магдебургское право. Духовенство присоединялось на условиях подчинения константинопольскому патриарху. После присоединения Малороссии быстро завершилась колонизация области трех малорусских губерний. В период с 1651 по 1681 год

малорусы окончательно заселили почти всю Харьковскую губ., заслонив только что оконченную оборонительную черту по Сев. Донцу и Коломаку, заключающую города: Царевоборисов (Изюмского у.), Соленый (Славянск), Балаклею (на Сев. Донце, Змиевского у.), Бишкін (на Сев. Донце, Змиевского у.), Змиев и Валки.

После Богдана Хмельницкого началось разложение казачества, потерявшего уже свое прежнее значение. Из среды однородного населения выделилась войсковая канцелярия; занимаемые ее членами должности, прежде выборные, теперь фактически сделались наследственными. Вместе со своим возвышением члены канцелярии обнаруживали стремление уравниваться в правах с панами и подчинить себе массу, почему и тянули к аристократической Польше.

С другой стороны московское правительство систематически сокращало вольности воевод, проводя на выборах своих кандидатов, наконец, разными милостями склоняя на свою сторону гетманов. Все это вызывало непрерывные смуты и частую смену гетманов. Представителями интересов старшины являются преемник Хмельницкого Выговский и сын его Юрий Хмельницкий, которые передались Польше. Произошло разделение Малороссии на право- и лево-бережную. Последняя осталась верна Москве и утвердилась за ней, по Андрусовскому договору в 1667 г., после второй войны России с Польшей.

За указанными гетманами в левобережной Украине следовали: избранный на черной раде Брюховецкий, впоследствии убитый казаками за излишнюю угодливость Москве, и Многогрешный. В гетманство Многогрешного Москве удалось ввести воевод в Киев, Переяслав, Чернигов и Остр. После Многогрешного был избран гетманом Иван Самойлович.

На правой стороне Днепра также происходила в это время постоянная смена гетманов. Один из них – Петр До-

рошенко – предложил турецкому султану Магомету IV подчинить Малороссию на условиях вассального государства. Это вызвало войну России и Польши с Турцией. По Бахчисарайскому миру в 1681 г. правый берег Днепра утвердился за Турцией, а левый – за Россией. Левобережная Украина была признана за Москвой также на вечном мире России с Польшей в 1686 г. Новая попытка образовать из Малороссии автономное государство была сделана преемником Самойловича – Мазепой. Задумав отделение от России, Мазепа вел тайные переговоры с польским королем Станиславом Лещинским, а в 1708 г., когда шведский король Карл XII вступил в пределы Малороссии, – передался ему. Благодаря энергичным мерам Меншикова, за Мазепой последовало, однако, очень немного казаков. После Полтавской победы в 1709 г. Петр Великий принял решительные меры, чтобы обеспечить себя от двуличной политики гетманов, которая едва не привела к печальному исходу войну со шведами. Гетманское управление было подчинено контролю, для чего при преемнике Мазепы Скоропадском был назначен особый чиновник. Кроме того, важное значение, получила генеральная войсковая канцелярия, которая представляла собой всегда послушное орудие в руках правительства. Наконец, верховное управление по делам малороссийским было передано особой Малороссийской коллегии.

После смерти Скоропадского временно гетманские обязанности исправлял Полуботок. Вскоре он вызвал неудовольствие Петра и был заключен в Петропавловскую крепость. С тех пор до Петра II управление сосредотачивалось в Малороссийской коллегии. Подчиняя управление Малороссией центральному правительству, Петр Великий и в других отношениях старался поставить край в одинаковые условия с остальными областями России. С целью

уравнивания малорусского казачества с прочим населением, Петр Великий поселял среди малорусов пришлый, чуждый им элемент. Так, в 1711 г. близ Харькова были отведены земли молдаванам, пришедшим с князем Кантемиром, в 1723 г. были поселены близ Тора сербы, наконец, земли по Айдару (Старобельский у.) были отданы острогожским казакам.

При Петре II была уничтожена Малороссийская коллегия, и управление перешло ко вновь избранному гетману Даниилу Апостолу. Вместе с тем был проведен ряд реформ: казаки получали подтверждение прежних вольностей, было произведено следствие о местностях, составлен «сборник прав, по которым судится малорусский народ», переведено на русский язык магдебургское право. Реформы эти, однако, не могли воскресить прежней Малороссии, тем более что они сопровождались мерами совершенно противоположными, а именно широкой раздачей земель русским вельможам. Последние привозили с собой из центральных великорусских местностей своих крестьян, с которыми постепенно и уравнивалось малороссийское население.

При имп. Анне Ивановне в 1733 г. было приступлено к постройке Украинской линии, прошедшей по южной части Харьковской и Полтавской губерний (Изюмский, Змиевский, Константиноградский, Валковский и Кобеляцкий уезды). К постройке этой линии казаки были привлечены наравне с крестьянами, причем были обложены тяжелыми повинностями. Новая линия была заселена военными поселянами из однодворцев, называвшимися ландмилиционерами. После Апостола управление Малороссией сосредотачивалось в руках «правления гетманского уряда», состоявшего из 6 членов – трех великорусов и трех малорусов. При Елисавете Петровне описываемыми тремя губерниями некоторое время управляла войсковая генеральная канцелярия, а в 1750 г.

под давлением правительства, был выбран гетманом Кир. Григ. Разумовский. Новый гетман щедро раздавал малороссийские земли «в вечное и потомственное свое и наследников своих владение», а в 1760 г. затруднил переход крестьян от одних владельцев к другим. Имп. Екатерина II решительно высказалась против малороссийских «конфирмованных привилегий».

В 1764 г. восстановлена была малороссийская коллегия из 4 великорусов и 4 малорусов, а гетманство уничтожено. Для защиты границ казаки оказались уже ненужными. Новая оборонительная линия против крымцев, построенная в 1764 г., прошла уже южнее Малороссийской области – в пределах Екатеринославской губ., и быстро заселилась новыми поселенцами – черногорцами, сербами, калмыками. В 1775 г., по приказанию императрицы, было разорено гнездо казацких вольностей – Запорожская Сечь, а земли, принадлежавшие ей, розданы русским вельможам. Часть запорожцев вошла в состав новообразованного Черноморского войска, другая же выселилась в Турцию, основав в Добрудже так называемую Задунайскую Сечь. В 1828 г. казаки Задунайской Сечи, с разрешения имп. Николая I, возвратились в Россию и были поселены в Аккерманском уезде Бессарабской губ. По присоединении Крыма в 1783 г. казачество потеряло всякое значение. Казачьи полки обратились в регулярные карабинерские. Окончательно упрочилось и крепостное право. В 1783 г. был запрещен свободный переход крестьян, и введено подушное обложение. Жалованная грамота дворянству в 1785 г. распространилась и на малороссийскую шляхту, уравнивая ее в правах с русским дворянством. В 1786 г. произошло отобрание монастырских земель, а население последних было обращено в государственных крестьян. В административном отношении Малороссия была разделена на наместничества, из которых при Павле I

образована одна, а в 1802 г. две малороссийских губернии – Черниговская и Полтавская; Харьковская же губерния получила свое окончательное устройство в 1836 г. При Николае I были уничтожены и последние остатки малороссийских вольностей – магдебургское право и судопроизводство по литовскому статусу. Так самостоятельная Малороссия окончила свое существование, и великий своим историческим прошлым ручей слился с русским морем.

Войдя в состав русского государства, Малороссия наряду с другими его областями участвует в общих начинаниях на пользу культуры, в числе которых бесспорно первое место занимает народное образование. В области трех малороссийских губерний оно, впрочем, не может похвалиться особыми успехами. По сравнению с другими русскими областями, губернии нашей области занимают одно из последних мест.

Главными насадителями народного образования, как и в других областях, здесь являются земства, уделяющие на нужды его от 12,9 до 20,3% своего бюджета. Особым оживлением отличается последнее пятилетие (1896–1900 гг.), в периоде которого уже местами (Черниговская и Полтавская губ.) земство ставит на очередь вопрос о всеобщем обучении, хотя конечно для выполнения этой задачи ассигнования на народное образование должны быть увеличены в несколько раз.

Из четырех высших учебных заведений три находятся в Харькове, а именно – университет, технологический и ветеринарный институты, и одно в Нежине – историко-филологический институт гр. Безбородко.

2. НАСЕЛЕНИЕ МАЛОРОССИИ, ЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ, БЫТ И КУЛЬТУРА

А. Я. Пора-Леонович, Я. Ф. Ставровский
«Россия...», т. VII. С. 90–126

Общее число жителей Малороссии, по данным всеобщей переписи 28 января 1897 г., простирается до 7.626.438 душ обоего пола, что составляет около 6% или $\frac{1}{17}$ часть всего населения Российской Империи и более $\frac{1}{12}$ части населения Европейской России. По отдельным губерниям население распределяется следующим образом: в Полтавской губ. на пространстве 43.844,0 кв. верст живет 2.794.727 человек, в Харьковской губ. на пространстве 47.884,8 кв. вер. – 2.509.811 человек и в Черниговской губ. на пространстве 46.042,3 кв. вер. – 2.321.900 человек. Таким образом наиболее населенною местностью является Полтавская губ., где на 1 кв. вер. приходится 63,7 жителей, тогда как в Харьковской губ. на то же пространство приходится 52,5 жителей, а в Черниговской – 50,4 жителя, в среднем же по области 55,5 человек, что составляет в $2\frac{1}{2}$ раза больше средней плотности Европейской России.

Столь значительная неравномерность в распределении населения по территории данной области имеет свои исторические причины. В конце XV столетия по левую сторону Днепра в пределах нынешней Полтавской и в южной части

Черниговской губ. поселились казаки, которые впоследствии образовали особое наместничество. Служа защитой границ польского государства от набегов татар, и благодаря своим личным военным подвигам, они в скором времени приобрели себе массу прав и привилегий, которых не имели ни Польша, ни Россия, вследствие чего к ним стали стекаться с различных концов как недовольные порядками московских государей владельческие крестьяне, старавшиеся избавиться от крепостной зависимости, так «удальцы» и бедняки из Белоруссии, Волыни, Литвы, Польши и других местностей. Таким образом, население нынешней центральной части Малороссии в короткий промежуток времени успело весьма значительно увеличиться, причем города и селения основывались преимущественно по берегам рек, и уже отсюда оно разрасталось вглубь страны по направлению с северо-запада на юго-восток. Следы такого заселения Малороссии видны и поныне. Гуще всего население сгруппировалось в средней части нашей области, образовав несколько крупных центров вокруг наиболее промышленных городов, каковы: Харьков, Кременчуг, Сумы, Ромны и Полтава, где, благодаря этим городам, на 1 кв. версту приходится свыше 80 жителей. Северо-западная часть Черниговской губ., и особенно юго-восточная половина Харьковской губ., населены уже значительно реже. В последней местности плотность населения, в среднем, не превышает 40–50 жителей на 1 кв. версту.

В начале XIX века, когда малороссийские губернии были преобразованы и границы их окончательно установлены, жителей в Малороссии на пространстве 137.771 кв. верст числилось около 3 млн., что составляет приблизительно 22 человека на 1 кв. версту. Если мы сравним эту плотность населения с теперешнею, то увидим, что она в течение столетия возросла более чем в $2\frac{1}{2}$ раза. Если бы

прирост населения шел с тою же скоростью, как в пятидесятых годах, то на 100 человек населения 1851 года приросло бы к 1897 г. 53 человека, а между тем их приросло 73, несмотря на усиленное выселение в азиатские владения России.

Эти данные показывают, какое огромное влияние на увеличение населения оказало освобождение крестьян от крепостной зависимости. В то время как в первой половине XIX века число жителей возросло, в среднем по области, приблизительно на 47%, с 1851 г. по 1897 г. оно увеличилось на 73% или более чем в $1\frac{1}{5}$ раза.

Рассматривая в отдельности губернии, мы видим, что за вторую половину минувшего столетия наибольший прирост населения дала Харьковская губ. (83%), благодаря главным образом притоку значительной части населения из других местностей, прирост же Черниговской и Полтавской губ. почти одинаков: для первой он составляет 68%, а для второй – 67%. Наибольшее увеличение плотности населения после освобождения крестьян, между 1863–1885 г. С середины же 80-х годов плотность растет уже гораздо медленнее благодаря выселению избытка населения на восток.

Скажем еще несколько слов о естественном движении населения в малороссийских губерниях за последнее десятилетие с 1888 г. по 1897 г. Оно может быть выражено в следующих средних числовых величинах.

Коэффициент брачности нашей области совершенно одинаков с таковым по Европейской России вообще; но в отдельности по губерниям он представляет значительные колебания, причем наименьшею брачностью отличается Черниговская губ., где на 100 жителей приходится 0,78 браков, а наибольшею – Харьковская губ., где на такое же количество жителей приходится 0,95 браков.

По коэффициенту рождаемости Харьковская губ. занимает первое место в Малороссии, за ней следует Чернигов-

ская губ. и затем Полтавская. Количество же рождений, в среднем по области, немного превышает таковое по Европейской России вообще, имеющей коэффициентом 4,83 на 100 жителей.

Смертность в Малороссии сравнительно невелика: она на 18% ниже средней по России. В отношении смертности наши губернии следуют в том же порядке, как и в отношении рождаемости, т. е. наибольшая смертность наблюдается в Харьковской губ. и наименьшая – в Полтавской губ., Черниговская же губерния занимает среднее положение.

Естественный прирост населения, как в среднем по области, так и по отдельным губерниям, значительно превосходит средний прирост по России, равный 1,41. В частности Полтавская губерния за указанное десятилетие обнаружила на 5% больший прирост, чем в двух других губерниях и на 24% больший среднего по России.

Число населенных пунктов, в общем, по области через 29 лет более чем удвоилось; в частности наименьшую способность к расселению обнаружила Черниговская губ. и наибольшую – Полтавская губ., где расстояние между поселками сократилось, в среднем, до 4,7 верст, тогда как в двух других губерниях – Харьковской и Черниговской губ. оно составляет еще 8,0 верст. Это явление объясняется основанием множества мелких хуторов в Полтавской губернии. Что касается людности селений, то и в этом отношении две только что названные губернии сходятся между собою, имея в среднем: первая – 359, а вторая – 367 жителей на одно селение; в Полтавской же губ. на одно селение приходится всего лишь 269 человек, почти на 100 человек меньше, чем, напр., в Черниговской губ., что можно объяснить лишь значительным числом мелких хуторов, рассыпанных между крупными селениями. Если же вычесть хутора, то крупность селений в Полтавской губ. будет наибольшая во всей области.

Сословный состав населения может быть охарактеризован тем, что преобладающий элемент населения области составляют крестьяне; последних насчитывается свыше 87% или почти всего населения Малороссии, на долю же всех прочих сословий приходится $\frac{1}{8}$ часть или 13%. По отдельным губерниям количество населения некрестьянских сословий распределяется таким образом, что наибольший процент их (16%) приходится на Черниговскую губ. и наименьший (10%) – на Харьковскую губ., Полтавская же губ. занимает среднее положение, имея 12% некрестьян. Сопоставляя процентное отношение городского населения с % некрестьянских сословий, легко заметить, что лишь в Харьковской губ. значительная часть крестьян живет в городах, не порывая, однако, связи с деревней, тогда как в двух других губерниях, особенно в Черниговской, не только все крестьяне живут в деревнях, но и небольшая доля прочих сословий предпочитают жить вне городов, образуя местечки и занимаясь земледелием и другими сельскими промыслами.

В *этнографическом отношении* область трех малороссийских губерний представляет довольно однообразный состав. Подавляющую в численном отношении часть ее населения, именно 84,9%, составляют малорусы. Происхождение малорусов в рассматриваемой области следующее. Исконные обитатели Полесья, Галиции, Волыни и Холмской Руси, под влиянием польских притеснений, двинулись на ю.-в. – на опустевшие во время нашествий кочевников киевские, переяславские и частью чернигово-северские земли и, смешавшись с уцелевшими здесь кое-где остатками оседлого славянского населения, а может быть отчасти и с тюркскими элементами, образовали малорусское племя.

Прилив населения на опустевшие от татарского разгрома земли здесь начался еще с XIV–XVI веков, когда

степь была весьма опасной. Вот почему первый колонизационный поток в нашей области направился в южную часть Черниговской губ., лишь небольшой полосой захватив север Полтавской губ. Южнее население могло обосноваться уже значительно позднее, когда опасность со стороны степи уменьшилась. И действительно колонизация этой части началась только с конца XVI в. и особенно усилилась в XVII в., к середине которого была заселена Полтавская губ., после чего толпы переселенцев направились уже в Харьковскую губ. Заселение последней пошло еще быстрее и почти закончилось в каких-нибудь два – три десятилетия с 1651 по 1681 год, отчасти при содействии колонизации великорусской, направлявшейся сюда же с севера.

Наиболее чистый малорусский тип представляет население Полтавской губ., так как во время колонизации территория этой губернии была совершенной пустыней. И в настоящее время малороссы составляют здесь 97,6% населения, тогда как население двух других губерний не отличается таким однородным составом; в Черниговской губ. малороссы дают 85,6%, в Харьковской – 69,5%. Объяснение этого опять находим в истории колонизации. В действительности, в Черниговской губ. малорусы уже при своем расселении встретили остатки первых насельников края – потомков северян. Вследствие этого население Черниговской губ. в значительной мере представляло как бы переходную ступень от великороссов к малорусам. В XVII в. сюда стали выселяться, кроме того, и настоящие великорусы – раскольники, основавшиеся в Стародубском и Новозыбковском, а затем в Городнянском и Суражском уездах. Наконец, в последний уезд в том же веке переселились белорусы с северо-запада. В Харьковской губ. малорусская колонизация встретила с великорусской, причем вели-

корусы заселили главным образом восточную часть губернии – уезды Старобельский, Змиевский, Харьковский, Волчанский и Купянский. Описанному порядку заселения края вполне соответствует размещение здесь трех говоров малорусского наречия.

Из *инородцев*, в общем, входящих в состав населения в очень незначительном количестве (всего 2,1%), впервые проникли сюда евреи, явившиеся на территорию области из Польши уже с первым колонизационным потоком в качестве торговых людей; особенно же усилился прилив *евреев* во время панской колонизации. В настоящее время наибольшее число евреев живет в Полтавской и Черниговской губ., где еврейское население составляет от 1–5% населения, доходя в уездах Черниговском, Нежинском, Мглинском, Стародубском и Новгород-Северском до 5–10%, а в Кременчугском до 10–16%. В Харьковской губ. процент еврейского населения не превышает 1% и только в Харьковском уезде колеблется между 1–5%. Поселение в пределах области *немцев-колонистов*, *греков* (Нежинский у.) и *цыган* относится уже к XVIII в. и главным образом ко времени имп. Екатерины II.

В зависимости от примеси тех или иных элементов, а в значительной степени также от местных географических условий находятся и особенности как материальной, так и духовной культуры, к описанию которых мы теперь и переходим.

В чистом своем типе *малорусы* занимают одно из первых мест среди славян по своей рослости. В области трех малороссийских губерний наиболее чистая малороссийская губерния – Полтавская – отличается и наибольшим ростом населения. В двух других губерниях понижение роста обязано примеси, по-видимому, других славянских элементов.

Наиболее характерным цветом волос для малоросса считается темно-русый, как показывает следующая таблица, составленная членами экспедиции в Западный край:

черноволосые	13,28 %
темно-русые	58,52 %
светло-русые	24,35 %
рыжие	3,83 %

В отношении цвета глаз те же наблюдения дают следующую последовательность:

черные глаза	7,15 %
карие	25,31 %
голубые	17,56 %
серые	49,96 %

Как видим, серый цвет глаз оказывается более распространенным, хотя в понятии красоты у малоросса отдается предпочтение карим очам. Брови расположены у 54,2% в линию и у 45,8% дугой, причем срастание бровей наблюдается только у 14,4%. Относительно формы черепа у малороссов замечается значительно большее уклонение от строения его у древних славян, чем у великороссов. Сравнительно с последними, у малоросса более выражена брахикефалия, т. е. череп у них относительно шире и короче, что выражается и большим головным показателем (отношение наибольшей ширины к наибольшей длине черепа, принятой за 100): у малороссов он равен 82,5–85, а у великороссов только 80,8.

Характер малороссов представляет много своеобразного, довольно резко выделяющего их из среды других славянских племен. Прежде всего, следует отметить медленность движений, граничащую с ленью. В работе ума нередко проявляется та же медленность и неповоротливость, неспособность к быстрой сметливости, почему малоросс не отличается большой практичностью. Способность сосредоточиваться ведет малоросса к мечтательности, а по-

следняя дает пищу его богатому поэтическому творчеству. В творчестве малоросса сказались больше всего его эстетические наклонности, составляющие замечательную черту характера.

В действительности, любовь к изящному пропитывает всю жизнь малоросса. Кроме сферы поэтического и музыкального творчества, заметна она и в его одежде, и в жилище, в любви к природе, проявляющейся, например, в заботливом уходе за садиком – неперенной принадлежности малороссийской хаты, наконец, в отсутствии цинизма в его языке и поступках. Примесь к характеру мягкости лишает малоросса энергии, силы воли, которые заменены у него упрямством: не легко откажется он от раз принятого решения или согласится с чужим мнением. Мягкость характера, в связи с непрактичностью, во время невзгод его исторической жизни часто делали его страдающим и угнетаемым, неудачником, что и отразилось в нотках тихой грусти, меланхолии, звучащих в его поэзии, а еще больше в музыке. Наконец, та же мягкость ограничила его отрицательное отношение к людям добродушным, но довольно тонким юмором. Невзгоды исторической жизни способствовали также выработке у малороссов скрытности, сдержанности, переходящей нередко в хитрость, вообще развитию дипломатических способностей. К сказанному надо прибавить необыкновенную чувствительность малоросса, весьма трогательную привязанность его к семье. Избыток этой чувствительности ведет его к беспричинной слезливости, к любви провести время в душевных разговорах за чаркой водки в деревенском клубе – корчме.

Малорусское наречие представляет много существенных особенностей, образовавшихся частью в период обособленной жизни населения, частью обязанных своим происхождением смешению населения со всевозможными

племенами, начиная с поляков и кончая тюркскими инородцами. В местных особенностях языка нашей области отразилось уже не раз отмеченное нами влияние примеси к малорусскому населению всевозможных этнографических элементов. Наиболее чистым языком говорит население Полтавской губ. (каневско-полтавское разноречие); в двух других губерниях наблюдается ряд заимствований у великороссов, а в Черниговской губ., кроме них, также у белорусов. В Городнянском, Черниговском, Сосницком, Новгород-Северском и Остерском уездах, напр., распространено заимствованное у белорусов аканье.

Постройки в нашей области находятся в прямом соответствии с характером местности. В северной, лесистой части, распространены деревянные строения; здесь можно встретить и белорусскую, грязную курную избу, и совершенно великорусскую, так называемую «рублену хату». В большей же части области, именно – в южной части Черниговской, и особенно в Полтавской и Харьковской губ., преобладают мазанки – постройки из глины, которые для малоросса, как степняка по преимуществу, и наиболее типичны. В мазанке «шули» или «стлупы» (бревна, а то и просто колы) служат только остовам здания и связаны наверху «ощепинями». Стены же плетут из хвороста или соломы, покрывая с обеих сторон толстым слоем глины. Крыша крыта обыкновенно соломой или тростником и делается с навесом – «причилком». «Пид причилком хозяин майструэ секирою, стругом и долотом»; здесь же иногда хранится зимою воз, летом – земледельческие орудия. Вокруг хаты, для защиты ее от сырости, устроена насыпь – «призба», которая служит местом, где в хорошую погоду семья ужинает. Размеры типичной хаты невелики: около 7 арш. в длину и 6 ½ в ширину. Вообще мазанки производят приятное впечатление своей чистотой, о поддержании ко-

торой малоросс всегда очень заботится, довольно часто обмазывая стены как внутри, так и снаружи мелом; специальных же украшений они не имеют, за исключением разве пивника (петуха) на трубе, да иногда еще рамы окон и дверей снаружи и внутри окаймлены разноцветными разводами – «пятками». Дверь со двора ведет в «сени», делящие дом на две части: на собственно жилую хату и «комору» или «хижу». Против входной двери другая дверь выходит из сеней в огород.

В сенях по стенке развешаны: упряжь, цеп, коса, грабли; здесь же стоит «ослин» (подставка), на которой летом поставлено ведро с водой, зимой во избежание замерзания, помещаемое в хату. К стене сеней прислонена деревянная лестница – «драбина», служащая для хода «на гору» (чердак). Дверь «на бигунах», ведущая из сеней в хату, устраивается низкой и снабжена большим порогом для удержания тепла зимой. Внутренность жилья поражает своей чистотой. Пол сделан из хорошо убитой глины, стены и потолок – «стеля» – выбелены; особым же уходом пользуется печь: хозяйка белит «припичок» каждую неделю, а «доливку» – в две недели раз. Главным украшением стен служат «образы», «боги» (иконы), до которых малоросс большой охотник, причем, пленясь яркостью красок, нередко помещает иконы католического письма. Образа помещаются «на покути» (в красном углу) на полочке – «божнике» или «суднике»; заботливо украшенном резьбою, цветами, рушниками. Перед образом прилажена лампада, которую зажигают в большие праздники, а к ней привешено разукрашенное яйцо «пысанка». «На покути» стоит стол, покрытый скатертью; на нем непременно лежит «як не цильй, то окраиц хлиба – так годытця». По стенам идут лавки, под которыми размещены «ослинцы» (подвижная мебель – скамейки).

Печь занимает почти $\frac{1}{4}$ всей хаты. Она делается обыкновенно из глины, покрывающей остов из плетня или соломы. Печку составляют: «варистая печь», «комин» (дымоход) и «вывод» или «шия» (труба), от которой отделяется в бок еще плетеная труба, открывающаяся в стене; это отверстие зимой затыкают тряпками. Около печи устроен деревянный «пил» (пол), вроде нар, на котором спят. Тут же к «стели» прикреплена «колиска» (люлька). Недалеко от двери против печи стоит «суднык» с женским платьем, а около печи «мысник» (шкапчик с посудой), «помыйница» (помойница) для выбрасывания остатков кушаний, а зимою также «дичечка з водою»; тут же прислонены к печи рога, кочегра и веник.

«Комора» или «хижа» представляет собою кладовую, где хранятся наиболее ценные хозяйственные предметы, стоит «скриня» на колесах (сундук), и развешаны одежды. Здесь же на жерди висит сало. Комора часто не обмазывается глиной, а вместо окна имеет небольшое отверстие для света. Летом в коморе иногда спит кто-нибудь из семейных. Весьма важную роль играет она во время свадьбы. Иногда комора устраивается «на отшибе», отдельно от хаты, в каком случае ее заменяет светлица. Последняя напоминает жилую избу, только печь у ней заменена лежанкой. Светлица служит для жилья семейных членов семьи, а также парадной комнатой во время праздников. В некоторых случаях жилая изба разделяется перегородкой на две части: на более чистую – приемную, и на спальню – так называемый «алькир» или «валькир».

К хате с переднего фасада примыкает «подвирье, двир» (подворье, двор), а сзади «город», в котором находятся хозяйственные постройки, садик и огород. Кругом двор и огород обнесены высоким частоколом. Из построек, расположенных внутри двора, чаще всего встречаются: «по-

витка» с «загатой» (небольшой отгороженный дворик) для рогатого скота, «кошара» для овец, «загоны» или «свинюшники», «саж» для откармливания кабанов, «шоп» (сарай для хозяйственных орудий) и, наконец «комора» или «шпихлир», если она устроена отдельно от хаты. Внутри огорода, отделенного особым плетнем, расположены «клуня» (гумно) и «лех» (погреб). Хаты в малорусской деревне, в отличие от великорусской, разбросаны в беспорядке и не составляют правильной улицы. Фасадом (викна) они обращены всегда на юг, почему на улицу выходят часто боком или даже задней стороной.

В *одежде* малоросс и особенно малороссиянка проявляет всего больше столь свойственного их натуре вкуса. Материалом для одежд служат: домашнее сукно, холст и овчина, отчасти покупной цветной ситец и реже полотно. Мужскую нижнюю одежду составляет рубаха с низким широким воротом, который называется «пяредня, ковнер», носимая всегда на выпуск и подпоясанная, с цветным шерстяным поясом, и шаровары из «набойки» – домашнего полотна, выкрашенного набойщиками – отличавшаяся прежде необыкновенной шириной «с Черное море», а теперь более узкие. Стягиваются они особой пришитой к ним веревочкой, называемой «учкуром». Иногда свех рубахи мужчины надевают еще род камзола из сукна, известного под именем «жилетки». Женщины носят длинные сорочки до пят с подолом, украшенным «мережкой» (вышивкой), которая непременно видна из-под верхней одежды.

Весьма характерны для принадлежности женского наряда, ныне выходящие из употребления – «запаска» и «плахта» (также «дерга»). Эти одежды представляют собой четырехугольные куски обыкновенно черной или цветной шерстяной материи, обвивающие стан; стянуты они «окравком» или «червонным» шерстяным поясом, а спереди

закрыты «попередницей» (передником). В настоящее время плахта и запаска вытесняются «спидницей», представляющей подобие короткой юбки, из-под которой видна мережка на рубахе. Выходит из употребления также и «саян» или «панева» – тоже род юбки; теперь эту одежду можно встретить главным образом у пожилых женщин. Сверху спидницы и паневы обыкновенно одевают «хвартук». Оригинальна также играющая роль лифа безрукавка, называемая «корсеткой», «холодайкой». Верхняя одежда у мужчин и женщин одинакова и разве иногда отличается у последних более изящным покроем. К числу их относятся зимние одежды: кожих (дубленка, овчинный тулуп) и кожушина, а у женщин еще «азям» – нарядная шуба, крытая китайкой, из лучших овчин. В остальное время года носят одежды из домашнего сукна, как-то: «свиту», «свитянку» (зипун), «юпку», «чамарку» или «ченарку», заменяющую у молодых свитку и представляющую подобие русской поддевки, «керею» или «сиряк» (из серого сукна). Последние две одежды одеваются поверх всего в плохую погоду; они делаются в виде балахона из плохого сукна – рядовины и снабжены капюшоном, который называется «богородица», «кобиняк».

Обувь, как у мужчин, так и у женщин составляют чоботы (сапоги) с подковой или гвоздями. В будни ходят в «постолах», «московицах», «щербачах» (род лаптей или сандалий, подвязываемых ремешком). Женщины носят еще черевки, похожие на туфли. В Полтавской губ. у девушек в большом ходу «черевки на корках», с загнутыми носками и на высоких каблуках. Из головных уборов мужчины носят всего больше летом покупные картузы и «козирки», а также род шапок довольно сходной формы в виде усеченного конуса. Сюда относятся: войлочные или соломенные «брили», «капелюхи», отличающиеся от них большими

полями, вышедшие ныне из употребления «мегерки» (маргелки), а также зимние смушковые шапки «крысатки». У девушек волосы заплетают в одну косу и убирают или узорчатым черным платком, повязанным особым способом, а также длинными лентами, густыми прядями, спускающимися сзади, или искусственными, а летом и живыми цветами в виде венка. Замужние женщины непременно покрывают голову, для чего служат: «очипок» (род коробки с овальным дном), чепец, обыкновенный повойник, капор. Сверху эти головные уборы повязаны еще платком или «повязкой». Шея и грудь у девушек обыкновенно увешена «намистом» (монистом), которое составляют «хресты», «цилковые» (монеты с ушками), «дукач», «бруштыны» (янтарь), а то и простые цветные стекла. Особенно ценится так называемое «добре намисто» – коралловое. Мужчины в настоящее время уже не бреют головы, так что чуб можно встретить только у стариков, да и то больше правобережных, т. е. в Киевской губ. Головы бреют только у детей, оставляя у них род чуба – «оселедец», «чуприну»; взрослые же стригут волосы в кружок и скобку.

Пища у малоросса отличается значительным разнообразием и даже некоторой изысканностью, хотя это, конечно, относится главным образом к праздничному столу. Любимым и наиболее употребляемым, как в виде самостоятельного кушанья, так и в виде приправы, является свиное сало. Рыбный стол составляет чехоня (чехонь), оселедец (селедка) и вообще «просол», т. е. соленая, а также и вяленая рыба. Овощи, фрукты и лесные ягоды играют весьма важную роль в питании малоросса. Их употребляют и в сыром, и в вареном, печеном, соленом, сушеном видах, и в качестве самостоятельного блюда, и в соединении с другими кушаньями. Сюда относятся: цибуля (лук), чеснок, салат, огирки (огурцы), капуста, картофель, морковь, редька, репа, горох,

дыни, кавуны (арбузы), груши, вишни, сливы, яблоки и т. д. Из отвара бураков готовят «таратуру», а из вареного гороха с конопляным семенем – кушанье, называемое «хоми». Из молочных продуктов сыр и масло продаются на ярмарках, в пищу же идут только некоторые молочные кушанья, больше в виде приправы; к последним относятся: молоко, сметана, сыр (творог), ряжанка (варенец), масло, «молотво» и «сколотини». Из яиц готовится яэчня (яичница), в вареном же виде они употребляются только в Пасху (крашанки). Из жидких кушаний, подающихся на обед и ужин, большой любовью пользуется борщ или заменяющие его «капуста» и «юшка» (картофельный суп). В скоромные дни, описанные кушанья готовят на сале, в постные – на оле (постном масле). Сюда же относятся: «кулиш», «крупник» (жидкая каша из пшена на сале или молоке), известное кушанье чумаков «полева» (навар потрохов барана с гречневой и пшеничной мукой на сале), «зубцы» и «путря» (из вареного ячменя). Из гречневого теста готовится также «тетеря» и «соломаха». Весьма любимое блюдо составляют «галушки» – куски пшеничного, гречневого или ржаного теста; их едят или с салом и олем, или в квасу. Кроме галушек пользуются не меньшей любовью «вареници» (резаное тесто с салом), «затирка» из пшеничной муки с яйцами, «пизи» (шарики из гречневого теста) и «вареники» с сыром, маком, капустой и т. п. В большие праздники жарят свиное и баранье мясо, поросят, изготовляют колбасы, «кишки», «кендюх» (свиной желудок с начинкой), «свинячу печенку» с чесноком, «штундру» – (поджаренная грудина с бураками), «драгл» из свиных ног и «рубни» из барана.

Из печений кроме хлеба пекут «паляницы», «калинник» (с ягодами), «книпп», «перешчку», «пампушки», пироги, «коржи», «бублики», а из гречневой муки еще «гречаники»,

«млины» (блины), «ставец» (в особых формочках – кухликах). На Пасху готовится пасха из пшеничной или крупитчатой муки, а на свадьбу – каравай из пшеничной муки с большим количеством украшений и «верчь» из ржаной муки. Лакомством кроме ягод и яблок служат: «насиння» (подсолнечные и арбузные семечки), а также отвар из сушеных яблок, груш, слив и вишен, который носит название «узвар»: последнее кушанье особенно употребительно при некоторых обрядах, как напр. на родине, иногда на свадьбе. Лакомятся также и «маковниками» (мак с медом), «стальниками» (соты) и покупными пряниками. Нередко готовят бузиновый и калиновый кисели. Напитками служат: «сировец» из ржанных отрубей, квасы (главным образом грушевый и яблочный) и березовый или кленовый сок. Из спиртных напитков готовят «брагу» (из просяного солода) и «мед», пиво же обыкновенно покупают в корчмах. «Горилка» (водка) у малороссов в большом употреблении: ее пьют не только мужчины, но и женщины, и даже дети. Весьма распространены также разные наливки и настойки на водке, как-то «кусака» (из перца, имбиря, кардамона), «березовка» (на березовых почках), «запеканка» из всевозможных пряностей и «варенуха» – из сушеных фруктов. В последнее время получает значительное распространение чай.

В быту малоросса отмеченная уже нами своеобразность, как следствие обособленной исторической жизни былых времен, проявляется еще в большей степени, чем в материальной культуре. В обычаях и обрядах малорусского населения нетрудно заметить ряды наслоений и заимствований от тех племен, с которыми ему приходилось или жить в близком соседстве, или вступать в торговые связи (поляков, великорусов и др.). Но кроме остатков исторической эпохи, в некоторых явлениях можно видеть и черты первобытной эпохи. К таковым, напр., относятся союзы

неженатой молодежи – «парубоцтво» и празднование понедельника – «понедилкование» представляющие собой видоизмененные историей остатки форм первобытного, коммунального брака. Вообще малорус нелегко расстается со своими обычаями или заимствует чужое. «Лучше свое латане, ниже чуже хапане», говорит, он, и даже в настоящее время, когда обособление теряет всякое историческое оправдание, в его быте можно видеть много резко отличающего его от соседних племен.

Высокое развитие личности, возвысившейся во времена казачьей вольной жизни, и которую не успело стереть крепостное право, делает малоруса весьма самостоятельным, врагом слепых авторитетов. Отсюда понятна его любовь к самостоятельному хозяйству. «Добра спилка – чоловік та жинка», говорит он и спешит отделиться, как только женится и заводит свое хозяйство. В малорусской семье женщина занимает весьма высокое положение. Все домашнее хозяйство вверяется в ее распоряжение, так как «без хозяина двор, без хозяйки хата плачет». «Жиноцьке» хозяйство, в которое хозяин не вмешивается, составляют: «дробина» (мелкая птица), продукты огорода, конопля и лен, мука, крупа для харчей, молоко, сало. Превосходя энергией и практичностью своего мужа, нередко склонного к тому же к чарке, малороссиянка фактически является обыкновенно главой семьи. В случае семейных несогласий, в которых она очень редко представляет собой страдающее лицо, практикуется расходка, формальный же развод – явление незнакомое малороссийской жизни.

Не признавая ничего стихийного, давящего личность, будь то основанная на старшинстве власть большака в большой семье, или большинство голосов в общине, малорус в то же время склонен к общественным организациям, основанным на взаимном соглашении и годности сочленов.

Доказательством этому может служить живучесть всевозможных товариществ, братств, артелей и других ассоциаций. В настоящее время эти организации представляют часто уже форму, лишенную содержания, как остатки учреждений подобного рода, густою сетью покрывавших Малороссию в период ее самостоятельной жизни. Так, от некогда процветавших здесь цехов и промышленных товариществ остались встречающаяся и ныне артели рыболовов, жнецов, чумаков, гончаров (в с. Хомутце Миргородского у.). Но, кроме того, сохранилось братское единение и не на почве труда, а благотворительного характера или еще чаще имеющее целью поддержку и украшение церкви. Эти же задачи – поддержка и украшение церкви и благотворительности – сохранились главным образом и в остатках других организаций с исчезновением тех специальных целей, с которыми они были основаны. Обыкновенно братчики имеют в церкви свои ставники (большие свечи) и хоругви. Весьма интересна своеобразная организация нищих, представляющая остатки нищенского цеха, наблюдаемая местами в Харьковской и Полтавской губ. Прежде нищие имели своего цехмистра и ключника, хранителя общественной казны. В определенные сроки у них происходили общие собрания, на которых выдавались пособия желающим вступить в брак или пенсии потерявшим силы работать. Желающий быть нищим, как и в других цехах, должен был пробыть учеником, и по окончании ученичества подвергался экзамену в знании нищенских кантов и молитв. Выдержавший экзамен получал «торбу» (суму), дававшую ему право нищенствовать, и обязательно должен был устроить «могоричь» (выпивку). Нищенское братство имело в церкви свои ставники.

Остатки прежних «молодших братств» – неженатой молодежи, корни которых, как мы видели, заходят еще в отдаленную первобытную эпоху, представляет собою «па-

рубощтво». В эту организацию может вступать всякий хлопец, с согласия родителей, по достижении 16–17 лет, если только его старший брат не состоит в парубках. Обряд принятия в парубки, сопровождаемый непременно магарычем, называется «коронуваньем». Все члены братства считаются равными, «товарищами», во время же общественных работ они выбирают себе атамана. К этим работам относится, например, вырубка креста во льду в крещение и в особенности колядование. Отправляясь колядовать, парубки, во главе с атаманом, называемым «березой», идут благословиться к священнику и берут у старосты колокольчик. Кроме небольшой части, идущей на пропитание товарищей во время колядования, вся остальная выручка поступает в церковь. Парубки имеют непременно несколько ставников и хоругвей. Общественное положение парубка очень высоко. Он может на сходе заступать своего отца, а также, в случае провинности, его не отдают на поруки отцу, но судит сельский сход. Парубкам, наконец, принадлежит исключительное право посещать «музыки», «улицы» и «вечерницы», играть роль бояр на свадьбах. Любопытно также, что парубощтво является хранителем девичьей чести, строго карающим провинившихся.

Не менее интересен встречающийся местами обычай «понедилькования», празднования понедельника, указывающей на остатки весьма правильной организации замужних женщин. В местностях, где этот обычай распространен (напр. в м. Борисполе Переяславск. у., где прежде было женское братство и союз мироносиц), родители невесты на сговоре выговаривают ей право пользоваться свободой в понедельник. В большинстве случаев в этот день женщины работают для себя или шьют приданое дочерям; в некоторых же селениях компания замужних женщин проводит понедельник в корчме, пропивая имущество, принадлежащее лично им.

К распространенным формам общественных союзов следует отнести еще обычай толоки – «помогати хлеба святого збирати» за одно угощение. Наконец сюда же относятся общественные обеды в храмовые праздники, устраиваемые местами на общий счет, причем для заведывания ими избираются особые братчики.

В имущественном отношении обычное право малорусов представляет значительные отличия от великорусского. Глава семьи пользуется правом бесконтрольного распоряжения только благоприобретенным имуществом, «дидызну» же он может «заставить» (заложить), но не продать. Равным образом ограничено его право в распоряжении имуществом жены – «матерызны» (приданое жены); последнюю он не может даже «заставить» без добровольного ее согласия. При разделе отца с сыновьями отец делит «дидызну» поровну, свое же имущество волен давать каждому по усмотрению, хотя обычай освящает равномерность дележа, и такого не бывает только при самовольном отделении сына. По смерти отца вступает в силу духовное завещание, причем одинаково уважается как словесная, так и письменная форма его. Как и у великорусов, бездетная вдова не наследница своего мужа и получает только свое приданое; если же она имеет детей, то распоряжается имуществом их до их совершеннолетия, не имея, однако права его продавать. В случай же вторичного замужества, она лишается права на имущество первого мужа. При взрослых детях обыкновенно «дидызна» и «батькившина» делятся поровну между сыновьями, мать же получает от $\frac{1}{7}$ до $\frac{1}{3}$ части имущества и поселяется у одного из сыновей. Дочери наследуют только в том случае, если нет братьев; в последнем же случае один из братьев обязан содержать сестру до замужества и наградить приданым. Для каждой дочери в семье непременно готовится «скриня»

(приданое), которое состоит из собственно скрини – белья и «худоби» – носильного платья и обуви. В приготовлении «скрини» принимает главное участие мать семейства, передающая дочери и часть своего приданого, и приготовляющая новое на свои личные средства. Отец тоже дает дочери деньги, а также обыкновенно выделяет ей клочок земли. После свадьбы, как родители, так и близкие родственники обязательно дарят молодой скот, домашнюю птицу, а иногда и пахотную землю.

О нравственности населения можно отчасти судить по числу осужденных и по распределению их по категориям преступлений. Бросается в глаза сравнительно высокий процент преступности женщин, что вполне объясняется отмеченными выше энергией и предприимчивостью малороссианки по сравнению с ее мужем. Вполне понятно поэтому, что в наиболее чистой малороссийской губернии – Полтавской – этот процент выше, чем в двух других. В преступлениях против нравственности, вообще дающих в нашей области невысокий процент, выделяется особенно малым их количеством Черниговская губ. с населением, сохранившим больше патриархальных нравов. В Харьковской же губернии, с наибольшим количеством преступлений против нравственности, последние совершаются главным образом населением г. Харькова и его окрестностей и являются результатом городской цивилизации. Вообще малорусский народ славится чистотой нравов и целомудрием. Несмотря на обычай «женыханья», совместного спанья молодежи после вечерниц и улиц, девушки строго блюдут свою честь, и случаи падения очень редки. Этому способствует в значительной степени боязнь «не славы», которая у малорусов жестоко карается. Обыкновенно дивчине, которой случилось «прошкодить», «прегрешить», «покрывают» (а иногда она и сама спешит это сделать) голову по за-

мужнему, и она называется «покрыткой». В остальном ее положение, впрочем, не меняется, ни в семье, ни в обществе. Кроме покрывания распространен обычай мазать дегтем ворота и хату согрешившей.

Для сближения молодежи служат главным образом «вечорницы и досвитки». Начинаются они по окончании полевых работ – с Симеона Летопродавца (1 сент.) и продолжаются до сырной недели, когда увеселения уже происходят на открытом воздухе и называются «вулице». Местом вечерниц служить хата бездетной вдовы или малосемейного хозяйства. Сюда приходят девушки с работой и прялками, а затем парубки «побалакать та пошутковати с девчатами». Начинаются песни, шутки, смех, угощение; затем приносят в избу солому, и тут же все ложатся спать. С раннего утра, на «досвитках», девушки продолжают работать, а парубки уходят. Кроме этих увеселений по праздникам бывают разные игрища. Сюда же относятся «веснянки», «гаивки», «ковзалки», «спускалки», «кутилки».

Цикл годовых праздников приурочен к борьбе тьмы со светом, холода с теплом, и включает много остатков язычества, хотя и видоизмененных христианством. Зимнему солнцевороту соответствуют рождественские праздники – «коляды», продолжающиеся до Крещенья. Борясь с языческими обычаями, церковь противопоставила им свой христианский праздник – Рождество, почему в колядках больше, чем в других праздниках, переплетаются черты христианских и языческих обрядностей.

С вечера 24 декабря, называемого «багати кутя», «вилия» или «коляда» начинается колядование. Ряженая молодежь с бумажными фонарями, иногда вертящейся звездой, называемой «вертепом», ходит по домам чествовать хозяев в особых, весьма поэтических, песнях – «колядках». Один из ряженных непременно одевается козой (римский Фавн,

Сильван), которая пляшет под музыку. Подобные колядкам чествования, специально приуроченные к кануну нового года, называются «щедривками». Они заключают в себе тоже поздравления и пожелания «щедрого», богатого года. В щедривках языческих остатков больше, чем в колядках. Последние, как мы видим, совершаются с благословения церкви, и собранное даже идет в ее пользу. В щедривках большое участие принимают дети. Вступая в новый год, земледелец начинает подумывать о посеве и гадать об урожае. В день нового года мальчики ходят по хатам «засевать», т. е. симулируя посев, бросают зерна. Зерна эти хранят до посева. 2 февраля празднуется праздник «Громниц или Стречан» – встреча зимы с летом и борьбы их, решающей вопрос, кому идти вперед, кому возвращаться.

В праздновании масленицы (загальницы, колодки) наблюдается тоже много языческих пережитков. В понедельник бабы собираются пеленать новорожденную колодку (полено), во вторник справляют крестины; затем в пятницу она умирает, а в воскресенье молодежь «волочит колодку».

С Пасхи начинаются уже весенние праздники – «веснянки». Молодежь устраивает хороводы и игры: «кривый танец», «володарь», «король», «перепелочку», «нелюб» и др. Накануне Юрьева дня (22 апреля) справляется праздник «Ляля» или «Красная Горка». Избрав наиболее красивую из своей среды, которая изображает «Лялю», девушки украшают ее зеленью и водят вокруг нее хороводы. Ляля раздает им венки, а также сыр и масло. Особенно интересно празднование Троицкой недели, называемой «Зеленой», «Клечальной», «Русальной» (в это время выходят русалки). Первые три дня Русальной недели составляют так называемые «Зелени святки».

Летний солнцеворот совпадает с празднованием «Купалы» или «Марены». Накануне 24 июня делают два чучела –

Марены и Купалы, убирают их лентами и цветами и водят кругом хороводы, а также прыгают через костры. Затем Марену или «гильце» разламывают на куски и кладут последние в огород, отчего хорошо растут огурцы. В тех случаях, когда жатва производится толокой, по окончании ее бывает праздник «обжинки», тоже сопровождаемый хороводами.

К праздникам приурочены обыкновенно гаданья. Излюбленными днями последних считаются Андреев (30 ноября), Екатеринин день (24 ноября) и канун нового года. В Андреев день девушки варят кашу из пшена и мака и по очереди лазят на ворота, приговаривая: «доле, ходи до нас вечер яти», и доля должна явиться.

В полночь трижды обходят вокруг хаты, рассевая конопляное семя, причем говорят:

Андрею, Андрею,
Я на тебе конопли сию,
А запаскою волочу,
Бо я замуж хочу....

Суженый ночью придет дергать коноплю. Накануне нового года девушки едят соленое, чтобы ночью подал напиток суженый, или прячут для него половинку коржика под подушку. Устраивают также на тарелке мостик, по которому придет перевести суженый. Вечером слушают под окном, определяют местопребывание будущего жениха по лаю собак или эху, спрашивают имя у встречного, кидают сапог за ворота, наблюдая, куда придется он, носком или пяткой, и т. п. Нередко пекут еще «балабушки» или «кукилки» и, разбросав по полу, наблюдают, которую раньше возьмет собака. Распространено также гаданье по четному числу зерен или поленьев, взятых наудачу. На свойство мужа указывают закрытые предметы, которые девушки вытаскивают: так, ковш означает водоноса, уголь – трубо-

чиста, коралл сулит монастырь. Определить характер суженого можно также, наблюдая, крутится или нет опущенная в воду нитка, выберет петух зерно или воду, в каком случай муж будет пьяницей. Гладкое полено, вынутое наудачу, предвещает тихий характер мужа, а сучковатое – крутой и т. п. Весьма интересны гаданья в день на Купала. Молодежь парами перепрыгивает через костер: если руки не разойдутся, или за прыгающими последует искра, то это служит признаком, что они поженятся. На воду пускают «вильце» (венки) со свечей; если последняя потухнет, то девушка не выйдет замуж. В этот день избирают самую красивую девушку, называемую «Купайло», и, завязав ей глаза, устраивают вокруг хоровод. Купайло наудачу раздает девушкам венки; кому попадет увядший венок, ту ожидает несчастное замужество, а свежий – счастливое.

Свадебная обрядность в Малороссии настолько сплелась с народною жизнью, что без нее, без «весилля», венчание считается недействительным; «хоть по чарци выпить, да караваю зъесты, а все-таки треба». В случае, если не удалось справить веселья, повенчанные молодые живут врозь и если, например, в это время молодая умрет, ее хоронят как девушку.

Свадьбы справляют преимущественно в рождественский мясоед, как наиболее свободное время. Как девушки, так и парубки пользуются почти всегда полной свободой выбора; родители ограничивают свое участие только советами, да выведыванием, что говорят об избираемом соседи, так как пословица говорит: «выбирай себе жинку не глазами, а ушами». Главными действующими лицами свадебного обряда бывают дружка и его помощник – поддружий. Кроме них поезд жениха составляют один – двое старост-сватов, непременно людей пожилых и «балакучих» (речистых), затем бояре из парубков, свашки (большей частью жены

братьев) и свитилка – незамужняя сестра; со стороны невесты важную роль играют дружки – подруги невесты.

Первым, решающим обрядом является «сватання», хотя ему иногда предшествуют еще производимые сестрой и матерью жениха «развидки», «допитки». В случае согласия сваты получают рушники, а несогласие иногда выражается поднесением гарбуза (тыквы). Впрочем, этот обычай выходит из употребления и сохраняется только выражение – «гарбуз прыкотыти», т. е. отказать. Иногда родители невесты до окончательного соглашения идут в дом жениха на «разглядныны» – осматривать его хозяйство. Особенно ценится партия, если «парубок гарный (без физических недостатков), одержу мае хорошу, семья маленька и скотина водиться». Окончательное соглашение происходит на «сговорилах», «заручинах», «фукодаинях», сопровождаемых пирушкой, во время которой условливаются насчет подарков. С этого времени жених ночует в доме невесты и, в случае отказа, платит штраф за бесчестье. За день до венчанья, которое обыкновенно происходит в воскресенье, практикуется обрядовое печение – «бгание» каравай в дом невесты и жениха. Совершается это замужними женщинами и девицами и сопровождается особыми песнями. Иногда в тот же день у невесты бывают «торочины» – пришивание тороков (основы от пряжи) к рушникам.

Накануне венчания у невесты и у жениха, а иногда только у последнего, «вьют вильце (гильце)», т. е. украшают цветами и лентами ветвь дерева. Невеста в сопровождении девчат, а жених с боярами ходят звать соседей «на весилля» обыкновенно в такой форме: «просить батько и мати и я прошу». Вечером у невесты бывает «девич-вечир». В воскресенье, перед отъездом на свадьбу невесте расплетают косу, иногда же это делается и в церкви. Выезд на свадьбу сопровождается рядом языческих обрядов, как-то: осыпанием

молодых зерном и хмелем, целованием на пороге дружек, несущих свечи, символическим крестом нагайкой, который делает в дверях дружко, несением впереди свадебного поезда меча и свечи и т. д. Во время венчания над женихом держит венец старший боярин, над невестой – старшая дружка; при этом наблюдается ряд общеизвестных примет. Затем приезд молодого за женой сопровождается обычными выкупами входа к ней и места возле нее у ее брата. Въезд новобрачных в дом жениха сопровождается рядом обрядов, очищающих от сглаза, как-то: обрызгиванием водой, проездом через костер и т. п. Весьма строго соблюдается также обычай публично удостоверить невинность молодой, причем чествуют ее родителей, а на дом выставляют красный флаг; в неблагоприятном же случае родители невесты подвергаются жестокому насмешкам: им надевают на голову хомут, заставляют вкатывать на крышу колесо или сани, кормят из битой посуды и т. д. В понедельник поют так называемые «перезвявски песни», довольно нескромного содержания. Свадебные пиршества заканчиваются обедами у близких родственников, которые непременно дарят молодой скот, или домашних птиц, или какие-либо другие хозяйственные предметы.

Родины и крестины сопровождаются тоже немалым количеством обрядов и примет. Так, вихрь «чертово весиллэ», пронесшийся во время рождения ребенка, предвещает, что он будет калекой. Калека вообще родится по вине родителей, если они, например, работали в праздник. При родине играет главную роль бабка, искусство которой заключается не в знании акушерских приемов, а в хорошем знакомстве со всеми приметами и обрядами. При трудных родах заставляют прыгать роженицу через скамью или встряхивают ее, в доме отворяют все замки, а муж роженицы должен распоясаться (остаток от обычая «кувады» диких народов);

священника просят отворить царские врата. Ребенка необходимо класть в черной или красной запаске, чтобы не пристал к нему дьявол, и нельзя класть сзади матери, а то ведьма его подменит «одминою». Через 1–2 дня после крестин происходят «зливки»-обрядовое омовение бабки и родильницы водой с травами, причем произносят заклинание в роде следующего: «свята вода олияно, очищає дуги и береги, кориння о каминня; очисти, Господи, душу и тило породилли, а руки баби». Затем бабка «загоняет ребенка в рай», для чего носит вокруг стола, водя за руку его мать.

Не лишены обрядов и похороны. Когда кто-нибудь умрет, то на окно ставят стаканчик с водою, чтобы душа, навещающая дом, могла омыться. Ночью у трупа собираются женщины «стерегти душу», которая в виде мухи жужжит и пьет воду, а также «щоб чертяка не зробив якои капости над мертвым». Гроб готовят соседи бесплатно, за угощение, причем щепки от гроба тщательно собирают и выносят за ворота. Выносят покойника ногами вперед, чтобы не вернулся; при этом родственники непременно должны голосить и т. п. Особенно трогательны похороны девушки. Ее наряжают в подвенечное платье, и при похоронах соблюдаются обряды, похожие на свадьбу: дружки получают черные ленты, на кресте, который несут впереди, повязывают рушник, приготовленный невестой для жениха. Все приданое покойной раздают ее подругам. По возвращении с похорон необходимо прикоснуться к печке. В этот день едят «кутью», «коливу» и поминальный обед; через три дня справляют третины, а через 40 дней – сороковины. Поминают покойника также в одну из Дмитриевых суббот (с 5 октября до 1 ноября) и на Фоминой неделе, когда поминки устраивают на могилах, почему они называются «могилки» или «гробки».

В сфере поэтического творчества малорусский народ имеет мало себе подобных. Его богатая поэтическая натура

вылилась в необозримом количестве дум, бытовых и обрядовых песен, пословиц, легенд и т. д. В думах, как произведениях наиболее колоритной эпохи казачества – этого своеобразного, вольнолюбивого рыцарства, всего больше отразилась вся совокупность чисто народных черт, несмотря даже на то, что в создании дум, или вернее в отделке их форм, видно участие полукнижной среды странствующих школьников и дедов из церковных шпиталей былой Малороссии. При сравнении дум с великорусскими былинами, вместо величавого, спокойного тона последних, везде почти в историческом повествовании замечается примесь лирических мотивов, вроде расставания казака с матерью или дивчиной, страданий его в татарской неволе, тоске по своему дому и т. п. Это отсутствие бесстрастия в значительной степени, конечно, объясняется тем, что думы относятся к эпохе сравнительно недавней, так что даже в большинстве случаев легко проследить исторические события, и притом оно повествует о событиях, в которых сам народ принимал живое участие. Но, кроме того, здесь сказался и характер малоросса, лирика по преимуществу. В настоящее время думы уже не поются в народной среде, а хранители их – слепцы-кобзари (кобза – инструмент вроде испанской гитары) сошли со сцены.

Один из последних представителей кобзарей, известный Остап Вересай в 1873 году пел свои думы в Петербурге, в заседании Географического общества. Его репертуар состоял из 9 дум, 13 религиозно-нравственных и 7 сатирических песен. Вместо кобзарей теперь по ярмаркам разъезжают «лырныки», главным образом поющие песни духовно-нравственного содержания или сатирические – на злобу дня. Как прежде кобзари, так теперь лирники передают свое искусство ученикам, обязанным пробыть у них в науке три года. Кроме дум к произведениям древнего проис-

хождения относятся также указанные выше щедривки и колядки. В некоторых из них, например, видны даже следы дружинно-княжеской эпохи. Сюда же частью относятся и «гаивки» (луговые песни). Из бытовых песен отметим: любовные, богатые своей задушевностью, песни пьяницы, в которых жена пьяницы выплакивает свое горе. Немало песен приурочено к крепостной эпохе, и, наконец, особый отдел составляют рекрутские песни, относящиеся ко времени, когда военная служба продолжалась очень долго. Рекрутчина в этих песнях, это – «вечная, тяжкая неволя».

Переходя к мифологическому творчеству отметим прежде всего тесную связь его с географическими условиями местности. Так, население лесистого Задесенья отличается суеверием, тогда как малорус-степняк совершенно его лишен. Не говоря уже о том, что описанные выше обряды, например праздники Купалы, Колядки, Марены, представляют собой в настоящее время форму, лишенную содержания, даже в верованиях, к которым население относится более сознательно, видно мало языческих представлений. Из общих с великорусами божков следует указать на «дидько» или «господаря», соответствующего домовому, «лисуна» или «полисуна» – лешего. Значительно больше духов у малоруссов имеет чисто человеческий характер. Во главе их стоит черт, которого малорус рисует в несколько комическом духе: он довольно простоват, почему человек его нередко проводит. Весьма законченную форму имеет верование в ведьм. Последние живут среди людей, так что в каждой деревне можно насчитать несколько ведьм. Они причиняют людям всевозможные бедствия: доят по ночам коров, сосут кровь у девушек, насылают болезни, засуху, град, делают в ниве из соломы заломы или закрутки, развязать которые безнаказанно может только знахарь. Нередко ведьмы крадут еще некрещеных младенцев, заменяя его

своим детищем — «одминою». Одина отличается уродливостью и прожорством, долго не ходит и не говорит. Чтобы увидеть ведьм нужно кусок сыра носить в узелке в продолжение великого поста и развязать узел во время заутрени, или в то же время посмотреть сквозь дырку в доске от гроба мертвого. Во время народных бедствий и особенно засухи нередко были случаи «испытания ведьм». Заподозренную бабу бросали в воду, и если она всплывала, то это был признак, что она ведьма, после чего с ней жестоко расправлялись. Человек, рожденный ведьмой, называется «ведьмаком». Его изображают в виде седого старика с длинными волосами, прикрывающими рот.

Кроме ведьм среди людей нередко живет «упырь», причиняя им тоже ряд бедствий; в прочем чаще упырем считают блуждающего мертвеца. Бывали случаи, когда предполагаемых упырей сжигали, а если виновником бедствий считали мертвого «упыря», то его вырывали из земли и тоже сжигали или всаживали ему в грудь осиновый кол.

Реки, по понятию малоруса, населены «русалками», в которых превращаются девушки-утопленницы. Они выходят на землю и своим пением завлекают людей, а потом щекотят до смерти. С русалками сходны «мавки»; это души детей, умерших некрещеными. Их представляют или детьми, или девушками с длинными волосами в белых сорочках. Русалки и мавки особенно опасны в Троицкую Зеленую неделю, так как Троицын четверг, это — «мавский великдень». В эти дни девушки не купаются, «щоб мавки не залоскотали». Хорошим средством против русалок считается полынь, которую вплетают в венки или носят под мышками. Души умерших тоже в известные дни покидают кладбище. Так, Светлый четверг считается Пасхой мертвецов: они покидают гробы и идут в церковь на заутреню. Наконец, даже неодушевленная природа иногда одухотво-

ряется. Например, в ночь на Ивана Купала деревья переходят с места на место и ведут разговор. В эту ночь все травы и роса на них приобретают целебную силу, а также цветет папоротник «кочедыжник», который нужно рвать с особыми приемами. Обладатель папоротника легко может найти клад. Среди такого множества духов человеку пришлось бы плохо, если бы у него не было знахарей, знающих злые проделки нечистой силы и умеющих с ней расправляться. Напротив, «чаривник» или «чаклун», а еще чаще «чаривница» пользуются обыкновенно своим знанием во вред людям, насылая на них порчу или сглаз.

В религиозном отношении население области распределяется следующим образом (%):

	Полтавск. губ.	Харьков. губ.	Чернигов. губ.	По области
Православных ..	95,6	84,3	91,8	95,6
Единоверцев	—	14,1	0,9	—
Раскольников ..	0,0	0,1	0,9	0,3
Протестантов ..	0,1	0,3	0,2	0,2
Католиков	0,2	0,3	0,3	0,2
Евреев	4,0	0,6	5,0	3,2
Проч.	0,1	0,3	1,0	0,5

Как видим, подавляющая в численном отношении часть населения принадлежит к православным. Малорусы отличаются вообще большою приверженностью к православию. Эта религиозная стойкость, быть может в значительной степени обязана тем гонениям, которым малорус подвергался за свою «хлопскую» веру в Польше. К догматизму он, скептик по своей натуре, совершенно равнодушен, почему раскол среди малорусов успеха не имеет, тогда как рационалистическое учение вроде штунды может иметь больше будущности. В действительности, Полтавская губерния, с наибольшим процентом малорусского на-

селения, дает и ничтожный процент раскольников. В двух других губерниях – Черниговской и Харьковской – раскол распространен несколько более, что всецело объясняется большей численностью в них великорусского населения. В Черниговскую губ., дающую сравнительно высокий процент раскольников, раскол проник в 60–70-х годах XVII ст. и стал особенно усиливаться при царевне Софье, во время стрелецких восстаний и реформаторских начинаний Петра Великого. Преобладают здесь беглопоповцы и последователи белокриницкой секты, приемлющей австрийское священство. Слободы раскольников рассеяны всего больше в уездах Новозыбковском, Суражском, Городнянском, Стародубском и Черниговском. Последние два уезда некогда были центром поповцев, высылавших пропагандистов и задавших целью объединить все раскольников толки. В Харьковской губ. наблюдается, напротив, преобладание в количественном отношении беспоповцев. Как и в Черниговской губ., – это потомки выходцев из великорусских областей, проникшие сюда в XVII век.

Что касается сектантов, то официальная статистика их конечно не может отличаться точностью, так как большинство сектантов, из боязни преследований, именуется себя православными. По официальным данным, по указанным причинам, вероятно значительно уменьшающим число сектантов, в Черниговской губ. сектантов, и именно штундистов числится всего 60 человек, в Харьковской же губ. показано 377 штундистов и 65 шалопутов. Всего больше распространен штундизм в Богодуховском, Харьковском, Волчанском и Купянском уездах.

3. ПРОМЫСЛЫ И ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

В. В. Морачевский
Россия... т. VII. С. 127–217

Главным, а в большинстве случаев даже исключительным занятием населения Малороссии служит земледелие и такие тесно соприкасающиеся с последним отрасли сельского хозяйства, как огородничество, табаководство, садоводство, пчеловодство и пр. «Нема то ремесло, як лемиш та чересло» – говорит малорусская пословица, являющаяся как бы девизом, которому украинский землероб оставался верен в продолжение всей своей истории. В прежнее время, как мы знаем из предыдущих глав, малороссу приходилось зачастую пахать, будучи вооруженным «списом» и «рушницей», а теперь, оставаясь земледельцем, ему приходится считаться с малоземельем, крайним уплотнением населения и со многими другими тяжелыми экономическими и естественными условиями, несмотря на которые он все таки порывает связь с землею с большим, как увидим ниже, трудом и борьбою, и пожалуй даже с большим, нежели население многих других областей России.

В виду столь важной роли, какую играет в жизни Малороссии земледелие, мы остановимся с особою подробностью на выяснении общих условий, в которые поставлен здесь названный основной промысел населения. Следует, однако,

предпослать дальнейшему изложению как бы общее и предварительное замечание, что описываемая область в земледельческом и вообще сельскохозяйственном отношении представляет собой территорию весьма неоднородную, с чем нам придется неоднократно сталкиваться при характеристике отдельных факторов местного сельского хозяйства. Здесь же достаточно будет сказать, что северо-западная часть нашей области в значительной степени носит характер примыкающего к ней Полесья, северная ее окраина по сельскохозяйственным условиям является как бы продолжением Центральной черноземной области и наконец весь юг области представляет собою весьма пеструю картину переходов от трехпольного к степному залежному хозяйству, характерному для Новороссии.

Общая площадь земли Малороссии простирается почти до 13.525.000 десятин. Каждая из трех входящих в состав области губерний по своим размерам мало разнятся друг от друга: несколько большие размеры имеет Харьковская губерния – 4.847.000 десятин, затем Черниговская – 4.427.000 десятин; Полтавская губерния занимает площадь в 4.250.000 десятин.

Главными собственниками земли в Малороссии являются крестьянские общества, которым принадлежит 7.203.000 десятин, т. е. более $\frac{1}{2}$ или 53,2% всей земли области. Особенно заметно преобладание крестьянских земель в Харьковской губернии, где таковые составляют почти 60% общей площади губерний, причем на северо-востоке ее превышают 60%, а на крайнем востоке (Старобельский уезд) достигают даже 71%. Второе место, по участию в земельной собственности области, принадлежит частному землевладению, общая площадь земли, находящейся в частной собственности, превышает 5,6 миллиона десятин, что составляет более 41% всей земли в области.

Таким образом, крестьянские общества и частные землевладельцы имеют в своем распоряжении свыше 12,8 млн. десятин из общей площади области в 13,5 млн. дес., или около 95% всей земли Малороссии, оставляя на долю остальных категорий собственников – казны, удела, городов и пр. – всего лишь около 5% общей ее площади. В собственности казны и удела находится около 430.000 десятин или немногим более 3% всей земли области, причем главная их масса сосредоточена в Черниговской губернии и особенно в Остерском уезде, где в распоряжении казны состоит почти 140 тыс. десятин, что, по отношению к общей площади уезда, составляет 40%; затем наибольшее количество казенной земли находится в Харьковской губернии, преимущественно в уездах Изюмском и Старобельском. Наконец остальные 277 тысяч десятин области состоят во владении городов, монастырей, церковных причтов и прочих учреждений.

Средняя обеспеченность землею крестьянского двора и одной души определяется по губерниям следующими данными: наибольшею земельной обеспеченностью как подворной, так и душевой отличается Харьковская губерния, а наименьшей – Полтавская; Черниговская же губерния занимает в этом отношении среднее положение, по своим показателям весьма близко подходя к средним областным нормам.

Статистические данные, характеризующие распределение всей массы крестьянских дворов по разрядам большей или меньшей обеспеченности их надельной землей, относятся к концу 70-х годов и таким образом в сильной степени уже теряют свое абсолютное значение; тем не менее, являясь единственным одновременным и однородным материалом для суждения о степенях наделенности крестьян в разных частях описываемой области, они все еще имеют за собою большой интерес относительный.

В то время как в Харьковской губернии крестьянские дворы распределены более или менее равномерно по всем разрядам обеспеченности (кроме минимального), – в Черниговской губернии более половины дворов наделено на душу 3–5 десятинами, а в Полтавской – почти $\frac{1}{3}$ дворов имеет на душу надела всего 1–3 дес.; весьма характерною, кроме того, является группа максимальной обеспеченности землею: наделом на душу более 5 десятин в Полтавской губернии располагают только 3,9% дворов, в Черниговской – уже 7,3%, а в Харьковской губернии – $\frac{1}{3}$ всех крестьянских дворов. Таким образом, наименее обеспеченными надельной землей являются крестьяне Полтавской губернии и, наоборот, наибольшею обеспеченностью землею отличается крестьянское население Харьковской губ.; Черниговская же губерния и здесь занимает среднее положение.

Почти 90% сельских обществ Черниговской губернии располагает в настоящее время душевым наделом менее двух десятин, причем наделом в 1–2 десятины обладает только 45% обществ, а 28% их имеет надельной земли на наличную душу 0,5–1,0 дес. и 16% – всего 0,1–0,5 десятин; наделом же на душу более 2 дес. обеспечено только 10% крестьянских обществ. Все эти данные с достаточной очевидностью обнаруживают весьма скудное обеспечение наделом громадного большинства крестьян Черниговской губернии.

Приведенный пример Черниговской губернии приобретает для наших целей то особое значение, что названная губерния, как уже говорилось выше, в отношении земельной обеспеченности крестьянского населения, занимает среднее положение. Таким образом, все полученные выводы относительно нее должны быть приняты с еще большою силой для Полтавской губернии, как губернии с наименьшей обеспеченностью крестьян надельной землей,

и, наоборот, могут быть в значительной степени смягчены для Харьковской, где наделенность крестьян наивысшая. Так, в Полтавской губернии в конце 80-х годов, по данным подворного описания губернии, сельский пролетариат, вовсе не имеющий пахотной земли, определялся почти в 20% всего населения губернии (свыше 74 тыс. семей); чтобы довести землевладение малоземельного и безземельного люда до нормы 2 десятин на душу, даже в то время, т. е. около 15 лет тому назад, по вычислению земства, было необходимо приобретение по меньшей мере 700 тыс. десятин.

Недостаток надельной земли крестьянству Малороссии приходится в значительной мере восполнять путем найма чужой земли в форме ли денежной аренды, или аренды исполу, или, наконец, – за отработки. Поскольку позволяет судить о том имеющийся статистический материал, в Черниговской и Харьковской губерниях (за исключением юго-востока последней) преобладает испольный наем земли, тогда как в Полтавской губернии и особенно в южной ее половине господствует уже денежная форма аренды. Для представления себе размеров аренды земли достаточно будет привести данные для Полтавской губернии, для которой по этому вопросу имеются весьма обстоятельные сведения земской статистики. На основании последних, сельское население названной губернии в конце 80-х годов ежегодно нанимало около 1 миллиона десятин земли, расходуя на это, по приблизительному расчету, до 7 миллионов рублей, причем одно крестьянское сословие тратило на аренду свыше 6 млн. рублей, что слишком в $1\frac{1}{2}$ раза превышает все лежащие на нем обязательные платежи (казенные, земские и мирские – денежные и натуральные). В настоящее же время расход населения на наем земля, по всей вероятности, возрос еще более, с одной стороны вследствие увеличившейся потребности в самой аренде, а с другой – вследствие

заметного вздорожания, как это мы увидим ниже, цен земли. Тем не менее, по вычислению того же Полтавского земства, сдающаяся часть частновладельческой пашни только на $\frac{1}{4}$ увеличивает посевную площадь крестьянского хозяйства; и даже более, если бы и вся пахотная земля частных землевладельцев была сдана в аренду, то и при этих условиях пашня крестьян увеличилась бы сравнительно немного и во всяком случае не дала бы помещения труду всей массы населения.

Неравномерность в обеспеченности крестьянского населения наделенной землей в отдельных районах области имеет в свое объяснение целый ряд причин. Так, наименьшая наделенность крестьян в Полтавской губернии стоит прежде всего в теснейшей связи с наивысшей в названной губернии плотностью населения, достигающей в большей части ее уездов до 65 и более сельских жителей на квадратную версту, тогда как в уездах Черниговской губ. она определяется чаще в 50 жителей и в Харьковской – 45, а на востоке ее – всего 35–40 душ. Далее, скудность земельного надела в Полтавской губернии в значительной степени обусловливается чрезвычайно развитым в малорусском населении стремлением «к особнячеству», следствием которого являются постоянные семейные разделы и дробление земельных участков до крайних пределов; с подобным же дроблением крестьянской земельной собственности мы встречаемся, впрочем, и в других губерниях описываемой области, но в Полтавской, как губернии с наиболее однородным этнографическим составом, это явление обнаруживается в сильнейшей степени. Дробление земли доходит до таких пределов, что ведение самостоятельного хозяйства на этих участках зачастую становится делом не только не выгодным, но и невозможным, вследствие чего таковые забрасываются, и их владельцы переходят в разряд так на-

зываемых «пидсоседков», живущих уже «законом» и «замолотом» у своих же односельчан; чрезмерное же дробление земельных участков, в свою очередь, в Полтавской губернии находит себе особенно благоприятную почву в господствующей здесь подворной форме крестьянского землевладения.

Господствующим типом *землевладения* в области являются имения площадью около 20 десятин; число таких собственников в области составляет более 40% общего числа землевладельцев; но кроме того 20% собственников обладают имениями площадью, в среднем, всего в 12 десятин; далее, около 27% землевладельцев являются собственниками имений, площадь которых, в среднем, достигает 200 десятин.

Наиболее крупными собственниками земли, в общем по области, являются купцы, а затем дворяне. Средний размер купеческой земельной собственности определяется в 210 десятин, по отдельным же губерниям: в 427 дес. в Харьковской губернии, где, как уже говорилось выше, более всего развито купеческое землевладение, в 161 дес. – в Черниговской губ. и в 148 дес. – в Полтавской; в последней губернии дворянские имения превышают своими размерами имения купцов. Средний размер дворянского землевладения достигает по области 195 десятин, повышаясь в Харьковской до 350 дес. и понижаясь в остальных до 168 (в Полтавской губ.) и 159 (в Черниговской губ.). По сравнению с данными 1877 года, размер дворянского и купеческого землевладения к 1887 году, как по области, так почти и по всем отдельным губерниям, значительно сократился; исключения составляют только для купцов Харьковская губерния, где средний размер их земельной собственности поднялся с 314 дес. до 427, а для дворян – Полтавская губ., в которой средний размер их имений остался прежним, что

стоит в связи с отмечавшеюся уже выше сравнительно устойчивостью дворянского землевладения в названной губернии. Средний размер крестьянского владения колеблется от 15 (Черниговская губ.) до 34 десятины (Полтавская), определяясь, в среднем по области, в 22 десятины, причем за указанное десятилетие размеры крестьянской собственности повсеместно, наоборот, возросли, удвоившись в Черниговской губернии и даже утроившись – в Полтавской. Наконец, наименьшими средними размерами, едва достигающими 12 дес., обладает мещанская земельная собственность, колеблясь по отдельным губерниям от 10 (Черниговская) до 22 десятины (Харьковская губ.); с 1877 года к 1887-му землевладение мещан, по своим размерам, также везде увеличилось.

В отношении способов ведения хозяйства Малороссия входит в состав области преобладающей зерновой культуры, но в отдельных своих частях распадается на несколько характерных районов.

Северный из них, составляемый всею Черниговской губернией и прилегающею к последней частью Полтавской, представляет собою район господствующего трехполья и является как бы продолжением примыкающих к нему, более северных областей. В рассматриваемом районе не только крестьянское, но и владельческое хозяйство в массе остается трехпольным, так как оно в большинстве случаев основано на испольной обработке полей местными крестьянами посредством их инвентаря, а в большинстве случаев – и их посевных семян. Таким образом, владельческое хозяйство прогрессирующего влияния на крестьянское уже по самому своему существу иметь почти не может, а зачастую, наоборот, даже ведется с гораздо меньшим успехом, нежели последнее, в котором к земле прикладывается личный труд его владельца. С более или менее рациональной

постановкой дела с более сложными севооборотами и прочно установившимся посевом кормовых трав мы встречаемся здесь только в имениях, ведущих батрачное хозяйство, т. е. производящих обработку земли посредством наемного труда; но число таких хозяйств в очерченном районе до последнего времени остается, к сожалению, совершенно ограниченным.

Крестьянское же хозяйство, особенно на севере Черниговской губернии, представляет собою в нередких случаях, наоборот, уклонение еще в сторону экстенсивности. Так, в Суражском и Мглинском уездах имеет еще до сих пор значительное развитие «лядинное» хозяйство, заключающееся в расчистке земли из-под леса огнем; крестьяне снимают у землевладельцев площадь из-под вырубленного леса – «ляда» – и весною его расчищают – «щиплют», т. е., разровняв по ляду лапку и другую растительность, сжигают последнюю; далее участок мотыжат и затем засевают: сперва просом, а после, в течение нескольких лет подряд – рожью. Довольно интенсивное хозяйство ведется крестьянами только на огородах и так называемых «померках», «пидмитах», «гноянках», «конопляниках» – особых участках, густо уваливаемых хлевным навозом; на этих участках, если таковые могут быть огороженными или окопанными с согласия общества, высеваются, как бы на плантациях, табак, конопля, свекла, фасоль и пр. культуры (иногда всего понемногу); в тех же случаях, когда огораживание участка оказывается не возможным, (что бывает нередко, так как влечет за собою сокращение необходимого для пастбища парового поля), на «померках» обыкновенно ведется тот же трехпольный севооборот, но рожь чаще заменяется ячменем или картофелем, а гречиха – овсом.

Удобрение полей в рассматриваемом районе – районе преобладающего трехполья – получило повсеместное раз-

вите, как во владельческом, так и крестьянском хозяйстве только в северной его половине, на всей же остальной его площади оно вошло во всеобщую практику лишь во владельческом хозяйстве; крестьяне же в нередких случаях от удобрения полей еще отказываются, помещая все скопы навоза, или, по крайней мере, главную массу последнего, на «померки» – «гноянки».

Следующий район – район улучшенного трехполя – включает в своих пределах большую часть Полтавской губернии и северо-запад Харьковской. Во владельческом хозяйстве мы встречаемся здесь с многочисленными переходными формами от прежней залежной системы к трехпольной и многопольной; комбинации трехполя и производных от него севооборотов с более или менее продолжительными периодами залежи весьма разнообразны, но общему их чертою является стремление хозяев к более или менее выгодному урегулированию периодов культуры и залежи. Следует при этом заметить, что в отмеченной выше части Харьковской губернии, а также в прилегающих к ней местностях Полтавской большим распространением пользуются севообороты с посевом свекловицы, а частью и других корнеплодов; на остальном же пространстве Полтавской губернии (кроме самого юга) сравнительно чаще встречаются посевы кормовых трав. Наиболее характерные травяные севообороты, представляющие собою, как сказано выше, комбинацию трехполя с залежью, следующие: 1) по целине лен, 2 и 3) яровая пшеница, 4) черный пар, 5) озимая рожь и 6) яровое с подсевом трав (люцерны и эспарцета), которые оставляются от 4 до 8 лет; или 1) по целине лен или бахчи, 2) просо, 3) яр. пшеница, 4) оз. рожь, 5) овес с травами на 6 и более лет; или 1) пар удобренный и занятый викой, могоаром, кукурузой, чечевицей, 2) оз. рожь и пшеница, 3) яровые. Более же типичными севооборотами,

включающими посев сахарной свекловицы, а также корнеплодов, являются следующие: 1) пар удобренный, 2) оз. пшеница, 3) сах. свекловица, 4) яр, 5) сах. свекловица, 6) пар, 7) оз. рожь, 8) сах. свекловица, 9) яровое с травой, 10) трава на укос, 11) трава на укос; или 1) пар удобренный, 2) оз. пшеница, 3) картофель, 4) яр с подсевом трав, 5, 6 и 7) трава на укос, 8) яр, 9) картофель и 10) овес; или 1) пар, 2) озимь, 3) картофель и 4) яр. Удобрение полей в описываемом районе практикуется большинством владельцев и многими из крестьян, хотя, по мере движения с северо-запада района к юго-востоку его, степень распространенности унавоживания полей заметно падает.

Наконец южная и юго-восточная окраины нашей области составляют собою, в отношении господствующей системы хозяйства, третий и последний район – район залежного хозяйства. Удобрение полей если и встречается здесь, то исключительно в отдельных частновладельческих хозяйствах и притом по большей части только на ближайших к усадьбам полях.

Мертвый инвентарь в первом из вышеописанных районов, а именно в районе господствующего трехполя, составляющемся Черниговской губернией, в крестьянских и мелковладельческих хозяйствах состоит главным образом из сохи (московки-плашки – на северо-востоке губернии, сохи-литовки – на северо-западе и в большинстве случаев малороссийского плуга – на юге ее), далее бороны, деревянного рала и других простейших орудий. В более крупных владельческих хозяйствах встречаются улучшенные орудия, хотя в рассматриваемом районе вообще владельческое хозяйство в отношении инвентаря менее, чем на остальной площади области, отличается от крестьянского, так как ведется по большей части, как уже говорилось выше, испольно крестьянскими же орудиями.

В двух других районах области – в Полтавской и Харьковской губерниях – главнейшими орудиями в крестьянском и мелковладельческом хозяйстве служат деревянный плуг или сабан, соха (на севере Харьковской губ.), деревянные рала с железными наральниками, деревянные бороны с деревянными же или железными зубьями, деревянный каток и пр.; за последнее время замечается во многих местностях стремление крестьян перейти к более усовершенствованным орудиям, каковыми в большинстве случаев являются плужки местного кузнечного изделия – так называемые «крестьянские» плужки; впрочем более зажиточные из крестьян приобретают буккера, а в очень нередких случаях и «самоходы» Сакка. Что же касается хозяйств средних и тем более крупных по своим размерам, то таковые обыкновенно располагают здесь уже усовершенствованными орудиями фабричного изготовления – плугами разных систем, запашниками, боронами железными разных типов, экстирпаторами, а также сеялками, тачками и пр., причем многие хозяйства имеют по несколько однородных орудий, но различающихся друг от друга размерами, маркой, фирмой и т. д.

Огородничество, как промысел, получило некоторое, хотя тоже довольно ограниченное, развитие только в Черниговской губернии. В уездах Борзенском, Нежинском и Козелецком в значительном количестве производится на продажу лук («цыбуля»), который высевается по большей части на упоминавшихся уже выше «гноянках». Особенного развития промысловое разведение лука достигло в селениях Борзенского и Нежинского уездов: Хорошем Озере, Печах, Омбынях, Прохорах, Крутах, Кагарликах и др. Луковицы обыкновенно связываются в венки (по 18–24 штук); пять венков составляют пачку, идущую уже в таком виде в продажу; сбывается лук главным образом в Чернигов,

Киев, Лубны, Кременчуг, Кишинев и другие города. Доходами от продажи лука население имеет здесь возможность уплачивать подати, почему и сложилась поговорка: «цыбулю садыти на подушне». Огородники Городнянского и Глуховского уездов более уже специализировались на возделывании огурцов; «глуховские» огурцы представляют собою помесь голландских и вязниковских; известные же «нежинские» огурцы особого сорта, однако, не составляют, а отличаются только самим солением, которым занимаются староверы Стародубского и Новозыбковского уездов, промышленяющие огородами не только в пределах Черниговской губернии, но и в других районах нашей области. Огородники Городнянского уезда занимаются производством огуречных семян для продажи.

На остальном пространстве, описываемой области, огородничество повсеместно вытесняется бахчеводством, представляющим собою уже переход от чисто огородной культуры к полевой; но и бахчеводство далеко не везде имеет характер промысла. На бахчах или «баштанах» разводятся преимущественно арбузы (кавуны), дыни, тыквы и огурцы; иногда же домашние баштаны еще обсаживаются подсолнечником, кукурузою, маком и другими растениями. Промышленным бахчеводством занимаются преимущественно пришлые великорусы и особенно черниговские староверы, снимающие у землевладельцев в аренду на год по несколько десятин твердой земли (целины, подлесные корчевни, залежи, облоги); аренда же бахчей среди местных крестьян распространена значительно слабее. Сбываются продукты бахчеводства или на местных базарах и ярмарках, или на самых баштанах, частью даже в обмен на хлеб, или, наконец, отправляются партиями в более крупные потребительные центры.

Следует упомянуть, однако, еще об одном районе промышленного огородничества, стоящем совершенным особняком

на всей площади Харьковской и Полтавской губернии, а именно об огородничестве под Харьковом – во многих подгородних селениях, хотя и здесь огородничество имеет преимущественно бахчевой характер. Огороды содержатся здесь или местными крестьянами, или приезжими «бахчевниками»; в самом же городе и его пригородах известностью пользуются «болгарские» огороды, которые содержатся приезжающими сюда на лето болгарскими, достигшими в этом промысле значительного искусства (огороды их, в противоположность остальным, орошаются посредством водоподъемного колеса – «чигиря»). На харьковских огородах разводятся главным образом: капуста, ранний картофель, свекла столовая, сельдерей, огурцы, дыни, арбузы и пр.

К огородничеству примыкает культура лекарственных трав, получившая значительное развитие в некоторых уездах Полтавской губернии и особенное – в Лубенском уезде; последний является в этом отношении первым в России. Большое распространение местами получил также сбор дикорастущих лекарственных растений; так, напр., в Кременчугском уезде, где с 1889 года организован даже склад, принимающий собранные травы, население выручило на сборе различных трав (блекоты, липового цвета, корня аира и др.) на сумму в 2 т. р., в следующие два года – 6 т. р., а за 1896 год (последний, за который имеются сведения) – 8 тыс. рублей. В Лубенском уезде, в целях более широкого развития культуры лекарственных трав, земством открыта даже при Лубенском сельскохозяйственном училище лаборатория для гонки эфирных масел.

Садоводство вообще и садоводство, как промысел, в Малороссии имеет сравнительно широкое распространение. Любовь малоросса к растению многократно отмечалась и этнографом, и путешественником, и беллетристом и широко запечатлелась в народной песне. В большинстве

слобод и местечек почти каждый домохозяин имеет в усадьбе сад, или вернее садик, «сабочек», площадью редко превышающий $\frac{1}{8}$ – $\frac{1}{10}$ десятины, а зачастую состоящий всего из нескольких десятков плодовых насаждений, среди которых преобладающими является вишня. Должно при этом заметить, что сознание выгоды садоводства, как существенного подспорья в хозяйстве, за последнее время все более растет среди крестьянского населения, и в его стремлении к расширению и улучшению своего садоводства приходят к нему на помощь земство, сельскохозяйственные общества и частные лица устройством питомников, приобретением по недорогой цене хорошего посадочного материала, организацией образцовых садов при народных школах, чтении и беседах по садоводству и т. д. Что же касается владельческих садов, то таковые, конечно, имеют значительно большие размеры и располагают лучшим сортиментом плодов и в отдельных случаях, благодаря хорошему уходу, существованию собственных питомников и другим выгодным условиям, дают хорошие доходы (иногда 1 – 1½ и даже 2 тысячи рублей чистого дохода на десятину), но, в общем, помещичье садоводство начало приходить к упадку со времени отмены крепостного права. Фруктовые сады, заложенные еще в крепостное время, уже одряхтели и требуют коренного обновления, на что у большинства владельцев нет прежде всего достаточных оборотных средств, и такие сады иногда даже переходят в руки спекулянтов – скупщиков, приобретающих их для продажи на сруб.

В наибольшей степени садоводственной должна быть названа Полтавская губерния и за ней – Черниговская; в Харьковской же губернии, и особенно в юго-восточной ее половине, садоводство развито уже значительно слабее.

В наибольшей мере наем на сельскохозяйственные работы развит в юго-восточной половине области; в северо-

западной же ее половине особенно в Черниговской губернии обработка владельческих полей, как нам уже известно, производится в громадном большинстве случаев крестьянами «исполу» или «с копы» ($\frac{1}{3}$); батрачным трудом помещики пользуются только в очень ограниченных размерах, причем рабочие в этих случаях предпочитают годовые или поденные; сроковые же здесь требуются по большей части только в тех хозяйствах, где имеются табачные или свеклосахарные плантации. На остальной же площади области, хотя обработка полей крестьянами исполу или в отработок за пользование землею, выпасом и пр. и практикуется, тем не менее значительная часть полей обрабатывается уже наемным трудом, причем рабочие договариваются по большей части на год и несколько реже на срок. Издельный наем сравнительно более развит на юго-востоке Харьковской губернии, и то почти исключительно на уборку хлебов. Наконец, поденные рабочие служат обыкновенно или для пополнения недостатка в постоянных рабочих, или же для производства более спешных работ, хотя в некоторых экономиях почти все полевое хозяйство ведется одними поденщиками.

Значительную сумму заработков предоставляет населению также участие в работах на свекловичных и табачных плантациях, хотя названный промысел едва ли не с большими основаниями должен быть отнесен к категории отхожих, так как для участия в этом промысле значительной части рабочих приходится уходить из дома зачастую не только за пределы своей волости, но даже уезда и губернии.

Вторым, по своему значению, в этой рассматриваемой группе занятий является *извозный промысел*, существующий в том или ином размере почти повсеместно, но наиболее, конечно, развитый в районах крупных потребительных центров, в окрестностях заводов, а также в местностях,

стоящих вдалеке от железнодорожных линий. Наиболее частые случаи заработка населению доставляет перевозка хлеба, затем – строительных материалов (леса, камня, кирпича и песку), дров, а в районах с сильно развитым табаководством и свекловичной культурой – перевозка табаку и бураков.

В прежнее время на Украине был широко развит специальный извозный промысел – «чумацкий», состоявший в путешествии на волах в Крым за солью или к берегам Черного и Азовского морей – за рыбой, и затем в распродаже названных продуктов по украинским ярмаркам, с проведением железных дорог «чумачество» стало быстро падать и в настоящее время уже совсем перевелось, запечатлев себя лишь в многочисленных «чумацких» песнях, составляющих собою особый цикл в украинской народной поэзии.

Лесной промысел, выражающийся, как известно, в валке леса, заготовке дров и строительных материалов, подвозке их к различным пунктам назначения или отправления и т. д., несколько большее значение сохранил за собою только в лесной части Черниговской губернии; на всем же остальном пространстве области лесные промыслы или вовсе отсутствуют, или же играют совершенно ничтожную роль.

Теперь нам предстоит перейти к описанию обрабатывающей промысловой деятельности населения: промышленности мелкой, кустарной (сельской) и промышленности крупной, фабрично-заводской (городской по преимуществу).

Кустарная промышленность, как и вообще промышленность обрабатывающая, широким развитием в области далеко не пользуется. Тем не менее, при существующем малоземелье и при полном почти отсутствии на большей площади области (почти во всей Полтавской губернии, на юге Черниговской и на юго-востоке Харьковской) промышленности фабрично-заводской, занятие кустарными про-

мыслями в общей экономической жизни края все же имеет довольно серьезное значение. Наибольшее, конечно, развитие кустарные промыслы получили в тех районах области, где плотность населения достигла наивысшей степени, где в большей мере чувствуется недостаток земли, где обеспеченность продовольственным хлебом наименьшая и т. д. Таким образом, совокупность картограмм плотности населения, душевой обеспеченности хлебом, наделенности землею и пр. может дать довольно верное представление о значении и развитии кустарных промыслов в различных районах описываемой области. Следует, однако, заметить, что в районах, где наиболее развито кустарничество, последнее, строго говоря, уже в значительной степени потеряло одну из своих наиболее характерных черт – роль подсобного промысла при земледелии, так как кустари здесь по большей части уже перестают вовсе заниматься земледелием; так, например, в Полтавской губернии из 100 кустарей 58 земледелием не занимаются, а 28 из них даже вовсе не имеют земли. Но в районах с более редким населением, «местах глухих» кустари от земли по большей части еще не вполне отрываются, и, наоборот, крестьянину даже ставится в большой упрек, если он своими руками «хлеб не зарабатывает».

Наиболее распространенными группами кустарных промыслов должны быть названы те из них, сырьем для которых служат глина, затем животные продукты; сравнительно уже слабее развиты промыслы по обработке волокнистых веществ, а также дерева и железа.

Описание малорусского кустарничества мы начнем с промыслов по обработке минеральных веществ, или, вернее сказать, гончарства, так как последним поставленная на очередь группа промыслов почти и исчерпывается. Гончарство является одним из важнейших кустарных промыслов Малороссии, почему на его характеристике мы остановимся с несколько большей подробностью.

Наибольшие размеры *гончарный промысел*, по числу участвующих в нем лиц, получил в Полтавской губернии, затем в Черниговской и уже значительно меньшие – в Харьковской.

В Полтавской губернии гончарным делом занимается около тысячи хозяйств, причем более ½ последних вовсе не имеют земли и все средства к существованию, таким образом, извлекают почти исключительно из обработки глины. Общая стоимость изделий полтавских гончаров, по земскому исследованию 1893 года, достигает свыше 60 тыс. рублей в год. Гончарный промысел возникает, конечно, прежде всего там, где имеются залежи пригодной для обработки глины. В Полтавской губернии богатые залежи лепной глины находятся по всем притокам Днепра – Суле, Пселу, Ворскле и др. Наиболее развито гончарное дело здесь в уездах Миргородском и Зеньковском. В Миргородском уезде сосредоточием описываемого промысла является целый ряд селений по р. Хоролу, а именно местечко Хомутец, Поповка, хутор Поповый, Гремячая и др.; в одном Хомутце число гончаров достигает 170 человек. Глина добывается обыкновенно на землях общественных бесплатно и в большинстве случаев каждым гончаром лично, хотя кроме того здесь существуют еще специалисты по добыче глины, так называемые «гырьники», занимающиеся уже исключительно, добыванием сырого материала для гончаров; добытая глина продается ими по 5 коп. за «шаплык» – корзину, вмещающую около 4 пудов этого ископаемого. В описываемом районе сохранились еще следы прежней цеховой организации промысла. Так, здесь у гончаров удержался термин «цех», существует староста («цейхмейстер») для разбирательства возникающих недоразумений и надзора за разработкой глинищ, имеется в сельской церкви своя «цеховая» икона и «цеховой» праздник (св. Николая Чудо-

творца), установлен единовременный сбор 3 р. 50 коп. с каждого нового гончара, поступающего в цех, расходуемый затем на украшение иконы и на лампаду при ней, а также на ремонт часовни, сооруженной на глинищах и т. д.

Разработка глинищ производится или простыми широкими ямами, если глина залегает на незначительной глубине или же колодцами, достигающими 5–9 и иногда даже 12 сажень глубины; сцепки последних остаются обыкновенно не забранными лесом – без подпорок. В слоях глины колодцы дают боковые ямы – «печеры», также в большинстве случаев лишены особых подпор, хотя иногда, при более правильной разработке, оставляются отдельные предохранительные столбы глины; обвалы бывают нередко, но они по большей части не сопровождаются человеческими жертвами, так как, благодаря предшествующим обвалу признакам (трещинам), опытные глинокопы своевременно их предугадывают. Разработка глинищ производится обыкновенно с глубокой осени – ноября, конца октября и до весны; с наступлением весны работы по большей части прекращаются, и самые колодцы действием вод обваливаются и засыпаются. Опускание в колодцы – дудки – совершается при помощи каната и маленьких углублений (ступеней), сделанных в двух противоположных сторонах дудки. Самое копанье глины производится особым инструментом – «копаныщей». Добытая глина вытаскивается в деревянном корыте при помощи веревки, намотанной на вал, который, в свою очередь, приводится во вращательное движение насаженным на него тележным колесом. При совместной работе трех человек в сутки удастся добыть около 90 пудов глины. Для различных изделий употребляется глина или в том виде, в каком она извлекается из дудки, или в смеси с различными другими сортами глин, или же, наконец, в большей или меньшей смеси с песком, когда глина слиш-

ком жирна, «буйна», и ее необходимо, за неимением особых помещений для сушки сырых изделий, «смирять». С целью придать изделиям белизну, гончарами употребляется так называемый «побёл» – более чистая глина, каолин; в тех случаях, когда последнего нет на месте, он приобретается гончарами из других районов, напр. из м. Опошни Зеньковского уезда, по цене от 20 до 30 к. за пуд. Формовка посуды, как и везде почти, происходит в жилой избе на простом станке, приводимом в движение ногой. Заготавливаемая посуда устанавливается на доски и зимою подвешивается в избе под потолок, а летом выносится на воздух. Высушенная посуда обжигается в печах, представляющих собою яму с кирпичной решеткой внизу. К самым важным недостаткам такой печи относится, прежде всего, огромная поглотительность ею топлива, которым здесь население далеко не богато, а также невозможность регулировать, сообразно с потребностью, силу ее жара. Многими гончарами изготавливается, кроме серой посуды, окрашенная – «поливаемая»; полива в большинстве случаев бывает ярко-зеленая, красно-коричневая и желтовато-белая.

Большая часть гончарных изделий готовится для удовлетворения местных потребностей и сбывается или на дому, или же вывозится на ближайшие базары, ярмарки и города; иногда гончары выезжают со своими изделиями и за пределы своих губерний – напр. в Центральную черноморскую область или на юг России. Развозятся изделия или самими кустарями, или же скупщиками, хотя к дорогим услугам последних гончаров заставляет прибегать уже только крайняя нужда. В прежнее время скупщики-барышники зачастую снабжали кустарей топливом (достать которое теперь в Малороссии бывает иногда весьма трудно даже за высокую цену); в настоящее же время они кредитуют гончаров только деньгами и притом исключительно как бы в

виде задатка и уже затем забирают у них изделия по произвольно устанавливаемым, весьма низким ценам, извлекая, таким образом, главные барыши гончарного промысла. Зависимость кустарей-гончаров от скупщиков в отдельных местностях описываемой области, разумеется, не одинаковая, но она, без сомнения, принимает более острый характер в тех случаях, когда гончары являются уже населением безземельным или обработкой земли уже не занимающимся.

Гончарные изделия продаются горнами, сотнями или поштучно, причем цены на них колеблются в весьма широких пределах не только в зависимости от их качества и размеров, но и от изменчивости самой меры; так, напр., «сотня» изделий далеко не означает 100 их штук, а состоит приблизительно из 100 штук более крупной посуды, да еще придачи или «уклада» в 60 – 100 штук более мелкой (в некоторых случаях, как напр. в Лохвицком у., этот уклад достигает еще большей цифры, почему «сотня» здесь равняется 320 мискам и т. д.); при переменном составе сотни и горн заключает в себе от 2½ до 4 сотен.

Второй, по своему экономическому значению, группой кустарных промыслов являются производства по обработке животных продуктов и прежде всего кожевенное и сапожное дело.

Кожевенный промысел, по самому своему характеру, наиболее соответствует кустарной форме: он вполне возможен без применения дорогостоящих машин и приспособлений, не требует особой опытности и технических знаний, почти всегда обеспечен возможностью найти на месте сырье и сбыть на местном же базаре или ярмарке изготовленные продукты; на юге же России, кроме того, к числу весьма благоприятных для существования кустарного кожевничества условий относится прежде всего сравнительно еще очень слабая здесь капитализация этого

промысла, а затем весьма широкий спрос со стороны местного населения на простой кожевенный товар и на изделия из него. Благодаря всем отмеченным выше условиям, типичные кожевники-кустари в Малороссии весьма распространены. Главными центрами кожевничества являются в Черниговской губернии – местечко Олишевка (до 200 домохозяев) Козелецкого уезда, м. Седнев Черниговского у., г. Короп Кролевецкого у. и др.; в Полтавской губернии – местечко Опошня и г. Зеньков Зеньковского уезда, м. Новые Сенжары и Царичанка Кобеляцкого у. и Барышевка Переяславского у.; наконец, в Харьковской губернии кожевничество наиболее развито в Ахтырском и Сумском уездах, а также в слоб. Новой Водолаге и г. Валках Валковского у., г. Змиеве, Шандриголовской волости Изюмского уезда и других местностях.

Применяясь к требованию рынка, кустари изготовляют главным образом простой товар, так называемый «полу-вал», идущий на «верхи» – головки и голенища сапог (из более тонких его частей) и на подошвы (из толстых); техника изготовления кож весьма примитивна и в следствии того, конечно, далеко не удовлетворительна.

По размерам и характеру производства, вся масса кустарей-кожевников весьма неоднородна, хотя значительное их большинство принадлежит к числу бедняков, располагающих едва 2–3 небольшими чанами (бочками) для золения и столькими же для дубления и самую операцию выделки производящих летом на дворе, а зимою – в жилой избе. Сравнительное меньшинство кустарей обладает настоящими чанами вместо бочек и другими важнейшими приспособлениями, а также особыми теплыми помещениями для зимних работ. Кустари первой категории обыкновенно выделывают в год от 80 до 100 кож, накладывая в чаны по 10 – 12 штук и, производя это раза четыре летом и три –

зимой, а кустарям второго разряда удастся выработать до 600 и более кож. Но, кроме того, существуют еще кожевники, производства которых из кустарных превратились уже в небольшие промышленные предприятия; но число таких хозяев весьма ограничено, и притом вырабатываемый ими товар, по своему качеству, по большей части мало, чем отличается от изделий прочих кустарей. Все производство кож обыкновенно сосредоточивается в жилой избе; семья кожевника в большинстве местностей спит на досках, покрывающих квасной чан, который занимает почти четвертую площадь всей избы, а стол стоит обыкновенно на досках вырытого под полом зольника.

Главная выгода совмещения выработки кожи с переделкою ее на сапоги заключается в том, что первая, требуя на свое выполнение сравнительно незначительной затраты времени и труда, оставляет кустарю большой досуг, который он, таким образом, и может с большим для него удобством использовать в другом промысле — сапожничестве; кроме того, конечно, при продаже кустарем выработанной им кожи в виде изделия из нее, труд по ее выделке оплачивается для него значительно выгоднее, нежели в сыром ее виде.

Но с другой стороны далеко не все сапожники суть в то же время и кожевники; даже более — далеко не всегда кожевники имеют возможность удовлетворить потребности местных сапожников в сыром материале, почему зачастую наблюдается привоз больших партий кожи со стороны.

Сапожный промысел, как уже вытекает из предыдущего, широко распространен почти во всех выше упомянутых центрах кустарного кожевничества; но, кроме того, кустарей-сапожников весьма значительное число насчитывается, как говорилось выше, в г. Березне Черниговского уезда, в Новозыбковском уезде (в м. Новом Ропске, посаде Климове, м. Семеновке, с. Орлиновке и др.), где число их достигает

1.200 человек, затем в Борзенском уезде (г. Борзна и с. Ичня), в Остерском у. (м. Летки) и во многих других. В Полтавской губернии главным средоточием сапожного дела является Зеньковский уезд, где изготовлением сапог занимается свыше 1½ тысяч человек; кроме того, оно довольно развито в Роменском уезде (м. Смелое) Константиноградском и других уездах. Наконец, в Харьковской губернии сапожный промысел наибольшие размеры имеет в Валковском уезде (в тех же пунктах главным образом, где развито и кожевничество), а также в г. Ахтырке (до 700 сапожников) и слоб. Котельве Ахтырского же уезда (около 150 кустарей).

Организация сапожного промысла, как и кожевничества, в Малороссии весьма проста. Здесь нет больших мастерских, а наемные рабочие, если и встречаются, то обыкновенно не более, как в числе двух у одного хозяина. Пользование посторонними рабочими выражается или в найме столовых рабочих, или в принятии учеников, или же, наконец, в отдаче работы так называемым «отпарщикам», т. е. кустарям, работающим «от пары». Работа производится обыкновенно в жилой хате. Почти все кустари-сапожники являются поставщиками простых крестьянских сапог и башмаков — «черевигов», и только некоторые мастера изготовляют более щегольскую «панскую» обувь — сапоги на ранту, ботинки с резинами, мелкие башмаки городского фасона и т. п.; эти мастера имеют даже швейные машины и другие, более ценные приспособления. Следует заметить, что, в общем, работа малороссийских сапожников довольно чистая и почти никогда не грешит фальсификацией, вроде картонных подошв и т. д.

Необходимый для работы материал сапожники или, как отмечалось выше, готовят себе сами, или же приобретают на ярмарках, или в местных лавках, причем товар покупается или в вид целых кож, что гораздо выгоднее,

или же в виде «вытяжек», т. е. готовых нарезок на отдельную пару. Сбывают свои изделия сапожники обыкновенно на местных базарах и ярмарках крестьянскому населению, хотя кроме того в большинстве местностей оперируют скупщики, или «лавочники».

Цены на сапоги подвержены весьма широким колебаниям, в зависимости от добротности материала, качества работы, времени года, степени конкуренции и многих других условий, почему учет заработка кустаря-сапожника весьма затруднителен, не говоря уже о том, что он еще осложняется и тем обстоятельством, что в очень многих случаях, как мы знаем, сапожный промысел соединяется с кожевным, и таким образом в стоимость сапог входит заработная плата как за их шитье, так и за выделку самой кожи. По примерному расчету, дневной заработок самостоятельного сапожника может быть определен, в среднем, от 50 до 90 коп., смотря по времени года. Самым бойким временем для сапожников должен быть назван период с Петрова дня и до 1 ноября; зима же является наиболее тяжелой для них частью года, когда спрос на их изделия понижается до минимума.

Из остальных промыслов по обработке животных продуктов нам остается сказать об овчинном и шубном производстве и о производстве роговых изделий, а также о некоторых других, имеющих, впрочем, уже совсем ограниченные размеры.

Овчинный (он же скорняжный) промысел, заключающийся в выделке и окрашивании овчин, тесно связан в Малороссии с шубным или кожушным (кушнирным) промыслом, т. е. шитьем шуб и полушубков из готовых овчин. Выделяемые здесь дубленки не представляют собою настоящих овчин, которые бы не боялись сырости: они только натерты, для придания им цвета, дубом и подкра-

шены охрой, кроме желтых шуб приготавливаются, впрочем, еще и белые, натертые мелом, а иногда и окрашенные — черные, красные. Шубы и полушубки обыкновенно отделываются тесемочками, вышивками, мерлушкой и т. д.; к ним пришиваются воротники из местных или привозных смушек. Сбываются кожанухи и шубки чаще на месте, или на ближайших ярмарках и базарах. Обычная цена их колеблется от 9 до 12 рублей.

Упомянем еще о существовании незначительного по своим размерам кустарного промысла, являющегося одной из отраслей кожевенного производства, а именно — о сыромятничестве и тесно с ним связанном *шорничестве*, так как сыромятники изготовленный ими продукт — «лымарщину» обыкновенно сами же перерабатывают в шорные изделия, становясь, таким образом, и шорниками.

Роговой промысел, состоящий в изготовлении гребешков из бычьих и коровьих рогов, сосредоточен в местечке Хомутце Миргородского у. Полтавской губернии. Всего этим промыслом здесь занято до 250 человек. Необходимый для изделий материал — рога кустари приобретают в ближайших городах и местечках сотнями, платя за нее от 4—5 до 8—10 рублей. Из сотни рогов изготавливается до 2 сотен мелких гребешков и около ста более крупных. За работу кустарю остается обыкновенно около 1 коп. с гребешка и, при средней выработке в день 20—25 гребешков, — 20—25 коп. в день. Сбывается вся масса хомутецких гребешков на субботних базарах в м. Рашевке скупщикам, которые, в свою очередь, уже рассылают их во все концы России. Положение гребешников тяготеет, кроме необходимости для большинства из них кредитоваться у тех же скупщиков, как деньгами, так и сырьем, и весьма не высокой оплаты их труда, еще и условиями самой работы, особенно в зимнее время — в запертой хате, насыщенной тяжелым запахом

жженного рога и мелкой роговой пылью, образующейся при всевозможных операциях стругания и выпиливания.

Перейдем теперь к описанию промыслов по обработке волокнистых веществ – льна, конопли, бумаги, шерсти и пр., имеющих целью удовлетворить потребности населения в различном белье и одежде. Насколько велика, по своим размерам, эта потребность, можно видеть из следующего, хотя весьма приблизительного, но заведомо преуменьшенного расчета Полтавского земства. Годовая потребность средней семьи в прядельно-ткацких изделиях могла бы быть здесь в 160 аршин холста и 25 аршин сукна, а потому потребность всех семей губернии при этом условии выразилась бы в 64 миллиона арш. первого и 10 милл. арш. – второго, что, при самой умеренной цене аршина полотна на круг в 10 коп. и сукна – в 50 коп., составит значительную сумму в 11,4 миллиона рублей. Распространяя расчет Полтавского земства и на остальные губернии описываемой области, население которых относится к населению Полтавской губернии как 0,9 и 0,8 к 1, мы должны оценить общее количество ткацких изделий, которое бы должно быть в распоряжении населения Малороссии, приблизительно суммой в 30 слишком миллионов рублей.

В прежнее время вся потребность населения в белье и одежде почти целиком удовлетворялась изделиями домашнего производства, и только «мещане подостаточнее и почетные поселяне, – как свидетельствует Шафонский в своем описании Черниговского наместничества, относящемся к 1783–1784 годам, – носили все оное платье из цветного какого-либо фабричного сукна, и тогда такой кафтан уже назывался жупан». В настоящее время, однако, с проведением железных дорог, увеличившимся малоземельем и в связи с ним уменьшившимся запасом на месте необходимого для производства сырья (владельческие хозяйства,

как мы уже говорили выше, культурой конопли и льна пренебрегают), среди населения стали все в большей и большей степени распространяться мануфактурные изделия. К сожалению, за полным отсутствием данных, не имеется никакой возможности даже весьма приблизительно определить, в какой мере исчисленная выше потребность населения в прядельно-ткацких изделиях удовлетворяется материалами домашнего и кустарного производства с одной стороны, и фабричного – с другой.

Прядельно-ткацкий промысел развит в Малороссии повсеместно, но он носит в большинстве случаев характер домашнего производства, со сбытом на сторону только избытков изделий, остающихся за покрытием потребностей семьи; в работе участвует обыкновенно только женская половина семьи, причем дети начинают «сукать цивки» – сучить цивки, т. е. навивать пряжу из клубка ниток на шпульки, уже с 8–9-летнего, а иногда и более раннего возраста, а 10–12 летние девочки зачастую садятся уже и за стан. В хозяйствах с подобной организацией и характером ткацкого промысла, за редкими исключениями, наблюдается полная связь с землею. Но местами прядельно-ткацкое производство приобрело уже характер чисто промышленный – со специальным изготовлением изделий на рынок; эти «настоящие» ткачи являются уже по большей части малоземельными или даже безземельными хозяевами, почти совершенно отказавшимися от земледелия. Здесь уже работают не только женщины и дети, но и мужчины.

Изготавливаемые кустарями ткацкие изделия отличаются сравнительно большим разнообразием. Из растительного волокна выделяется полотно (холст) для рубах, «рушники» (полотенца) – необходимая принадлежность малороссийских свадеб и предмет украшения образов, окон и зеркал, затем «хустки» (род салфеток), которые, как и

рушники, обыкновенно затыкаются цветными полосками или узорной заплочью; из того же материала готовится «рядовина», идущая на мешки и кули («ланшухи»), а также «рядна» (одеяла, род плаща). Из пряженной шерсти простых овец, вырабатывается сукно для свит, зимних штанов и верхней одежды – «кереи» или «сиряка», – одевающейся в дурную и холодную погоду поверх свиты; из более тонкой пряжи изготавливаются женские «запаски», одеваемые вместо «сподниц» – юбок; наконец из пряжи, окрашенной в яркие цвета, ткются полосками и узорами «плахты», представляющие собой часть праздничного женского наряда. Из очень толстой овечьей шерсти кое-где вырабатываются еще огромные одеяла, так называемые «лижники» – традиционная принадлежность приданного невест. Кроме того, из шерсти выделяются различного сорта ковры, которые, по своему типу, разделяются на простые ковры – «килимы», употребляемые как скатерти, покровы для скамей, простых диванов и т. д., затем на «махровые» ковры – «коци», составленные из кусочков подстриженной шерсти и, наконец, на ковры собственно, выполненные уже более сложными канвовыми узорами.

Из всех видов *ткачества* наибольшее распространение получило тканье полотна, а также простых рушников и хусток. Следует вообще заметить, что строгое разделение на группы по роду производимых ими изделий далеко не всегда представляется возможным, так как, при однородности как самих приемов работы, так и орудий, одни и те же ткачи берутся и за тканье холста, и рядовины, и сукна и пр., соображаясь, прежде всего с существующим спросом и завязавшимися сношениями и требованиями скупщиков. Тем не менее, местами кустари-ткачи уже издавна специализировались на отдельных своих производствах. Так, например, в городе Кролевце и его уезде в огромном количе-

стве производятся для продажи рушники, хустки и декоративные ткани, причем кролевские изделия приобрели себе настолько широкую известность, что расходятся далеко за пределы местных рынков и попадают даже за границу. В селе Остаповке Миргородского у. существует специальное изготовление мешковой рядовины, в Зенькове и Миргороде – выделяются для сбыта простые килимы, отличающиеся прочно установившимся типом и размером; м. Великие Сорочинцы является главным и почти единственным центром производства лижников; в Миргородском уезде сосредоточивается изготовление коцов, в м. Смелом Роменского у., в м. Новых Сенжарах Кобеляцкого и Старых Сенжарах Полтавского у. распространено тканье ряден, в приднепровских уездах Полтавской губернии, и особенно в м. Еремеевке и с. Панском Золотоношского у. сильное развитие получил сукновальный промысел и т. д.

Все *ткацкое производство* происходит повсеместно в жилой избе, лишенной всяких технических приспособлений. Основным орудием промысла является простой малороссийский «верстат» – т. е. ткацкий станок, сохраняющий свой тип без перемены в продолжение уже нескольких веков. Все обзаведение ткача, по своей стоимости, не превышает 10–12 рублей, при условии даже покупки всего того из приспособлений, что обыкновенно с успехом готовится самим кустарем. Огромное большинство ткачей имеют только по одному станку, но в центрах промышленного ткачества и по несколько; так, например, в Кролевце из 620 слишком домов ткачей свыше 400 обладают 2–6 верстатами. Ковры ткются или на тех же верстатах, или же на особых станках – «кроснах».

Обстановка ткацкой работы представляется, в общем, очень не привлекательной. Громоздкий станок производит крайнюю тесноту в далеко не обширном, в большинстве

случаев, жилом помещении, переработка на станке волокнистого материала, особенно при производстве мешковой рядовины, наполняет воздух массою едкой пыли, а работа «батана», пробивающего нитку и удары о пол подножек производят непрерывный шум; все перечисленные неблагоприятные условия промысла приобретают еще большую остроту вследствие ограниченности помещений, отсутствия вентиляции, недостатка света и главным образом еще – продолжительности рабочего дня, доходящей в рабочий сезон до 14 – 16 часов. Вследствие этого большинство ткачей, и особенно ткачей «настоящих», жалуется на удушье, кашель, болезни глаз, усталость, отсутствие аппетита и расстройство пищеварения.

Необходимое сырье для производства приобретается кустиками главным образом на местных ярмарках и базарах и только отчасти получается в собственном хозяйстве; последнее бывает по преимуществу в тех хозяйствах, где ткачество не получило еще характера промысла, а существует главным образом для удовлетворения домашних потребностей. Цены на тканые изделия различны, но, в общем, очень невысоки: за аршин холста, смотря по его толщине и ширине, получают от 3–7 до 10–12 коп., за полотно – от 25 к. и дороже, за мешки – 30–40 к. за штуку, за пару рушников – 20–25 коп. (хотя в местных лавках те же рушники стоят 60–80 к. пара) и т. д.

В тесной связи с прядельно-ткацким делом стоит *беление и крашение пряжи*, а также *портняжничество*, но останавливаться на описании этих промыслов отдельно мы уже не будем; отметим только, что портняжничество – промысел по преимуществу бедняков: среди портных насчитывается наибольшее число безземельных хозяйств, так как портняжничество, как работа заказная, не требующая запасов сырья и дорогих приспособлений, наконец, как

работа легко бросаемая – представляется наиболее доступной пролетарию, ищущему работы. В одной Полтавской губернии в конце 80-х годов насчитывалось портных более 9.200 человек и портных – около 500.

К описываемой же группе производств по обработке волокнистых веществ должен быть отнесен еще *сетевязальный* промысел. Главное развитие этот промысел получил в двух районах области, а именно: в Лохвицком уезде Полтавской губернии и в Остерском уезде – Черниговской. В первом из названных районов плетение рыболовных сетей сосредоточено в группе селений, расположенных по р. Многе, причем центральным пунктом производства является местечко Вороньки. Население указанного района почти поголовно умеет плести сети и занимается этим делом уже с давних пор. Прежде вороньковскими сетями снабжались побережья Днепра, Дона, Буга и Черного моря, но в настоящее время, вследствие недостаточной прочности нитки сетей, район их распространения значительно сузился: они идут почти исключительно в Херсон, Николаев и Никополь для морских неводов. Общее годовое производство сетей в Лохвицком уезде определяется уездным земством суммою в 30 тысяч рублей. В плетении сетей здесь принимают участие взрослые мужчины, женщины и дети даже с 5 – 6-летнего возраста.

Для плетения сетей употребляются нитки из конопля, которые продаются так называемыми десятками – мотками в $\frac{3}{4}$ – 1 арш. длины. Сети плетутся из двойной или тройной нитки; из двойной выделяются плахи, составляющие главный предмет производства и сбыта в выше названных селениях Лохвицкого уезда; из тройной же нитки выплетаются более крепкие и дорогие сети «тройники», и уже по большей части только по специальному заказу. Больших неводов на месте не выделяется, и все

сети отправляются отсюда в виде узких плах, длиною обыкновенно в 9 – 10 аршин.

Плетение сетей происходит в жилой избе, во дворе и даже в поле (напр. пастухами). Орудия промысла весьма незатейливы и недороги; самое ценное из них – прялка – может быть куплена за 1 р. 20 коп. Приемы сетевязания также чрезвычайно просты и потому общедоступны. Пряжу кустари приобретают на дому у крестьян, или же на базарах ближайших сел, население которых плетением сетей не занимается; многие, впрочем, сетевязальщики частью пользуются еще и материалом, получаемым в собственном хозяйстве; нередки также случаи, когда кустари работают из ниток, полученных ими при получении заказа от скупщиков. Сбываются сети обыкновенно на местных еженедельных базарах скупщикам, которые, в свою очередь, переправляют их на более крупные рыболовные рынки – Одессу, Херсон, Николаев, Кременчуг, Ростов на Дону и др.

Древодельные промыслы в Малороссии широкого развития не получили вследствие недостатка, в большинстве же случаев даже полного отсутствия на месте сырого материала для производства. Сравнительно большие размеры, описываемые промыслы имеют, по-видимому, в Полтавской губернии. Главными центрами кустарной обработки дерева служат здесь Груньская и Кузьминская волости Зеньковского у., где насчитывается до 600 кустарей-подеревщиков, занимающихся этим делом круглый год; ими изготавливаются повозки, сани, телеги, колеса, ободья и пр.; далее, этот промысел получил значительное развитие в с. с. Калайденцах, д. Клепачах и Хитцах Лубенского у., в местечках Поповке и Зуевцах Миргородского уезда и в некоторых других местностях губернии. В с. Калайденцах насчитывается до 100 взрослых и столько же подростков кустарей-ложкарей, в с. Хитцах – до 300 кустарей, изготавливающих исключи-

тельно телеги и колеса; в с. Липовой Долине Гадячского у. несколькими кустарами приготавливаются веялки, расходящиеся преимущественно между односельчанами, хотя частью попадающие и на сторону; в с. Великой Павловке население занимается изготовлением довольно изящных курительных трубок (люлек), материалом для которых служат корни клена и липы.

Следует еще упомянуть об одном занятии населения, относящемся к описываемой группе промыслов, а именно о плетении корзин, мебели и др. изделий, в отдельных местностях нашей области имеющей за собою некоторое экономическое значение. Кустарами плетутся главным образом корзины всех сортов, но местами ими выделяются еще и многие другие предметы. Так, напр., в Лохвицком уезде в местечке Городище и с. Лесовой Слободке, а также, хотя и в меньших размерах, в местечках Воронька, Поставмуках, Поздниках и Мелеках с давних пор распространено плетение ажурных кошиков и чемоданов из рогоза (болотистого растения, похожего на камыш). Общее число кустарей, занятых этим делом в Лохвицком уезде, достигает более 250 человек; кошики продаются на месте или на ближайших ярмарках скупщикам, которые скупают их тысячами, по цене от 11 до 25 р. сотню; годовая продажа отдельного кустика колеблется от 100 до 200 р. При сравнительной дешевизне материала и пока еще неограниченности сбыта, промысел может быть отнесен к числу довольно выгодных. В 1899 году при земском народном училище в м. Городище открыт ремесленный класс обучения плетению из рогоза, преподавателем в котором был назначен лучший местный кустарь. В Купянском уезде более 300 жителей Купянской и Петропавловской волостей, кроме корзин изготавливают из шелюговой лозы стулья, кресла, диваны и другую мебель. Подобное производство существует еще

и в некоторых других местностях нашей области, хотя в размерах значительно меньших.

Крупная обрабатывающая фабрично-заводская промышленность дает помещение труду почти 43 тысячам рабочим, что составляет, по отношению ко всей массе населения области, немногим более $\frac{1}{2}\%$ или, по отношению к населению, находящемуся в рабочем возрасте, – всего 1%

По сведениям бывшего Департамента Торговли и Мануфактур, относящимся к 1897 году, в Малороссии числилось около 850 фабрик и заводов, распределяющихся по отдельным ее губерниям следующим образом: в Харьковской – 38% общего их числа, в Полтавской – 32% и в Черниговской – 30%. Общая сумма производства малороссийских фабрик достигает почти 75 милл. рублей, что по отношению ко всей годовой производительности русской индустрии составляет всего $4\frac{1}{2}\%$. Отдельные губернии описываемой области, в отношении размеров производства, располагаются в несколько ином порядке, чем в отношении численности фабрик, а именно – хотя первое место и здесь принадлежит Харьковской губернии, но сумма фабричного производства названной губернии достигает 53 %, или более половины производительности всех фабрик Малороссии; далее, второе место занимает не Полтавская губерния, как выше, а Черниговская, участвующая в общей сумме производства 27-ю %; наконец, третье и последнее место принадлежит Полтавской губернии, дающей 20% общего итога производства.

По материалам обработки все фабрики, заводы и промышленные заведения Малороссии могут быть разбиты на следующие группы, которые мы располагаем в нисходящем порядке по их значению: 1) обрабатывающие питательные и вкусовые вещества, 2) обрабатывающие шерсть, 3) обрабатывающие животные продукты, 4) получающие химиче-

ские продукты, 5) обрабатывающие металлы, 6) обрабатывающие дерево, 7) обрабатывающие минеральные вещества, 8) обрабатывающие пеньку и лен, 9) бумагоделательные и полиграфические и 10) смешанные производства по обработке волокнистых веществ.

Следует, однако, заметить, что фабричные производства описываемой области отличаются сравнительно малым разнообразием, подтверждением чего может служить уже один тот факт, что производства первой группы – по обработке питательных и вкусовых веществ – составляют 78,4% или почти $\frac{4}{5}$ всего фабрично-заводского производства области. Вырабатываемые в Малороссии питательные продукты, по своей стоимости, достигают более 11% общей ценности соответствующих фабрикантов всей России, причем на долю одной Харьковской губернии выпадает свыше 6%.

Начнем очерк фабрично-заводской промышленности Малороссии с описания наиболее развитых здесь производств по обработке питательных и вкусовых продуктов.

В состав этой группы входят следующие производства: *сахароварное, мукомольное и крупяное, винокуренное, спиртоочистительное и пивомедоваренное, табачное* и другие, сравнительно уже менее значительные по своим размерам, как маслобойное, кондитерское, хлебопекарное, колбасное и пр. В прежнее, еще дореформенное время, большинство заводов рассматриваемой группы имели исключительно характер сельскохозяйственных учреждений при помещичьих хозяйствах; позднее эти заводы стали переходить из рук помещного дворянства в руки специалистов – фабрикантов и купцов, причем число самих фабрик и занятых ими рабочих весьма заметно уменьшилось, размеры же производства отдельных предприятий, наоборот, возросли до огромных размеров.

Большую половину, а именно 56,8% производительности фабрик рассматриваемой группы составляет *сахаро-*

варное дело. Следующее за сахароварением место в ряду производств описываемой группы принадлежит *мукомольному* делу. Мукомольное и крупяное производства наибольшие, как абсолютные, так и относительные размеры, получили, в противоположность сахароварному, в Полтавской губернии, в которой 18 мукомольных мельниц и крупотерок перерабатывают зерна почти на 9 миллионов рублей, что составляет около 60% всей фабрично-заводской производительности этой губернии. Наименьшие размеры мукомольное дело имеет в Черниговской губернии. Третье место в ряду рассматриваемых производств, принадлежит винокурению и *пивомедоварению*. Наибольшее количество спирта выкуривается и очищается в Харьковской губ. — почти на 3 милл. рублей, тогда как в двух остальных губерниях — на суммы меньшие миллиона.

Перейдем теперь к описанию *табачного* производства, в ряду остальных производств первой группы занимающего четвертое место. Производительность всех малороссийских табачных фабрик, занятых изготовлением табака курительного и нюхательного, махорки и папирос, достигает $3\frac{3}{4}$ милл. рублей, причем производство это, почти совершенно отсутствуя в Черниговской губернии, сосредоточивается главным образом в Полтавской губ., где общая сумма производства табачных изделий составляет более 13% всей годовой фабрично-заводской производительности губернии, а затем — в Харьковской губ.

Из общего числа 2.300 рабочих, занятых на табачных фабриках, 40% их составляют женщины и свыше 26% — подростки и даже дети (1%); таким образом взрослые рабочие мужского пола составляют только $\frac{1}{3}$ всей массы рабочих. Дети участвуют во всевозможных работах — в крошильном отделении, набойной, бандерольной, в папиросном отделении (крутильщиками) и даже в сортировочной операции.

Привлечение в столь значительном проценте на фабрику женщин, подростков и детей объясняется исключительно сравнительной дешевизной их труда. Между тем табачная фабрика представляет собою далеко не благоприятные условия для помещения труда слабого организма: вредное влияние никотина на нервную систему, а также на дыхательные и пищеварительные органы, затем скученность рабочих, неудовлетворительность питания и т. д. Из остальных производств по обработке питательных продуктов, дающих различных продуктов на сумму, немногим превышающую 3 милл. рублей, наиболее крупным является *маслобойное* производство, выражающееся суммой в 1,2 м. р. и сосредоточивающееся главным образом в Черниговской губернии.

Вторую группу фабрично-заводских производств составляют, как мы уже говорили выше, производства по обработке шерсти. Общая стоимость вырабатываемых фабриками этой категории товаров достигает суммы свыше $4\frac{1}{2}$ миллионов рублей. Фабричная обработка животных продуктов в общем, достигает 2,8 миллиона рублей, что по отношению ко всей сумме фабрично-заводской производительности области составляет лишь немногим более 3%.

Таким образом, все производство сосредоточено главным образом в Харьковской губернии и в частности в г. Харькове. В ряду производств рассматриваемой группы, как по числу предприятий, так и по размерам выделки, первое место принадлежит механическому производству, во многих случаях тесно связанному с изготовлением земледельческих орудий и машин. Всех механических заведений в области насчитывается более 30, на которых, при 1.700 слишком рабочих, изготавливается фабрикатов на сумму свыше 1,3 млн. рублей. На заводах изготавливаются чугунные и медные отливки, паровые машины, станки,

сельскохозяйственные орудия и машины и т. п. изделия. С недавнего сравнительно времени в г. Харькове, кроме того, открыл свои действия огромный паровозостроительный завод, поставляющий паровозы на Сибирскую железную дорогу (в «перечень фабрик и заводов» 1897 года еще не вошедший).

Резюмируя все вышеизложенное о фабрично-заводской промышленности, мы должны придти к следующим основным выводам. Крупная обрабатывающая промышленность Малороссии большим разнообразием производств не отличается: почти $\frac{4}{5}$ всего фабрично-заводского производства области составляет фабрикация питательных и вкусовых товаров, в числе которых вырабатываются главным образом *сахар, мука и крупа, спирт, пиво и курительный табак*. Небогаты своими представителями и отдельные группы производств; так, напр., группу производств по обработке животных продуктов составляют более чем на $\frac{3}{4}$ воско-свечное и кожевенное производства; группа химических производств почти целиком исчерпывается спичечным и газовым производством (последнее при этом только на одном заводе); группа производств по обработке дерева почти единственным своим представителем имеет лесопильное дело и т. д.

4. ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Е. К. Замысловский
«Россия...», т. VII. С. 218–238

Древнейшими путями сообщения здесь, как и в других местностях Европейской России, были реки. Малороссийские губернии прорезаны реками двух бассейнов: Днепровского и Донского. Первый из них, как теперь имеет большее значение для края, в смысле водных путей сообщения, так и в древние времена занимал первое место.

Как известно, первые оседлые славянские племена расселились по течению больших рек, между прочим, и по Днепру, среднее течение которого заняли поляне. В те времена Днепр составлял часть великого водного пути «из варяг в греки». «Бе путь из варяг в греки», говорит Нестор, «и из грек по Днепру и вверх Днепра волок до Ловати, по Ловати внити в Илмер озеро великое, из него же озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево, того озера устье внидет в море Варяжское».

Великий водный путь привел к полянам предприимчивых и привычных к мореплаванию варягов, которые и утвердили свое господство не только над ними, но и над соседними племенами, жившими по Днепровскому и Донскому бассейну. Из летописи видно, что всякий год, как только вскрывался Днепр, отправлялся Олег с дружиной по рекам, впадающим в него, и заставлял мирные славянские племена признавать свою власть. Также и следующие киевские

князя продолжали, пользуясь естественными путями сообщения, расширять пределы своего господства над соседними племенами.

Важнее всего великий водный путь был для сообщения с Грецией. Туда этим путем совершались не только набеги, но вскоре при его посредстве установились и торговые сношения. Доказательством живого общения с чужеземцами служит множество монет арабских, византийских и норманских VII, VIII и IX веков, найденных по всему протяжении этого водного пути. Как памятник торговых сношений водным путем, сохранились также в Любече и Чернигове названия «Кораблище» на тех местах, где в древние времена стояли варяжские корабли, т. е. ладьи, помещавшие от 40 до 60 человек.

Реки этого края имели также значение внутренних путей сообщения – они давали возможность обмена с соседними племенами. По словам греческого императора Константина Багрянородного, жившего в IX век, кривичи и прочие славяне, нарубив зимой по горам лес, строили обыкновенно ладьи у себя дома, а потом, по вскрытии вод, сплавляли в ближайшие озера, а оттуда в Днепр до Киева; там покупала их Русь, снабжала веслами, уключинами и прочими снастями собственного изделия и снаряжала для плавания. Из этого описания мы видим, что в прежние времена реки, теперь уже обмелевшие, были судоходны. В притоках Днепра, протекающих по Полтавской губернии, находят остатки больших якорей и других частей судов, указывающих, конечно, на то, что эти реки (Псел, Ворскла и Сула) прежде были судоходны, точно также как и реки Донецкого бассейна. Не говоря уже о судоходстве по Донцу в хазарские (остатки аланских поселений на Донце) и половецкие времена, когда эта река представляла бойкую водную артерию, соединявшую Чернигово-Северскую Русь

с Тмутараканью, мы можем заключить, что еще в первой половине XVII в. по Северскому Донцу на судах из Белгорода и Чугуева во время полои воды сплавлялись хлебные запасы; отсюда же ездили для торговли на Дон. Судовая пристань на Донце у притока его Везеницы упоминается в царствование Федора Ивановича.

При Иване Грозном Дмитрий Вишневецкий построил суда на р. Пселе и спустился в Днепр, чтобы громить крымские улусы. В самом конце XVI в. на судах отправлялись служилые люди с запасами из Оскола вниз по р. Осколу к его устью для постройки г. Царево-Борисова. В XVIII в. мы видим уже значительное обмеление этих рек. Причиной тому служило истребление лесов, засорение рек во время весеннего разлива, а также множество водяных мельниц, размытые и снесенные плотины которых немало способствовали засорению рек (в XVIII в. в одном только Харьковском наместничестве было 1.537 водяных мельниц). В царствование Екатерины II Василий Рубан, говоря о реках Малороссии, прибавляет, что Сей, Судость, Исполъ, впадающие в Десну, Псел, Сула, Ворскла – в Днепр «хотя в Малой России между знатными реками и почитаются, но, по причине плотин, на них запруженных с мельницами, к плаванию совсем не способны».

Необходимо прибавить, что реки Малороссии, как пути сообщения, оказали также важную услугу в деле колонизации этого края. В XVII в., когда началось заселение этой слабонаселенной окраины русского государства, реки, как артерии, разносили жизнь по степной, безлюдной местности. Мы видим, что все важнейшие города и древнейшие слободы расположены по рекам, например: Сумы на Пселе, Лебедин на его притоке Ольшане, Ахтырке – на притоке Ворсклы Ахтырки, Харьков – на Харькове и Лопани, Чугуев, Змиев, Изюм, Святогорский монастырь на Сев. Донце и т. д.

Большие реки были проводниками правительственной военной колонизации, а малые – вольной народной, как малорусской, так и великорусской. В XVII и начале XVIII века эти два колонизационные движения встретились. Донские поселения сошлись с малороссийскими по речкам Жеребцу, Красной, Айдару и др., так как Днепровская система рек сходится с Донской: приток Ворсклы Мерчик близко подходит к притоку Донца – Удаю, а сама Ворскла – к Днепру.

Итак, мы видим, что реки, сыгравшие уже однажды важную роль для этого края, при расселении славянских племен, предпочитавших селиться у вод, снова оказали ту же услугу краю, когда он стал пробуждаться к жизни после долгого запустения, тянувшегося от самого татарского нашествия, т. е. от начала XIII почти до конца XVII столетия.

Сведения о грунтовых путях древней Руси мы встречаем, конечно, позднее, чем об естественных водных. С увеличением числа городов, появляются между ними и сухопутные дороги. Древнейшей сухопутной дорогой теперешней Малороссии надо считать путь от Смоленска к Киеву через Чернигов. В «Поучении» Владимира Мономаха (XII в.) встречаем указание на путь из Чернигова в Киев, который он совершил в один день «до вечерни». В книге «Большой Чертеж» (составленной в 1626 г. со старого чертежа, сделанного, как там говорится, «при прежних государях») упоминаются тракты из Брянска на Почеп, отсюда на Попову Гору и далее на Гомель, другая ветвь этой дороги – от Почепа на Стародуб. Из Трубчевска шла дорога на Новгород-Северский и отсюда на Путивль и Сосницу. Из Чернигова одна дорога на Киев шла через Остер, а другая на Моромеск, т. е. Моровск. Из полугрунтовых – полуводных путей в дотатарский период в летописи упоминаются два пути: *Соляный* и *Залозный*. Первый шел из Северной земли «сухопутьем до Дона и по Дону в Азовское и Черное моря».

Он служил для подвоза соли из богатых солью побережий Черного и Азовского морей. Залозный путь, вероятно, направлялся на юго-восток, в область р. Дона, а отсюда в Поволжье и Предкавказье. Особенно важное значение Залозный путь имел в VIII–X веках, т. е. в период расцвета хазарской торговли. Этим путем шли караваны в столицу Хазарии Итиль, в Тмутаракань (вплоть до Дона, по которому спускались уже вниз) и на побережья Каспийского моря. В книге Большого Чертежа мы находим описание старой татарской дороги, называвшейся *Муравским шляхом*. В южно-русской Украине было много таких татарских дорог. Татары совершали свои вторжения в русские владения исключительно сухим путем, так как они были неразлучны со своими конями и переправлялись через реки вплавь верхом на конях, привязывая к хвосту животных легкие плоты с поклажей. Вообще же они избегали переправ, выбирая возвышенные местности, где бы легче можно было проехать. Главная татарская дорога – Муравский шлях – была очень удобна в этом отношении, так как шла по водоразделу Донского и Днепровского бассейнов. Она шла от Крымской Перекопи до Тулы между верховьями множества рек и речек, но не пересекала в нашей области почти ни одной из них. Ко времени составления книги «Большой Чертеж» северный конец Муравского шляха был уже отвоеван от татар и сделан военной украиной русского государства.

От Муравского шляха отделялись еще два других, также упомянутых нами выше – *Изюмский* и *Калмиусский*. Изюмский шлях отделялся от Муравского у верховьев р. Орели. От Донца Изюмский шлях шел по Изюмскому, Купянскому и Волчанскому уездам Харьковской губ., а потом уходил в Курскую губернию. Калмиусская сакма (шлях) отклонялась еще дальше на восток и шла самостоятельно от Молочных Вод до Ливен. Кроме этих главных шляхов были еще менее

значительные. Из них известен напр. Бакаев шлях, шедший в том же направлении, в каком идет теперь Киево-Воронежская ж. д., только от Бакаева он поворачивал на Переяславль. Затем Ромодановский шлях и Сагайдачный простирались от Днепра до центральных великорусских губерний тоже по возвышенной местности, что облегчало движение по ним тяжестей и грузов. Благодаря такому удобству, еще в начале XIX в. ими пользовались, как транзитными дорогами. Кроме этих татарских шляхов в Малороссии были и русские колонизационные дороги.

При Петре Великом в 1703 г. повелено было подъячему Малой России Степану Фролову учредить почту от Москвы в Малороссию на Севск, Батурин, Нежин, Киев до Белой Церкви. Таким образом, был установлен почтовый тракт, и местным воеводам дан указ: «где есть худые мосты, велели бы починивать и где переправы и болота, то вновь велели бы мосты учинить». В царствование Елизаветы Петровны учреждены были Демидовым особые почты через казачьи городки и слободские малороссийские полки для возки фруктов из Астрахани ко двору (по шести подвод с людьми и по одному солдату следовало поставить на каждом стане). Вторая фруктовая почта проходила от Царицына до Киева на Острогжск, Богодухов, Ахтырку, Гадяч, Лохвицу, Прилуки, Едлуровку и Бровары.

Почтовые дороги, установленные при Екатерине II, должны были служить, как и при Петре, главным образом целям административной централизации: они связывали уездные города между собой и со столицами как с центрами управления. У Василия Рубана мы находим точные указания о расстоянии между городами, о времени отправления почты, а также все постановления, касающиеся почтового ведомства. Из его книги видно, что тракт от Глухова до Киева имел 302 версты, от Глухова до Полтавы – 292 в.,

от Полтавы до Киева – 377 в., от Стародуба до Киева – 328 в., от Глухова до Стародуба – 150, от Глухова до Чернигова – 195, от Глухова до Переяславля – 255, от Полтавы до Чернигова – 380, от Ромен до Лубен – 94 версты.

В XIX веке улучшением *грунтовых дорог* занимается министерство путей сообщения и предпринимает с этой целью ряд капитальных сооружений. В конце 50-х годов XIX века средствами казны устроено Киево-Петербургское шоссе, часть которого, длиной в 192 в., проходит по Черниговской губернии. Постройка его окончена летом 1861 года. Движение по этому шоссе значительно уменьшилось с проведением Курско-Киевской и Либаво-Роменской железных дорог. Кроме этой дороги, соединявшей Петербург с Киевом, по Черниговской губернии проходит старая почтовая дорога, соединявшая Москву с Киевом через Глухов, Кролевец, Батурин, Борзну и Нежин. Тракт этот также потерял значение, с проведением Курско-Киевской железнодорожной линии. По Харьковской губ. идет Московско-Харьковское шоссе. Дорога эта начала строиться в 1839 году, и окончена в 1857 г. министерством путей сообщения.

Кроме этих главных трактов, по малороссийским губерниям проходят дороги, находящиеся в ведении губернских и уездных земств, как, например губернская почтовая дорога из Чернигова в Полтаву Минск, Смоленск, Брянск и Курск. Но в настоящее время почтовое движение по этим дорогам сохранилось только там, где нет железнодорожных линий. Надо еще заметить, что как почтовое, так и пассажирское, и грузовое движение по этим дорогам изменяет в некоторых местах направление в зависимости от времен года, так как дороги, удобные зимой, бывают, неудобны весной и летом, и наоборот.

В то время как с проведением *железнодорожных линий*, старые дороги теряют свое прежнее значение, как путей

транзитных, так и внутреннего сообщения, возникают новые подъездные пути к станциям железных дорог, напр. 4 дороги к станциям Полесских дорог, 7 – к Либаво-Роменской и 10 – к станциям Киево-Воронежской, все с грузопровозможностью свыше 500.000 пудов в год.

Некоторые части транзитных путей также обратились с проведением железных дорог в станционные подъездные пути. Они сохранили свое прежнее значение только для сбыта изделий кустарного производства. По ним «самовозом» производители и мелкие скупщики их товаров возят: доски, шелевки, пластины, кадки, корыта, скрини, лопаты и др. деревянные изделия, горшки, кувшины, миски, мел, известь, пеньку и т. п. По другим частям транзитных путей и подъездным, имеющим местное значение, южнее главными грузами являются: хлеб, табак, свекловица для сахарных заводов, а севернее – пенька, идущая на пенькотрепальные фабрики, и лесные материалы, направляющиеся с севера на юг, в Полтавскую губернию. Хлеб же, наоборот, перевозится с юга в северную часть Черниговской губернии, так как эта часть Черниговской губ. ощущает недостаток в нем.

По грунтовым и шоссейным дорогам происходит также движение *чумаков*, которые в Черниговской, Полтавской и Харьковской губерниях сохранились и до сих пор; число всех чумаков еще в 80-х годах XIX в. доходило до 210.000. Название чумак, по наиболее достоверным предположениям, происходит от слова чума (язва), для предохранения от которой, чумаки, отправляясь в дорогу, имели обычай обмазывать дегтем свою одежду, что делают некоторые и теперь. Чумаками называют в Малороссии торговцев, отправляющихся на волах в Крым за солью и к морям Черному и Азовскому за рыбой. Происхождение чумачества относится к весьма отдаленному прошлому (еще при Игоре Путивльском, воспетом в «Слове о полку Игореве», из Крыма и с

донецких озер вывозилась соль), когда появление его было вызвано экономическими причинами, т. е. той ступенью, на которой стояло производство, и теми способами обмена, которые тогда существовали. Между прочим, условия тогдашней жизни создали из них тип торговцев-воинов, так как им приходилось переезжать с товарами по пустынным степям, где рыскали шайки гайдамаков и дикие орды кочевников. Чумаки развозили свои товары по ярмаркам.

В прежние времена в Малороссии ярмарочная торговля имела большое значение, так как она служила для обмена местных товаров на заграничные. В половине XVII ст. с этой целью были учреждены ярмарки, например: в Нежине (1657 г.) и в Кролевце (1646 г.). На них привозились товары даже из Силезии и с Кавказа.

С уничтожением таможенной заставы (1757 г.) между бывшим Московским государством и Малороссией, значение этих ярмарок еще больше увеличилось. Но, с проведением железных дорог, большие городские ярмарки окончательно упали, за исключением разве Ильинской в Полтаве и Крещенской в Харькове. Зато сельские ярмарки, заботы о которых лежат на земстве, не только не утратили еще своего значения, а напротив число их и обороты даже увеличились. Местные товары подвозятся к ним по грунтовым дорогам.

Внутренняя торговля между отдельными селениями и местностями рассматриваемой области требует, конечно, улучшения путей сообщения и особенно постройки мостов на тех речках, где до сих пор существуют только паромные переправы, так как в этих пунктах во время весеннего и осеннего ледохода прекращается всякое сообщение. Это тем более необходимо в виду того, что население для внутреннего обмена продуктов предпочитает перевозить их сухим путем, а не водой, что видно будет из цифровых

данных, при сравнении движения грузов по древнейшим водным путям и новейшим железнодорожным. Происходит это, может быть, вследствие того, что судоходство здесь развито еще довольно слабо, и реки во многих местах неудобны для плавания по своему мелководию...

Днепр течет по песчаному и галечному грунту; фарватер его меняется ежегодно. Кроме порогов, Днепр представляет судоходству препятствия: заборы, гряды, песчаные мели, перекаты. Потому-то Днепр, хотя по размерам своим и является одной из самых больших рек России, даже и теперь, когда он составляет часть Днепровско-Западно-Двинско-Неманско-Вислинского водного сообщения, далеко уступает по количеству провозимых грузов рекам Волжско-Невского сообщения. В прежнее же время, когда еще не производилось работ по его расчистке, он далеко не мог удовлетворять потребности сообщения северной и центральной части России с малороссийскими губерниями и с черноморским побережьем.

Юг России в 50-х годах истекшего столетия настолько нуждался в удобных путях, что эта насущная потребность сознавалась всеми. Тогда и возник проект продолжения Николаевской железной дороги на юг до соединения с южными портами Азовского и Черного морей. После того как Главное Общество российских железных дорог, которому надлежало строить эту линию, оказалось не в состоянии выполнить это дело, железнодорожное строительство для рассматриваемой области вступило в трудный период. Новые общества не образовывались, а между тем сознавалась необходимость здесь целой сети железных дорог. В проекте министерства путей сообщения, рассмотренном в конце 1862 года, южная линия Москва – Курск – Харьков – Крым (протяжением в 1.440 верст) занимает первое место в перечне «самонужнейших» дорог, но проект этот осуществился не

скоро. Также неудачна была первая попытка сооружения линии на Одессу, долженствовавшей пересечь рассматриваемую область. Еще весной 1857 года образовалась компания учредителей, при участии торгового дома Томсон Банар и К° и многих русских высокопоставленных лиц, которая просила о дозволении составить акционерное общество для постройки железной дороги от Одессы через Балту, Брацлав, Киев, Нежин и Кролевец до встречи с предположенными к сооружению Феодосийской и Либавской дорогами, но попытка эта кончилась неудачно, и новое общество не получило концессии, так как в то время еще предполагалось, что эту линию выстроит Главное Общество. В течение 1861 года все русское общество было сильно занято вопросом о направлении южной линии. Вопрос этот очень оживленно обсуждался в печати, причем решали, должна ли новая дорога пройти на юг от Москвы через Тулу, Орел, Курск и Харьков на соединение с портами Азовского моря, или на соединение с Одессой через Калугу и Киев.

Немного позднее, в 1863 г. новороссийский генерал-губернатор возбудил вопрос о продолжении строившейся уже линии от Одессы и Балты не на Киев, а на Кременчуг и Харьков. В виду таких разногласий, которые проникли даже в комитет железных дорог, этим последним было сделано в конце 1864 г. следующее постановление: «южную дорогу, начатую от Москвы до Серпухова и от Одессы до Балты, продолжать строить средствами казны по возможности деятельно с одной стороны от Серпухова через Тулу, Орел и Курск до Киева, а с другой – от Балты на Кременчуг и Харьков, предоставив дальнейшему соображению изыскание средств для соединения сего последнего города с Курском». Такое решение, разделяя средства государства на постройку двух путей, оттянуло на несколько лет соединение малороссийских губерний с портами Азов-

ского и Черного морей. Постройка затянулась, и только осенью 1868 г. была начата постройка участка от Харькова до Кременчуга. На него дана была концессия гофмейстеру Абазе и бар. Унгерн-Штернбергу. Длина линии определена в 248 верст и обошлась в 56.378 руб. с версты; движение на ней открыто, наконец, летом 1871 года. Теперь это – часть Харьково-Николаевской железной дороги. Еще ранее была построена линия от Курска до Киева, изыскания которой производились правительственными инженерами в 1865 г.; затем она была передана, по концессии, на постройку компании ф. Мекка и ф. Дервиза, к которым впоследствии присоединился кн. С. А. Долгоруков. Из искусственных сооружений на этой дороге было назначено: мост на Днепре под Киевом и еще 47 мостов от 10 до 25 саж. Поверстная стоимость постройки была определена в 68.103 кредитных руб., а длина ее – в 438 верст, причем часть пути (около 150 верст) пришлось на Курскую губ. Движение по этой дороге открыто в конце 1868 г.

Линия к югу от Курска через Харьков к портам Азовского моря, хотя и входила в утвержденные сети дорог 1857, 62 и 66 гг., но постройка ее все еще не осуществлялась. Весной 1868 г. сооружение Харьково-Азовской линии было, наконец, обеспечено. Так как основавшееся ранее общество не могло выполнить предприятия, то решено было строить дорогу на средства государственного казначейства, и было заключено два подрядных договора с Поляковым на сооружение участков от Курска до Харькова и от Харькова до Таганрога с ветвью к Ростову. На всем протяжении этой дороги, т. е. от Курска до Азовского моря, движение открыто в конце 1869 г. Длина всей линии – 763 версты, причем на рассматриваемую область приходится 243 версты. Поверстная стоимость по отчету равнялась 68.000 руб. металлических.

Последней дорогой из сети, утвержденной в конце 1868 г., и несколько измененной в начале 1870 г., была Ландварово-Роменская (теперешняя Либаво-Роменская). Изыскания по этой линии производились в 1870 г., и проект концессии утвержден весной 1871 г., а летом того же года концессия эта была дана учредителю акционерного общества ф. Мекку. Протяжение всей дороги было исчислено в 718 верст, причем на рассматриваемую область приходится 210 верст, а поверстная стоимость равнялась 24.712 метал, рублей.

В настоящее время Либаво-Роменская железная дорога, так же как и Полесские железные дороги, выстроенные гораздо позднее всех перечисленных дорог (окончены в 1887 г.), принадлежат казне. По малороссийским губерниям проходят небольшие части этих двух дорог, а именно: Полесские – большею частью своего участка от Брянска до Гомеля, а Либаво-Роменская – своим участком от Гомеля до Ромену, далее от Ромен на юг, до Кременчуга, идет соединительная линия от Харьково-Николаевской железной дороги. Весной 1901 г. открыто движение по Киево-Полтавской ж. д. Еще в 1886 г. полтавское губернское земство впервые просило о соединении станции Лозовой с Киевом через Полтаву. Затем следовали о том же другие ходатайства, и весной 1898 г. Общество Московско-Киево-Воронежской ж. д. получило разрешение на постройку ширококолейной линии от Полтавы на Миргород, Лубны и Борисполь до соединения с Московско-Киево-Воронежской линией у ст. Бровар. Дорога эта еще не совсем окончена: через Псел, Хорол и Сулу проложены временные деревянные мосты, а постоянные еще строятся. Длина линии 328 верст, из которых на рассматриваемую область приходится около 300 верст.

Ныне открылось движение по Белгород-Сумской железной дороге, соединяющей ст. Белгород (Курско-Харьково-

Севастопольской ж. д.) со ст. Сумами (Харьково-Николаевской ж. д.). Длина всей линии – 140 верст, причем на рассматриваемую область приходится около 40 верст. Построена она частным железнодорожным обществом.

...Все эти дороги для отопления своих паровозов употребляют дрова или каменный уголь. Преобладание того или иного топлива обуславливается, конечно, ценой дров и угля в той местности, по которой проходят железнодорожные линии. Так, Полесские дороги употребляют исключительно дрова, Либаво-Роменская – дрова и каменный уголь, затем только Московско-Киево-Воронежская потребляет, кроме каменного угля и антрацита, дрова, но и то в очень ограниченном количестве (за 1898 г. 3.735 куб. саж.); все же остальные дороги, т. е. Курско-Харьково-Севастопольская, Харьково-Николаевская, а также и подъездные пути Московско-Киево-Воронежской отопляют свои паровозы каменным углем, отчасти антрацитом, а дрова употребляют только на растопку его. Юго-Восточные ж. д. употребляют, кроме каменного угля, также и нефть.

II. НОВОРОССИЯ. КРЫМ

Россия.

Полное географическое описание нашего отечества
под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского.
Новороссия и Крым. т. XIV. СПб., 1910.

Новороссия, состоящая из губерний Бессарабской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, области Войска Донского и Ставропольской губернии, занимает южную окраину Европейской России, примыкающую к Черному морю и к Манычу – этой впадине, по которой когда-то Каспийский бассейн по-видимому соединялся с Черноморским. Черное море своими ответвлениями прихотливо изрезывает берега Новороссии, вторгаясь в них двумя заливами – закрытым Азовским мелководным морем, иначе «Меотийским болотом» древних, и западным, еще более обширным, открытым и более глубоководным заливом, которому, по странной случайности, не дается общего имени на наших картах, хотя отдельные его части и называются заливами Каркинитским, Каламитским и др. Между этими двумя заливами помещается ромб Таврического полуострова. В оба залива впадают крупнейшие южные артерии Европейско-Русской равнины – Дон и Днепр, а в западный залив кроме того еще крупнейшая водная артерия Балканского полуострова и восточной половины Средней Европы – Дунай. Большая часть Новороссии представляет волнистую или гладкую черноземную, безлесную равнину, за исключением лесистого горного Крыма, который относится

к горной складчатой системе, ограничивающей сложными полудугами все Средиземноморье и соединяющейся через Кавказ, Персию и Афганистан в Азии с Гималаями. Такое географическое положение Новороссии, при теплом климате, обуславливает ее совершенно особую роль в Европейской России.

Черное море является крайним северо-восточным отпрыском той сложной системы внутренних морей между Европой, Азией и Африкой, которая называется Средиземным бассейном и послужила колыбелью современной европейской цивилизации в лице древнего греческого и римского мира. Эта культура, разлившись тонкой струйкой по всем берегам Черного моря в виде греческих колоний, проникала от них постепенно и внутрь равнины Европейской России по новороссийским степям (занятым вначале по преимуществу кочевниками-скифами), в периоды, когда все народы, населявшие Новороссию, более или менее мирно кочевали или сидели на своих местах.

Поэтому всякая оседлая государственность, создававшаяся севернее, в более центральных частях Европейской России, доходя в своих исканиях географического предела до берегов Черного моря, неминуемо подпадала под влияние осевшей здесь издавна греческой культуры: яркими примерами этому могут служить в христианскую эру сначала готы, а затем восточные славяне киевского периода нашей истории. Но Новороссия, широко и беспрепятственно сливаясь в бассейне Каспийского моря со степями Средней Азии, была вместе с тем и самой широкой дорогой с востока на запад, куда в течение многих веков выталкивались волны диких кочевников, в поисках степного приволья, от сгущавшего свое земледельческое население и теснившего кочевников с востока Китая. Эти волны, вклиниваясь по Новороссии между античным средиземным миром и средними частями Европейской России и бурно сметая все на своем пути, не раз надолго парализо-

вали культурное южное влияние на нее. Особенно сильны были волны гуннская (IV–V в.) и татарская (XIII в.). Гуннская волна смела готов в Новороссии и наделала большие опустошения в Западной Европе, но для большей части равнины Европейской России, славянское население западной половины которой тогда еще находилось в первобытном состоянии, эта волна не имела серьезного значения кроме того, что избавила их от владычества готов. Татарская волна совпала с ослаблением Византии под влиянием борьбы последней с мусульманами и вместе с тем с периодом наиболее тесных культурных отношений между Византией и Русью. Поэтому татарская волна, прошедшая по Новороссии, имела для остановки культурного южного влияния на Европейскую Россию гораздо более сильное значение; эту остановку не смогли поправить вслед за тем генуезцы и венецианцы, несмотря на свои смелые попытки основать более или менее прочные европейские колонии на Черном море на месте пришедших в упадок греческих. Но наибольший удар нанесла гибель Византии под ударами турок в XV в. После этого Новороссия, обратившись в девственную степь среднеазиатского характера, надолго отторглась от жизни остальной Европейской России, собиравшей свои государственные силы с одной стороны под главенством Москвы, а с другой – под главенством Литвы и Польши.

Инстинкт части русского населения, недовольной внутренними порядками Московского и Польско-Литовского государства, гнал ее завоевывать на их окраинах вольные степи Черноморья. Это движение началось в XVI веке – из Московского государства так называемыми «крызанскими казаками», обратившимися в «донскую казачью вольницу», а из Польско-Литовского государства – «малорусскими казаками», образовавшими «Запорожскую Сечь». Но сначала политическое соперничество Москвы и Польши, а затем военная отсталость Московского государства – отодвинули

завоевание Новороссии слишком на два века, тем более, что до прочного успеха в этом направлении пришлось, как показал опыт Петра Великого, сначала «прорубить окно в Европу» через Балтийское море, чтобы стать в ряд европейских государств. Только Потемкину – этому «великолепному князю роскошнейшей Тавриды» – удалось неразрывно соединить всю Новороссию с остальной равниной Европейской России и включить в корону Екатерины II ее лучшую жемчужину – горный Крым.

Населенная по приглашению Потемкина самыми разнообразными этнографическими элементами, во главе с великорусами и малорусами, Новороссия начала сгущать свое население и разрабатывать под земледелие свои девственные степи со сказочной быстротой. Этот процесс еще более ускорился, когда во второй половине XIX в. сеть железных дорог соединила ее с центральными частями Европейской России и под влиянием проведения железных путей стали разрабатываться богатейший Донецкий каменноугольный бассейн и железорудное Криворожье; соединенный с Центральной Россией железным путем, горный Крым сделался тогда же крупнейшим поставщиком фруктов и излюбленной климатической станцией для всех состоятельных классов населения Европейской России. Так навеки присоединилось северное Черноморье к остальной равнине Европейской России, от которой оно было так долго искусственно отторгнуто, и дальнейшая его культурная судьба теснейшим образом вошла, как часть, в судьбу ее. Все культурные начинания, шедшие издревле с юга, теперь пошли только с севера. Так вторая культура наслонилась на развалинах первой после долгого промежутка, в виде обратной волны.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НОВОРОССИИ

Я. Ф. Ставровский
«Россия...», т. X. С. 126–171.

О тливу славянского населения из степей обязано было появление нового юго-западного центра древней Руси, после того как историческая роль Киева, с постепенным прекращением византийской торговли и перенесением главной части киевского центра на северо-восток, во Владимир на Клязьме, была сыграна. Так выросла земля белохорватов или Червонная Русь, занимавшая пространство по верхнему течению Днестра и Прута, т. е. нынешнюю Галицию, часть Подольской губ. и северную часть (Хотинский у.) Бессарабской губ. Сила этого княжества основывалась на соперничестве трех соседних государств – Руси, Венгрии и Польши, а частью обязана была ряду даровитых князей. Наиболее популярный из них Ярослав Осмомысл так воспет в знаменитом «Слове о полку Игореве»: «высоко седишь ты на своем златокованном престоле; ты подпер Карпатские горы своими железными полками и загородил дорогу королю венгерскому, затворил ворота к Дунаю; ты один судишь и рядишь до самого Дуная. Как гроза разнесится твое имя по всем землям и открывает вход в Киев; с отцовского золотого престола стреляешь ты султанов в далеких землях». Значительной силы достигло княжество

при Романе Мстиславиче Волынском, который соединил Волынское княжество с Галицким. Этот князь успешно воевал с половцами и с новым растущим соседом – Литвой. Еще большего могущества достигло Галицкое княжество, снова отделившееся от Волынского, при Данииле Романовиче благодаря сильному наплыву русского населения, уstraшенного появлением новых кочевников – татар.

Первое столкновение с татарами, окончившееся поражением русских, произошло в пределах области на р. Калке (ныне Кальмиус Екатеринославской губ.). Затем между 1239–41 гг. татары прошли грозной, всеокрушающей силой южной Русью, по пути разорив Киев, Волынь, Галич и др. города, и достигли Венгрии, откуда, потерпев неудачу, возвратились в южнорусские степи, где и утвердились надолго, подчинив себе всю европейскую Украину. Прежние владельцы степи – половцы частью ушли в русские пределы и в Венгрию, частью смешались с татарами, бродники же на время сумели сохранить свою независимость, действуя то в союзе с татарами, то отдельно. Главным центром своего местопребывания татары избрали низовья Волги, где и основали Золотую Орду. В пределах Новороссийской области наибольшее число оседлых стоянок и кочевьев приходилось на Донскую область и восточную часть Екатеринославской губ. В Донской обл., где их жилища особенно умножились после мора 1348 г., выгнавшего их из волжских стоянок, они распространились по всему Дону, Донцу) Медведице и частью Хопру. О пребывании их здесь свидетельствуют развалины кирпичных мечетей с внутренними стенами из цветных камней и остатки жилищ близ Глазуновской станицы в Усть-Медведицком округе, по р. Иловле, Чиру, Сускану, Куртлаку, Царице и Салу (1-го и 2-го Донских округов). По направлению к западу и, особенно за Днепром татарские кочевья уже заметно редели,

почему здесь больше сохранилось остатков прежних кочевых народов, особенно половцев. Вследствие отдаленности от татарского центра бродившие здесь орды чувствовали себя самостоятельнее и даже делали попытки обособления. Так, в 1271 г. ненадолго образовалось Ногайское ханство из едисанских и джамбулакских татар. Благодаря той же обособленности некоторое время могло держаться и славянское население по городам, уцелевшим после татарского погрома. В известном списке городов, составленном не позже XIV в., обозначены русские города Романов Торг (ныне Роман) на р. Прут и Хотин на Днестре. Что касается прибрежных поселений, то они, утратив связи со славянскими центрами, быстро пустели и замирали. Как ясно из карт венецианских и генуэзских купцов посещавших свои черноморские фактории, до конца XIV в. в северо-западной части черноморского побережья не было никаких поселений, в конце же XIV в. татары основали на месте нынешней Одессы поселение Гаджибей, и, может быть, в это время был основан г. Очаков.

Распространение татар, усилив запустение степей, вызвало еще больший рост и процветание Галицкого княжества при кн. Данииле Романовиче, много заботившемся о привлечении льготами разбежавшихся после погрома жителей. На этого князя русская земля обращала взоры, как на оплот против татар. И действительно Даниил Романович готовил удар татарам, для чего вел переговоры с папой о крестовом походе, заключил союз с Литвой и укреплял города. Осуществить, однако, свою мечту ему не удалось и, по требованию татарского баскака, Даниил Романович принужден был разрушить собственные укрепления. Галицкое княжество оказалось не в силах бороться с татарами главным образом вследствие внутреннего разлада, который делал княжество непрочным. Во главе его стояла

группа сильных бояр-землевладельцев, враждовавших между собою и подтачивавших княжескую власть. Независимость же бояр в Галицкой земле объяснялась тем, что здесь они были боярами княжества, а не князей, так как последние, в качестве «изгоев», не участвовали в княжеских передвижениях по ступеням удельного порядка.

Непосильную для Галицкой земли задачу освобождения юго-западной Руси от татарского владычества с большим успехом выполнило соседнее с ней Литовско-Русское государство. Объединив часть русских земель, тяготевших прежде к Киеву, и в союзе с Польшей поглотив Галицко-Волынское княжество, Литва во второй половине XIV в. перешла в наступление против татар и успешно вытесняла их из заднепровских южных степей.

В 1362 г. Ольгерд разбил трех подольских татарских князей, после чего, остатки татар, частью ушли в Крым и за Дунай (в Добруджу), частью подчинились Литве. Литовско-русские князья расширили свои владения до Черного моря, включая, правый берег Днестра, и до Днепра и, пользуясь ослаблением Золотой Орды, подчинили себе ногайских кочевников. По свидетельству грека Халкокондилы, ногайцы в XV в. платили литовцам дань за право пастбы и кочевья и несли военную службу, за что им был уступлен г. Очаков. О подчинении татар литовцам свидетельствует также русская летопись, повествуя, что при осаде Пскова в 1426 г. с Витовтом были и «татарове его».

Не ограничиваясь указанными пределами, литовские князья пытались распространить свои владения и на Крым, куда предпринимали неоднократно походы, надеясь на поддержку дружественных им крымских беев. Так, в 1397 г. Ольгерд разграбил Херсонес; затем, по словам польского историка Михаила Литвина, в северных степях Таврической губ. видны были шанцы, курганы, колодцы, мосты, перекопы

(рвы) и остатки укреплений, называемые Гедиминовыми и Витовтовыми которые позднее были разрушены во время смут.

Вместе с распространением литовской власти на значительную часть южно-русских земель вновь возрождались здесь оседлая культурная жизнь; край быстро заселялся, возобновлялись прежние русские города и строились новые. Так, в списке замков после смерти Витовта в 1430 г. указаны Соколец (г. Вознесенск Елисаветградского у.), Черный Город (Очаков), Качукленов (Гаджибей-Одесса) и Маяк-Каравул (Маяки в лимане Днестра). Затем в «Книге Большого Чертежа», списанного с древнего оригинала в XVI в., значится на Днестре город Нарока (в 130 верстах от устья), град Орыга (Оргеев), град Тегиня (Бендеры), град Туборча (ныне с. Чобруча на Днестре Аккерманского у.). Эти же города с несколько измененными названиями встречаются позднее на карте Польши XVI в. Вячеслава Гродецкого, где кроме них еще названы Устья (близ с. Городешты на Днестре Оргеевского у. или около Вад-Рашкова Сороцкого у.) и Белгород. Из укреплений против татарских набегов, воздвигнутых после Витовта, известны также Чапчаклей или Балыклей при впадении р. Чичиклеи в Буг, близ нынешнего местечка Покровского, поселки на берегу р. Синюхи и в порожистой части р. Буга. На Днепре, согласно Михаилу Литвину, были следующие литовские замки: Гебердиев Рог (Колеберда Кременчугского у. Полтавской губ.), Миссурим (Мишури Рог Верхнеднепровского у.), Кочкос (Кичкасы Екатеринославского у.), Тавань (некогда крепость Эски-Тавань напротив с. Тягинки). В этих укреплениях и замках содержались гарнизоны против татар и ногаев и для защиты караванной торговли, которая стала теперь успешно развиваться. Из Подолии сплавляли хлеб по Днестру до Белгорода. В 1415 г. несколько кораблей с

хлебом из Гаджибея спасли от голода Константинополь, окрестности которого были опустошены турками. Успешно развивалась также и генуэзская торговля вдоль Черного моря; в Аккермане, Бендерах и Сороках жили генуэзцы. Степь пересекалась караванными дорогами, из которых главной был так называемый Королевский шлях, направлявшийся из Подолии по Тилигулу, пересекавший Буг, затем Днепр у Таванского перевоза, а отсюда через Перекоп шедший в Крым. У Таванского перевоза находилась Витовтова баня (каменная таможня), содержащая пополам литовцами и перекопскими татарами, где собиралась с купцов пошлина.

По мере очищения южнорусских степей от татар и по упрочению безопасности под прикрытием литовских князей заселялись и соседние придунайские земли. Сюда с половины XIII в. стали возвращаться бежавшие из Трансильвании от гнета мадьяр и распространения немецкого католичества племена романизированных гетодакийцев – румын, некогда выселившиеся под давлением готов за Карпаты, где они сумели сохранить свою народность и православие. Новые поселенцы образовали два господарства (княжества) – Валахию, находившуюся первоначально в ленной зависимости от Венгрии, и Молдавию, зависевшую от Польши. До конца XIV в. пределы Молдавии простирались только до Прута, на территории же нынешней Бессарабской губ., в северо-восточной ее части жили русины, т. е. малороссы, сохранившие и доныне численное преобладание в Хотинском у., а в юго-восточной части кочевали татары и куманы, которым еще в 1331 г. принадлежал Белгород (Аккерман). С конца же XIV в. Молдавия начала распространять свое влияние и на левую сторону Прута, т. е. в пределы нашей области и при государе Александре Добром, в начале XV в., в нынешней Бессарабской губ.

существовали округа Хотинский, Сороцкий, Белецкий, Оргевский и Лопушнянский – в северной части и Бендерский, Аккерманский и Килийский – в южной.

Но возрождение юго-западных степей, затоптанных кочевыми народами, оказалось непрочным. С юга надвигалась свежая еще турецкая сила, перед которой склонялись один за другим народы Балканского полуострова, а по соседству – в Крыму слагался новый татарский центр. Татары проникли в Крым в начале XIII в. и основались здесь главным образом в степной полосе, в местности, которая по турецким источникам называлась Дешти-Кыпчак, с центром Солхат, переименованным позднее в Крым (Крым или Кырым значит ров, окоп, крепость). Что касается южной гористой и прибрежной части Крыма, то здесь в период распространения татарского владычества заняли господствующее положение генуэзцы, распространившие свои многочисленные торговые фактории вдоль берегов Черного моря. В Крыму такими торговыми центрами были Судак (иначе Сурож, Солдайя) и Кафа (на месте Феодосии). Кроме генуэзцев на южном берегу Крыма встречалось немало поселений греков, потомков малоазийских выходцев, и готов, занимавших пространство между нынешними Судак и Балаклавой. С первой половины XIII в. сюда же направилась сильная эмиграция из Малой Азии турок-сельджуков, особенно усилившаяся во второй половине столетия. Так, в это время, между прочим, перешла сюда группа турок из Добруджи, и на некоторое время Судак был отдан ханом Берке турецкому султану Иззедину.

В начале верховная власть над Крымом принадлежала Золотой Орде, и крымские татары управлялись или удельными ханами, или особыми заместителями ханов, известных у генуэзцев под именем тудунов или титанов. Что касается генуэзцев, то они долгое время сохраняли полную

самостоятельность и управлялись своими властями. Во время смут в Золотой Орде, когда претенденты на ханский престол нередко искали убежища в Крыму, генуэзцы за поддержку их получали привилегии, благодаря которым в XIV в. подчинили себе почти весь южный берег и укрепили его. Такие же привилегии получили венецианцы, основавшие здесь несколько торговых городов во второй половине XIV в.; в числе их известны *Провант* к западу от *Кафы*, гавань *Солдайская* и *Калиера* или нынешний Отуз (Феодосийского у.). Эти привилегии все же не обеспечивали итальянских колонистов от опустошительных набегов, которые татары нередко производили на их города, особенно на Судак, преследуя исключительно цели обогащения насчет богатых торговцев. Мало помалу, однако, с приливом магометанского населения с двух сторон – с севера татар и с моря – турок, господствующее положение христианских народов делалось менее прочным. Тудуны, участвовавшие сначала в генуэзском управлении лишь по вопросам, касавшимся татарских подданных, с умножением последних делались главными управителями.

В то же время, по мере разложения Золотой Орды, крепло Крымское ханство, достигшее, наконец, независимости при династии Гиреев. Первый представитель этой династии Хаджи-Герай, или иначе Давлет-Бирды, возведенный в 1433 г. крымскими беями и мурзами на ханство при поддержке Литвы и Польши, удачно воевал с ханом Золотой Орды Махмудом. Готовясь нанести ему решительный удар, он занялся организацией военных сил, с каковой целью переселил в Крым воинственных черкесов. Внутри ханства Хаджи-Герай распоряжался вполне независимо и обложил данью генуэзцев. При нем столица ханства была перенесена в Бахчисарай. Преемник его Менгли-Гирей; добившийся ханского престола после упорной борьбы с

братом Нур-Давлетом, явился главным создателем могущества Крымского ханства. Недостаток внутренних сил для этой задачи был восполнен союзом с турками, которые после завоевания Константинополя в 1453 г. не прекращали своих набегов на Крым, а в 1475 г. в союзе с Менгли-Гиреем взяли Кафу, где перерезали генуэзское население и вытеснили итальянских торговцев из Крыма, обратив южный берег в турецкую провинцию. С тех пор ханство становилось в вассальное отношение к Турции, и ханы назначались султаном. В союзе с Москвой Менгли-Гирей предпринял поход на Золотую Орду и после разорения Сарая упорно продолжал борьбу с ханом Ахматом, в 1502 г. окончательно сокрушив ханство Кипчакское. Не довольствуясь военными успехами, Менгли-Гирей проявил себя в качестве крупного реформатора внутреннего строя ханства. Строй этот претерпевал тогда сильные изменения по мере перехода татар от кочевого к оседлому быту и развития среди них государственности.

Во главе населения стояли семь знатнейших родов беев (князей), родоначальники которых положили основание «крымскому юрту», переселившись со своими ордами из Золотой Орды в Крым. В порядке своего могущества они распределялись так: *ширины*, *мансуры*, *барыни*, *сиджиуты* и *аргины*, а во второй линии еще *кипчакские* и *яшлавские*. Каждый род имел обширный *бейлык* (княжество), свою столицу и свой двор. В своем бейлыке беи считались неограниченными властелинами, в руках которых сосредоточивалась административная и судебная власть; последняя санкционировалась особой грамотой от кади-аскера (государственного судьи). По смерти бея его власть наследовалась в порядке родового начала старшим сыном – *калгою*, затем вторым сыном – *нурэддином*, и только по смерти всех братьев переходила к старшему внуку. Остальные

члены фамилии, жившие в пределах *бейлыка*, как то прямые или побочные потомки родоначальника, представляли собою дворянство – *эмир-заде*, искаженное в мурза, мирза. Низшее дворянство *капыкуль* (рабы у дверей) формировалось из случайных, пожалованных лиц, в большинстве случаев происходивших из янычар. Духовное и оно же ученое сословие – *улемы*, в руках которого сосредоточивались религиозные дела, образование народа, составление и редактирование законов, состояло из четырех фамилий; каждая из них владела земельною собственностью и монастырем, настоятелем которого – шейхом был старший в роде. Во главе всего духовенства стоял *муфтий*, занимавший в ханстве второе место после хана; остальными духовными должностями были *имамы*, *муллы* и *муэзины*.

Простой народ, юридически свободный, находился в сильном экономическом порабощении у крупных землевладельцев, тем более тяжелом, что сами собственники не занимались земельным хозяйством, но сдавали земли на откуп. Каждый бей получал от хана, и в свою очередь выдавал своим мурзам особый ярлык, где были установлены размеры повинностей, как-то известное число рабочих дней данного аула, пошлины за водопой и т. п. За обработку земли, кроме тех случаев, когда она производилась пленными рабами, беи и мурзы получали целый ряд налогов, а именно *ушур* – десятина со всех продуктов, *зекстат* – 5% от доходов со скота и птицы и *питир*, значение которого не выяснено. Кроме того, все подданные обязывались до восьми дней в год заниматься выволочкою соли из озер, рубкою леса, обработкою садов и т. д. Весьма распространена была также работа за угощение – *талака* (русское «толока»).

Особое среднее сословие между дворянством и простым народом составляли ремесленники и промышленники.

Они делились на цехи; каждый цех имел столько артелей, сколько было отраслей производства.

Верховная власть сосредоточивалась в руках хана, утверждаемого турецким султаном, что в глазах магометанского населения особенно возвышало его, как ставленника халифа. Власть его, однако, была сильно ограничена беями, зависимость которых от него выражалась только в доставке определенного количества войска во время войны и в несении некоторой части военных расходов. Доходы хана, кроме земельных, состояли из пенсии, получаемой им от Турции, таможенного и соляного сборов, известной суммы, поступавшей от *гатмана* (коменданта) *Дубосар*, от правителей *Буджака* и *Каушан* (Бендерского у.) и от ногайских сераскиров (князей). Весьма существенным источником доходов, как ханов, так и всех служилых людей, кончая даже садовником и поваром, были подарки, поминки, род обязательных откупов, платимых соседними государствами Россией и Польшей во избежание татарских набегов.

Наряду с ханом верховная власть принадлежала *дивану* (род государственного совета), состоявшему из *хана*, *калги*, *нурэддина*, *муфтия*, представителей пяти родов *беев*, *сераскиров*, трех ногайских орд, *кади-аскера* (государственного судьи), *казнадар-баши* (государственного казначея), *дефтердар-баши* (государственного контролера) и других чиновников. В диване были сосредоточены вопросы управления, объявления войны, а равным образом здесь была и верхняя инстанция суда.

В каждом судебном округе – *кадылык* – правосудие отправлялось кадиями, утверждавшимися особыми грамотами от *кади-аскера*. Такие же грамоты получали и беи, что делало их судьями в их бейлыке. Хан назначал кадиев в своем кадылыке, равно как турецкий султан в четырех своих – *Кафа*, *Судак*, *Мангун* и *Ени-Кале*. У дворянства были свои

ассизные суды, равно как свои суды имело духовенство, как магометанское, так и иноверческое. Наконец в городах судили городские судьи – *шегер-кади*, назначаемые кади-аскером с его представителем *наибом* в качестве помощника. Наичаще применяемым наказанием были месть родственников или пеня.

Главным занятием населения было сначала скотоводство. С переходом к оседлому быту в степной полосе Крыма стало развиваться также земледелие, охота и добыча соли, а в южной части полуострова еще виноградарство, плодоводство, табаководство, шелководство и пчеловодство. Обрабатывающая промышленность была развита слабо; наибольшее экономическое значение имела обработка кожи и выделка оружия. Предметами ввоза служили всевозможные материи, золотые вещи и драгоценные металлы; главную же статью вывоза составляли рабы, центром торговли которыми была *Кафа*, где сосредоточивалось обыкновенно до 30 тысяч рабов. Из других торговых центров известны *Бахчисарай*, *Гезлев*, *Карасу-Базар*, *Перекоп*, *Арабат*, *Керчь*, *Акмеч* и *Балаклава*.

Утвердившись в Крыму и почерпнув новые силы в союзе с турками, татары своими набегами непрерывно тревожили Литву с Польшей и Московское государство, уводили население в рабство, вымогали подарки, добивались особых льгот и освобождения от торговых пошлин (напр., при Василии III от платы тамги). Татарские наезды, от которых вновь пустела и разорялась степная полоса нашей области, расчищали путь для наступления турок. В конце XIV в. Турция подчинила на вассальных отношениях Валахию, а в 1511 г. после долгого сопротивления подпала под турецкое верховенство и Молдавия. Обоим государствам, однако, удалось сохранить свое политическое устройство, своих господарей и религию; зависимость их

от Турции выражалась главным образом лишь в уплате дани. В начале XVI в. турки утвердились уже на территории Бессарабской губ.; в юго-западной части ее, в так называемом *Буджаке* (угле) у них были крепости *Бендеры*, *Аккерман* и *Измаил*, а в северо-восточной, составлявшей турецкую райю (провинцию), – крепость *Хотин*. Последняя часть Бессарабии *Царадесус* (Верхняя земля), заселенная румынами, была нередко ареною столкновений между поляками, считавшими себя наследниками галицких князей, молдаванами, татарами и турками. Менее чем в одно столетие турки расширили свои владения и дальше – до р. Буга.

С не меньшим успехом действовали против Польши татары. С половины XV в. они утвердились на берегу Днепра, где основали крепость *Казыкермен* на месте Берислава и *Джанкермен* (на левом берегу р. Конки, где ныне местечко Каховка) к 1491 г. относится основание крепости *Тягини* (нынешняя Тягинка Херсонского у.), а в половине XVI в. были известны еще замок *Бургун* (ныне дер. Бургунка Херсонского у.) и крепость *Ислам-Кермен*, по книге Большого Чертежа – *Усламовы городки* (на левом берегу Днепра, вероятно у Любимовки Днепровского у. Таврической губ.). В херсонской степи к татарам перешли Очаков и Гаджибей в середине XVI в. Оба эти города, по словам Мартина Броневского, польского дипломата, проезжавшего в 1578 г. в Крым, лежали в развалинах. К концу XVI в. поляки потеряли уже все свои приобретения на Черном море и в первой половине XVI в. южными оплотами от татарских набегов у поляков были укрепления в устье речки Саврони, впадающей в Буг (Ольгопольского у. Подольской губ.), и *Крылов* на р. *Тясмины* (Чигиринского у. Киевской губ.).

Степи Южной России, по мере очищения их от польско-русского населения, переходили в руки кочевавших здесь ногайских племен, ветви малого ногая, пополнявшихся

постоянным приливом ногайцев из-за Волги под напором калмыков и казаков. Так в 1560 г. ногайцы в числе 30.000 человек опустошили северную Бессарабию и утвердились в южной, именно в Буджаке, получив название *Белгородской* орды. Между Днестром и Днепром расположилась *Эдисанская* орда, а в северных уездах Таврической губ. и отчасти в Екатеринославской губ. — *Джамбулукская* и *Эдичкульская* и, наконец, в бывшем Таганрогском градоначальстве — *Азовская* орда. Из этих орд, подчинявшихся крымскому хану, впервые выделилась группа своеобразных партизанских конных отрядов, известных под именем казаков; так, в XV в. упоминаются казаки азовские, перекопские и белгородские.

Польское королевство, находившееся тогда в периоде упадка и разложения, было не в силах активно бороться с надвигавшимися с юга магометанскими народами. Безуспешно пыталось оно создать род живого барьера, колонизуя пограничные земли бродячим населением и раздавая эти пустые земли огромными участками в собственность магнатов. Несколько успешнее шло заселение края только в окрестностях городов, которые здесь появлялись раньше сел. Вследствие слабых успехов колонизации, оборона границ государства была поставлена в своеобразные условия, вполне отвечавшая характеру нападений. Легкоподвижные конные отряды татар вызвали к жизни такие — же отряды и на окраинах Польского королевства, получившие татарское имя казаков. В состав казаков входило множество недовольных элементов Польского государства, бежавших массой «козаковать» по мере усиления религиозных преследований православного населения и закрепощения крестьян.

Ядро быстро растущего малорусского казачества составляла своеобразная община — *Запорожская Сечь* (*Сичь*) или *Кош*, местопребывание которой, неоднократно (восемь

раз) менявшееся, находилось в пределах нашей области. Наибольшею известностью пользовались сечи на остр. *Хортице*, в Днепровских порогах, затем при впадении р. *Базавлука*, в устье р. *Чертомлыка*, в Днепровских порогах против дер. Капиловки почти на границе Екатеринославской и Херсонской губ.

Пробираясь вооруженными отрядами далеко в степи с целью эксплуатации их естественных богатств и особенно привлекаемые реками, изобиловавшими рыбою, казаки к середине XVI в. присвоили себе обширную область в пределах от р. Орели и г. Чигирина до татарских кочевьев с севера на юг и с запада на восток — от притока Буга Синюхи до р. Волчьей и даже дальше, почти до Азовского моря. Вся эта область была поделена на паланки и застроена сторожевыми засадами от татарских наездов. Отсюда на своих ладьях запорожские казаки пробирались мимо Кинбурна и Очакова в Черное море и опустошали турецкие владения, а всего чаще Крым. Чтобы помешать их набегам, турки перегородили устье Днепра цепями и галерами, но казаки обходили это место волоком, а возвращались по р. Миусу. Вполне понимая значение казачьих успехов, Стефан Баторий в 1576 г. особою грамотою на имя гетмана Якова Богданка и кошевого запорожца Павлука пожаловал им все означенные земли.

Подобно Литовско-Польскому и Московское государство сильно страдало от разорительных татарских набегов, особенно частых в течение XVI в., когда татары нередко доходили до самой Москвы, выжигая все по пути и увозя множество пленных для продажи их в Кафе евреям. Южная окраина Московского государства жила таким образом в постоянном страхе и ожидании татарского погрома. Неудивительно поэтому, что правительство, несмотря на все старания, не могло привлечь сюда населения. В XIV в. запустение доходило до верховьев Дона, выше впадения Сосны и Мечи.

В 1521 г., как ясно из наказа в. кн. Василия Ивановича послу Губину, отправленному к турецкому султану, пространство от Азова до Медведицы вовсе не было заселено русским легальным населением, если не считать начавшего проникать сюда из рязанских земель вольного казачества, не признававшего московской власти, относительно истребления которого существовал еще строгий наказ Ивана III в. кн. рязанской Агриппине. Москва предлагала устроить станы для переговоров с турками по Хопру и Медведице на местах, ближайших к русским украинным городам и сторожкам верховьев Дона, где были поселены родовые казаки (т. е. легальные, доставшиеся Москве еще от Рязанского княжества) после завоевания Казанского и Астраханского царств и принятия большими ногаями, жившими на восток от Волги, подданства Москве, русские владения формально захватывали все Поволжье; после же образования общины терского казачества и особенно с постройкой крепости *Терки* (1567 г.) владение Москвы простиралось на территорию нынешнего Северного Кавказа.

Однако весь очерченный край за исключением больших речных долин фактически был еще в руках кочевых народов, с одной стороны – остатков Золотой Орды, а с другой – новых передовых отрядов крымских татар. С усилением крымской орды ее кочевья распространились почти по всему Миусскому округу и дальше по Донцу. Следы этих кочевьев считают между прочим валы, рвы, крепостцу и развалины жилищ с правой стороны Донца выше *Каменской* станицы при балке *Рыгиной* (Донецкого округа).

С другой стороны подобно польско-литовским и московские окраины выделяли группу недовольных элементов, искавших в степях приключений и легкой наживы и одинаково опасных соседей как для татар, так и для мирных подданных Московского государства. В 1538 г. ногайский

мирза Кельмагмед жаловался Ивану Грозному на их грабежи, в ответ на что царь отвечал: «казанцы, азовцы, крымцы и иные – баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят, и те люди – как вам тати, так и нам тати и разбойники». К середине XVI в. эти выходцы в нижнем течении Дона уже окончательно сформировали своеобразную общину, о деятельности которой князь ногайский Юсуф писал царю: «холопы твои, некто Сарыязман словет на Дону, в трех и четырех местах города поделали». Иван Грозный однако еще мог отвечать с полным правом: «те разбойники живут на Дону без нашего ведома и от нас бегают». Это и понятно, так как московская правительственная колонизация находилась еще слишком далеко в то время, именно близ Тульской укрепленной черты, и открыто принимать сторону таких отдаленных вольных колонистов было еще преждевременно. Затем в 1551 г. турецкий султан просил ногайского князя унять донских казаков, которые «с Азова оброк емлют и воды на Дону пить не дают».

Первые поселения казаков, о которых упоминалось в приведенных жалобах, были сосредоточены по низовьям Дона между Черкасской и Цымлянкой станицами, т. е. были отделены большими промежутками от непосредственных московских владений, так как вольное казачество пока еще опасалось преследований со стороны московского правительства, действуя исключительно на свой страх и риск; но уже в конце XVI в. казачьи городки и зимовища были рассеяны сплошной лентой на протяжении 800 верст, от устья р. *Хопра* до р. *Аксая*, и несколько городков встречалось по р. *Донцу*.

По мере усиления налогового гнета и ухудшения положения крестьян, а также после разорения русской земли во время смут междоусобицы прилив на Дон беглецов из

пределов Московского государства чрезвычайно усилился, отчасти пополняясь и выходцами из Малороссии. Наконец в 1667 г. сюда бежали раскольники, основавшие свои скиты по верховьям *Дона, Хопру, Медведице, Бузулуку и Донцу*.

О необыкновенном росте казачьего населения в течение XVII в. можно судить по тому, что в середине этого столетия по Донцу, Хопру, Медведице и *Жеребицу* насчитывалось около 30 городков, а к концу столетия – до 125, причем они составляли 11 станиц. Все казачье население распадалось на две группы – верховых и низовых казаков, границей обитания которых служил Цымлянский городок.

С ростом казачьего населения принимала законченные формы донская казачья община, в силу этнографических особенностей великоруссов значительно отличавшаяся от Запорожской Сечи малоруссов. Управление и суд были сосредоточены в войсковом круге, в состав которого входило все казачье взрослое мужское население, находившееся в данный момент в главном казачьем городке – «*Главном войске*». Для разрешения же особенно важных дел ожидали обыкновенно прибытия казаков и из других мест. С умножением населения и отдельные городки получили свои станичные круги, где решались местные дела. Главными городками войска донского в течение XVI в. были *Раздоры* (станция *Раздорская*), а с 1622 г. – *Монастырский городок* (в 6 вер. ниже Черкаска на Дону); с 1637 по 1643 г. управление сосредоточивалось в *Азове*, который казаки отняли на время у турок; а с 1643 по 1645 г. – на Махином острове (на левом берегу Дона в 5 вер. от *Ольгинской* станицы) и наконец, с 1645 г. – в *Черкасском городке* или *Черкасске* (ныне станция *Старо-Черкасская*).

Исполнительными органами были *атаман* и *войсковый есаул*, избираемые ежегодно; делопроизводством заведывал *войсковой дьяк*. В походах избирали особого походного

атамана. Войско делилось на сотни и полусотни и находилось под начальством *полковников, хорунжих, сотников и пятидесятников*. Духовенство у казаков сначала было выборное, но с 1689 г., после раскольничьего восстания было заменено назначаемым, подчиненным воронежскому епископу.

Главным своим занятием казаки считали походы. Низовые казаки на своих легких ладьях обыкновенно спускались по Дону, нападали на турецкую крепость в его устье Азов, затем опустошали Крым и турецкие города по берегам Черного моря. Верховые казаки предпочитали совершать свои разъезды по Волге, нередко разбивали торговые караваны, не разбирая своих и чужих, затем по Каспийскому морю добирались до берегов Персии, которые и грабили. По возвращении из походов казаки «дуванили» весь «дуван» (т. е. делили добычу) поровну.

В мирное время главным занятием казаков были рыбная ловля и охота; хлебопашества сначала не было; когда же оно стало развиваться преимущественно среди верхового казачества, оно было строго запрещено. Так, грамота войскового круга, посланная к хоперским и усть-медведицким городкам, запрещала пахать землю и сеять хлеб, за что «бить до смерти и грабить». Это было вызвано вероятно теми соображениями, что верховые казаки, как более защищенные от нападений кочевников, занявшись земледелием, легко расказачатся, подпадут окончательно под московскую власть и уменьшат таким образом численность казачьего войска. В низовьях Дона не было надобности в таком запрещении, так как здесь казачье население само традиционно гнушалось земледелием и землю сдавало для обработки беглым крепостным, которых сманивали особые промышленники и которые поступали таким образом в батраки к казакам. Зато здесь довольно значительные успехи

делала торговля рыбой, турецкими и татарскими товарами, как скупленными, так и наичаще награбленными. Насколько казаки дорожили торговыми рынками, видно из челобитной к царю Михаилу Федоровичу на право свободной и беспопытливой торговли во всех украинских городах.

При обилии земель во время образования казачьей общины ими пользовались на правах первого захвата, заимки огромных «юртов», но вследствие сильного прилива населения уже к концу XVII в. казакам показалось тесно, и начались земельные споры. Войско принуждено было выдавать разводные грамоты, разверстывая леса, луга и озера, остальные же земли оставляло в общем пользовании. Описанная организация казачества в начале обеспечивала равенство среди казаков. С усилением же прилива нового, свежего элемента все более резко вырисовывались два типа казаков – домовитых, старых насельников Дона, успевших обзавестись своим хозяйством и потому представлявших опору порядка, и голутвенных (голытьбы), прибывавших на Дон с верховьев позднее, когда условия для расселения были уже менее благоприятными. Из голытьбы вербовались так называемые воровские казаки, – беспокойный элемент, разбивавший караваны на Волге и легко примыкавший ко всяким восстаниям в поисках богатства и удачи. Так, в смутное время они приставали ко всем самозванцам, а позднее поддерживали Стеньку Разина. Впрочем при удачном направлении этих сил и они оказывались полезными; так, напр., воровские казаки покорили Ивану Грозному Сибирское царство. Среди голутвенных же казаков имел особенный успех с XVII в. план восстановления старой веры. С этой целью казаки со старшинами Самойлой Лаврентьевым и Киреем Матвеевым вели переговоры с яицкими казаками. Восстание однако, не успевшее принять слишком значительных размеров благодаря доносу другой части казаков,

было подавлено царскими войсками, взявшими городок на Медведице, в котором заперлись раскольники. После усмирения мятежа часть недовольных казаков бежала на Куму, откуда перебралась на Кубань и Терек.

Московское правительство, вполне оценив пользу казачества, как живой стены, защищавшей его владения от татарских набегов, с начала XVII в., после смутного времени совершенно открыто и весьма охотно поддерживало их, посылало им жалованье и сплавило по Дону для них ежегодно массу хлеба, различные припасы и порох. Правительственная колонизация была теперь уже у Белгородской укрепленной черты, и поддерживать казаков в качестве степных аванпостов было весьма своевременно и удобно. На ряд настоятельных требований со стороны турецкого султана и крымского хана – «унять казаков», «свести казаков с Дона», Москва отговаривалась обыкновенно самовольством и непокорностью казаков, невозможностью унять их за дальностью расстояния (хотя это расстояние и быстро уменьшалось). В некоторых однако случаях, когда грабежи казаков слишком мешали договорным соглашениям Москвы с турецким султаном, правительство посылало к казакам запрещение грабить Азов и Крым, а в 1630 г. даже произошел разрыв на два года между Москвой и Доном. Казаки убили московского посла Ивана Карамышева, вследствие чего царь прислал им опальную грамоту и патриаршее отлучение от церкви.

По мере подчинения казаков Москве сношения между обеими сторонами делались более постоянными и правильными. Казаки считались как бы на службе у Московского государства, обязывались оборонять границы и главное – наблюдать за передвижениями татар и своевременно извещать об этом. В посольский приказ, в ведение которого с 1623 г. были переданы казачьи дела, посылали легкие

станции из атамана, есаула и десяти рядовых казаков с «войсковыми отписями о разных пограничных вестях». С 1672 г. отправлялись только два казака, доезжавшие летом до Воронежа, а зимой до Валук. Раз в году в Москву посылалась станица зимовая с войсковой челобитной, чтобы царь пожаловал «своих холопей царским великим жалованьем денежным и сукны и селитры и свинцом и запасом». Весною из московских владений спускали по Дону барки с просимыми припасами, которые делились поровну.

Пользуясь прикрытием как донских, так и малорусских казаков, правительство успешно проводило свои линии укреплений, посылало на границы со степью полки, благодаря чему край делался безопаснее и колонизовался сначала принудительно, а потом и добровольно, по мере его замирения. Вольная колонизация особенно двинулась при Алексее Михайловиче благодаря массовому переселению в пределы нынешних Полтавской и Харьковской губерний малороссов, бежавших из Польской Украины. Процесс этот завершился присоединением Малороссии в 1653 г.; вместе с тем к России переходили верховные права на земли, которые малороссийские казаки считали своими, опираясь как на давность захвата, так и на санкцию его жалованной грамотой Стефана Батория. Пределы же своих владений они считалиходящими на восток до устья Дона и на западе до р. Синюхи, притока Буга.

Сильные успехи колонизации и укрепление границ хотя и делали Московские владения более безопасными от татарских набегов, все же не позволяли еще начинать активную, наступательную войну с крымцами. Не рискуя вести свои недостаточно подготовленный для степной борьбы войска через безводные пространства, правительство лишь в исключительных случаях посылало свои отряды на помощь казакам. К таким случаям, напр., относится поход в 1556 г.

дьяка Ржевского с запорожцами, когда русские взяли Очаков и отбили от татар; затем в 1558 г. они вновь опустошили окрестности Очакова и захватили два турецких корабля. Для успешной борьбы с татарами правительство имело в своем распоряжении настоящих детей степи – казаков, которые, живя бок о бок с кочевниками, прекрасно изучили все их слабые стороны и потому успешно несли сторожевую службу и нередко привлекались для отвлечения крымцев во время войн России с Турцией. Вообще же, получая от Москвы только материальную поддержку в виде жалованья, боевых и съестных припасов, казаки во всем пользовались почти полной свободой действий и действовали обыкновенно на свой риск и страх. В 1636 г. они взяли Азов и, утвердившись в нем, владели им до 1643 г. Недостаток в людях заставил их обратиться к Москве с просьбой взять Азов под свое покровительство. Не считая себя в силах удержать эту крепость, земский собор в Москве отклонил это предложение, и Азов был возвращен. Турки воспользовались сильным истощением и обезлюдением донских казаков, укрепили Азов, сожгли казачьи городки *Маныч*, *Яр*, *Черкасск*, оттеснив казаков в *Раздоры*, и построили под Азовом две башни, перегородив реку между ними цепями. Казаки вскоре восстановили разрушенные города и прокопали обходный «ерик», которым по прежнему спускались для разбоев в море. Однако недостаток в ратных людях заставил их просить помощи у Москвы. Им были посланы в помощь стрельцы и вольные люди, и это позволило московскому правительству утвердить здесь окончательно свою власть и вскоре начать активную борьбу с татарами, чему с другой стороны способствовали усобицы в крымском ханстве и сильное ослабление Османской Порты, с трудом отстаивавшей тогда свое положение в Европе.

Первая, хотя и неудачная попытка наступления была сделана при правительнице Софии Алексеевне во время

войны с Турцией в союзе с Австрией, Польшей и Венецией. А именно князь Голицын с гетманом Самойловичем, а в другой раз с гетманом Мазепой предпринял два похода в Крым, окончившихся полной неудачей вследствие трудности перехода через безводные степи, к тому же выжженные перед тем татарами.

Война с большим успехом продолжалась Петром Великим, который вел наступление с двух сторон. В 1695 г. боярин Б. П. Шереметев с гетманом Мазепой взяли *Кизикермен* и *Туган*, после чего татары добровольно покинули еще две крепости, больше не возобновлявшаяся. С другой стороны в 1695–96 г. Петр Великий с донскими казаками осаждал *Азов* и взял его при помощи флота, спешно выстроенного в Воронеже. Гаванью для 52 построенных кораблей была избрана заложная Петром крепость Троицкая, что на Таган-Роге (рог значит мыс) на Азовском море, за которой сохранилось название Таганрог. Кроме нее была построена еще крепость *Павловск* на р. *Миусе*.

В виду необходимости вести войну со Швецией Петру Великому не удалось довести дело до конца и пришлось согласиться на перемирие, заключенное в 1700 г., на основании которого побережья Азовского моря с Азовом и Таганрогом, так называемая «барьерная земля», остались за Россией. Обеим сторонам запрещалось строить крепости от р. Миуса до Перекопа и по Днепру от Очакова до Сечи Запорожской, бывшей тогда на устье р. *Чертомлыка*. Петр Великий ограничился постройкой выше Сечи крепости *Каменного Затона* и укреплением городов в «барьерной земле». Важным результатом войны было также окончательное прекращение ежегодных «поминок», т. е. откупов крымскому хану. В 1705 г. был размежеван «старый казачий рубеж с турецким государством, от короля польского учиненный». Согласно межевой записи «початок границы

от польских концов» определен от впадения р. Подыми в Буг, где сходились владения Турции, Польши и России. Отсюда граница шла «вниз рекой Бугом до р. *Ташлыка* (*Черный Ташлык*), полем поперек реки *Мертвой* (*Мертвые Воды*), через *Еланец*, через *Великий Ингул*, полем до р. *Исуни* (*Высунь*), через нее до р. *Малого Ингульца*, через него по Беке-неевскому броду, который от *Кизикерменных* пустых мест в 10 часах, от брода до устья р. *Каменки*, где она впадает в Днепр. От Кизикерменских пустых мест до того места 4 мили и там кончается граница». За Россией таким образом утверждались нынешние уезды Елисаветградский, Александровский и значительная часть Херсонского.

Расширение пределов государства шло об руку с сильным заселением окраин. От невыносимых налогов и крепостной зависимости беглецы толпами уходили в сравнительно слабо заселенный земли, занятые донскими казаками, владения которых к началу XVIII в. захватывали пределы, соответствующие Воронежской губернии по Дону, Харьковской и Екатеринославской – по Донцу с притоками. Казаки оказались окруженными и с северо-запада, откуда широкой волной приливали беглецы из Московского государства, и с запада – соседними «слободскими» (т. е. малорусскими) полками – Острогожским, Бахмутским и Изюмским. Беглецы приносили с собою более интенсивную земледельческую культуру, с которой нелегко могли сжиться привыкшие к простору донские казаки; слободские же полки сталкивались с ними на р. *Бахмутке* из-за соляных варниц. Все это в достаточной степени вызывало брожение и недовольство казаков и подготовляло благодарную почву для восстания. Ближайшим же поводом для него было издание в 1682 г. указа, запрещавшего (подобно тому, как было и при Иване III) принимать беглецов на Дон, устройство на границе нынешних Воронежской губернии и области войска Донского

заставы и присылка на Дон чиновников для переписи населения в казачьих городках и высылки бежавших туда после указа.

В 1708 г. вспыхнуло восстание под предводительством атамана Кондратия Булавина, принявшее небывалые размеры после первых успехов восставших. Подавить этот бунт удалось лишь с большим трудом, несмотря на весьма крутые меры, принятые правительством. Кн. Долгоруков, усмиравший восстание, получил приказание «взять Черкасск, казачьи городки, лежащие на Дону, но Донецкого не трогать, остальные по Медведице, Хопру, Бузулуку и Иловле сжечь и разорить до основания, людей рубить, а заводчиков (зачинщиков) сажать на кол и колесовать». После подавления восстания часть мятежников-казаков с Игнатом Некрасовым во главе ушла под покровительство крымского хана на р. Куму, откуда вместе с кубанцами производила набеги на Дон. После же взятия русскими Анапы, при имп. Анне Иоановне, некрасовцы переселились в Турцию, в устья Дуная. Часть земель по Донцу, принадлежавших донским казакам, вошла в состав вновь образованной Бахмутской провинции.

Затем земли по р. Айдару (восточная часть Старобельского у.) были отданы Острогожскому слободскому полку, а верховья Хопра отошли к Воронежской губ. Правительство не упустило случая наложить свою руку и на внутреннюю жизнь казачества. Начиная с Петра Великого принимались меры для создания среди казачьего населения, еще сохранившего однородность состава, особого привилегированного слоя, и с этой целью возвышалось значение старшины. Из советников атамана, облеченных только исполнительною властью и выбираемых из всех слоев населения, члены старшины с половины XVIII в. превращались в особое сословие, сначала чиновников, а позднее уравнивались с дворянами.

Считая задачу доведения России до ее естественных границ лишь временно отложенной, Петр Великий с прекращением шведской войны стал готовить решительный план наступления на Турцию. С этой целью он заключил в Луцке договор с господарем молдаванским Дмитрием Кантемиром, на основании которого последний обязывался помогать войском и привести к присяге царю свой народ, за что царь обещал восстановить Молдавию в ее древних границах под верховенством России и властью Кантемира. К союзу был привлечен также и валахский господарь, не исполнивший однако своих обязательств. Неудача Прутского похода разрушила этот план. Кантемир должен был бежать в Россию, и положение Молдавии сильно ухудшилось. Россия потеряла все приобретения на Азовском море и должна была срыть три крепости и Каменный Затон. В то же время местности по Днепру потеряли значительную часть населения с уходом запорожцев. После разорения Сечи на Чертомлыке во время шведской войны в предупреждение измены со стороны запорожцев последние перенесли ее ниже на р. Каменку, но и отсюда, изгнанные в 1711 г., перешли в подданство Турции, устроив Сечь против нынешнего г. Алешек. Вместе с их уходом Россия теряла права и на их земли, так что «Прутовая граница» или старая турецкая граница, учиненная в 1711 г., как ее описывал позднее, при Елизавете Петровне французский инженер, объезжавший этот край, начинаясь близ посада Крюкова на Днепре (Александровского у. Херсонской губ.), шла параллельно с рекою до впадения р. Орели, где переходила Днепр и тянулась в нескольких верстах от слободского рубежа, затем пересекала почти посредине нынешнюю Екатеринославскую губ. и оканчивалась у самого впадения Дона в Азовское море.

С потерей крепостей и уходом запорожцев большая часть земель Новороссии оказалась незащищенной и пустой.

Сравнительно лучше были заселены только заднепровские земли запорожцев, куда не прекращалось начавшееся еще и раньше бегство малорусов из Польской Украины и великорусов-раскольников, благодаря чему в 30-х и 40-х годах XVIII века более 20 значительных русских поселений было расположено по р. Выси, в верховьях Ингульца и по правому берегу р. Тясмина. Что же касается степей на восток от Днепра, то здесь население сильно поредело. По мысли Петра Великого, для защиты южных границ сюда поселялись военные полки ландмилиции; одним из первых был поселен гусарский полк из сербских выходцев в количестве 600 чел. близ г. Тора (Славянск Изюмского у. Харьковской губ.). При имп. Анне Ивановне в 1731–35 г. была проведена Украинская линия укреплений между Днепром и Сев. Донцом, почти на границе Екатеринославской губ. с Полтавской и Харьковской. На эту линию было поселено 20 полков ландмилиции. В низовьях Дона, на границе русских владений была заложена крепость св. Анны, впоследствии переименованная в крепость св. Дмитрия Ростовского (ныне гор. Ростов на Дону).

Успехи русского оружия вскоре вернули России все ею утраченное после прутской неудачи. После побед Миниха и Ласси, вторгшихся в Крым, по Белградскому миру России были возвращены запорожские земли, куда вновь поселены прощенные запорожцы. В 1740 г. в «Инструменте», заключенном при Великом Ингуле тайным советником Неплюевым с русской стороны и Мустафою-Беем-Селихтаром-Кятибы – с турецкой, граница показана: «от окончания польской границы (т. е. впадения р. Синюхи в Буг) вниз Бугом до Ташлыка или Великого Капора, полем и в 10 верстах от Ташлыка переходит через р. Гарбузинку, до р. Мертвые Воды, отсюда до старой мечети у р. Громоклеи, далее до р. Великого Ингула, оставляя весь лес по берегу реки державе Оттоманской,

до Бекенеевского или Белого брода (39 верст), до р. Исуня и оттуда до Малого Ингульца, в 10 милях от р. Кизикермена (Берислава) и наконец до устья р. Каменки в Днепре. К востоку от Днепра граница 1740 г. шла от р. Конских Вод по р. Мокрой Московке, по степи до р. Берды и по ней до Азовского моря, т. е. приблизительно совпадала с границей Екатеринославской и Таврической губ.

Дойдя с постройкой «Украинской линии до пределов запорожских земель, правительство продолжало колонизацию границы военными поселениями и льготами привлекало иностранцев. Так, в 1752 г. австрийский серб Хорват на основании особой привилегии поселил на правом берегу Днепра между р. Тясмином и Синюхой с Высью 16.000 сербских выходцев, из которых было сформировано два полка – гусарский хорватский и пехотный пандурский. Поселения эти названы были Новой Сербией. С 1759 г. были сформированы еще полки из мадьяр, молдаван и других выходцев из Турции и Австрии. На другом конце Украинской линии, на Лугани и Бахмуте из сербских полков Шевича и Прерадовича был образован бахмутский гусарский полк, поселения которого составили так называемую Славяносерию. Земля поселенцам была наделена поротно: рядовым – от 20 до 30 четей (четь равнялась 1.200 кв. саж.), прапорщикам – по 50, поручикам – 80 и капитанам – 100. Для защиты новозаселяемых земель были устроены шанцы и крепости, как-то Новомиргород на р. Выси, крепость св. Елисаветы (позднее Елисаветград), Орловский, позднее переименованный в Екатерининский шанц на устье р. Синюхи и др.

Что касается владений запорожцев, то они, по возвращении к России, на запад доходили до р. Буга, на восток же, сильно расширяясь, вскоре достигли р. Кальмиуса, признанной в 1746 г. границей с землею войска Донского. В указан-

ных пределах запорожские земли делились на шесть «паланок». Оседлое население жило на устье р. Каменки, куда с 1711 г. перешла Сечь, называемая на картах второй половины XVIII в. старою, затем у Запорожского Гарда (рыбный завод) на р. Буге близ Мигейских порогов, где с давних пор были запорожские «зимовники», наконец у Запорожского Поста при впадении р. Кальмиуса в Азовское море. В остальных местах постоянного населения не было, и были расположены только «зимовники» запорожцев, занимавшихся рыбной ловлею и особенно тяготевших ради этого промысла к Азовскому морю, а также пробиравшихся на Кубань, где им было запрещено селиться.

Пользуясь слабою заселенностью степи, орды крымских и ногайских татар возобновили свои набеги и при имп. Екатерине II опустошили Екатерининскую и Бахмутскую провинции, входившие в состав обширной Новороссийской губернии.

Для ограждения от татар была проведена новая Днепровская линия по границе Екатеринославской и Таврической губ. В числе крепостей этой линии значились Петровская (при посадке того же имени Мариупольского у.), затем по р. Берде – Запарыльская и Алексеевская, а по р. Конской – Кирилловская и Никитинская, остатки которых сохранились до сих пор. Вскоре однако русско-турецкие войны, окончившие вековую борьбу России с Крымом, сделали излишними и этот последний ряд крепостей в южнорусских степях. Во время первой турецкой войны 1768–1775 г. Россия подготовила присоединение Крыма, для чего гр. Панину, а потом Щербинину была поручена «неготиация, с подвластными Крыму татарскими ордами. «Препоручается вами, – писала Екатерина II Панину, – продолжая начатую с татарами обсылку и неготиацию, склонить их не к нашему подданству, но только независимости и отложению своему от турецкой власти»... и далее: «домогаясь от них принять в

некоторые их крепости нашего гарнизона и уступления нам одной морской гавани на Крымском берегу, с оставлением в наших же руках прохода из Азовского в Черное море, можете их наисильнейше удостоверить, что мы тут никаких владений не желаем и не требуем, а хотим только для их собственно всегдашней безопасности и надежности иметь крепостные прикрытия... Вы дадите татарам уразуметь, что по новым их обстоятельствам натурально так же должно быть условие и о свободной и безпрепятственной между обеими сторонами коммерции водяной и сухопутной»... Непосредственным результатом этой «неготиации» был переход во время первой турецкой войны в подданство России буджакских ногайцев, переселенных на кочевья в степь от р. Каменки до Азова, а позднее перешедших на берега Кубани, Еи и Есени.

В первой русско-турецкой войне принимали участие и румыны в надежде на освобождение их от тяжелого турецкого гнета и разорительного управления назначаемых турками господарей из греков-фанариотов (так назывались старинные греческие фамилии Константинополя, занимавшие высшие должности). По Кучук-Кайнарджийскому миру 1774 г., постановлено «почитать оную татарскую нацию (крымских, буджакских, кубанских, эдисанских, джембулукских, эдишкульских татар) в политическом и гражданском состоянии, по примеру других держав, под собственным правлением своим состоящую, ни от кого кроме единого Бога независящую».

Вместе с тем к России отходили турецкие крепости Кинбурн, Керчь, Еникале, а также был открыт свободный путь по Днепру и Дону в Черное море. Румыны, принимавшие участие в войне, получали амнистию, а равным образом подтверждалась свобода их вероисповедания. Кроме того Порта допустила ходатайство России по делам молдаванским.

Между тем в Крыму дипломатия способствовала созданию сильной русской партии, которая избрала ханом Саиб-Шагин-Гирея. Порта со своей стороны возвела ханом Девлет-Гирея, почему Шагин-Гирей должен был бежать и был восстановлен уже при помощи русских войск Суворова и кн. Прозоровского. Во время усобиц, возникших среди татар, Потемкин склонил Шагин-Гирея отказаться от ханства в пользу России, за что ему была обещана ежегодная пенсия в 200.000 руб. Крым был занят русскими войсками, и в 1783 г. имп. Екатерина II объявила присоединенными к своей державе Крым, Тамань и Кубанскую сторону. Необыкновенные успехи русского оружия во время второй русско-турецкой войны не только принудили Турцию навсегда отказаться от своих потерянных владений, но кроме того, и уступить России земли между Бугом и Днестром с крепостью Очаковом. Влияние на судьбу румынских господарств сделалось еще более сильным, и господа стали назначаться уже под сильным давлением России, благодаря чему произошло быстрое улучшение экономического и финансового положения румынского народа.

Одновременно с расширением территории России при Екатерине II было обращено серьезное внимание на замирение края и прекращение бесконечных земельных неурядиц, что составило предмет деятельных забот наместника Новороссийского края и Тавриды кн. Потемкина. В 1775 г. отряд русских войск, возвращавшихся из Крыма, занял и разорил Запорожскую Сечь. Часть казаков ушла в Турцию, где устроила сечь на Дунае; оставшиеся же были обращены в регулярные войска, из которых кн. Потемкин сформировал «войско верных казаков», принимавшее участие во второй турецкой войне и поселенное сначала, под именем черноморского войска, между Днепром и Бугом, а в 1792 г. перешедшее на Кубань для сторожевой службы против горцев и теперь именуемое кубанским.

Земли запорожцев вошли в состав учрежденного в 1784 г. Екатеринославского наместничества и обширной Новороссийской губ. и, по обычаю того времени, усиленно жаловались помещикам. Так, с 1775 по 1782 г. в составлявшей часть Новороссийской губ. Екатеринославской провинции было роздано 4.470 тысяч десятин и переселено из губерний Средней России 97.600 крестьян, да кроме того 24.000 ревизских душ: экономических крестьян из наиболее малоземельных центральных губерний. Поселялись здесь также отставные солдаты, массами шли беглые и наконец в широких размерах практиковалось привлечение иностранцев. В 1779–97 гг. поселились в Мариупольском у. греки из Крыма, основавшие Мариуполь, и грузины с Кавказа. Территория Екатеринославского, Верхнеднепровского и Александровского уездов заселялась немцами, болгарами, молдаванами, греками и казаками упраздненной Запорожской Сечи. В 1790 г. с низовьев р. Кумы были переселены ногаи, занявшие обширный треугольник, образуемый устьем р. Бердыш оз. Молочным и верховьем р. Токмака (Бердянского у.).

Продолжался также наплыв населения, преимущественно из Малороссии и Среднерусской черноземной области, в западные части нынешних Миусского и Донецкого округов области Войска Донского. Для устранения возникавших здесь земельных споров по плану князя Потемкина была проведена межа в 1795–96 г., хотя споры все же продолжались до 1802 г., когда Донская область окончательно была утверждена в нынешних границах. В интересах заселения правительство широко раздавало огромные участки войсковых земель. Поддерживаемые им чины старшины, получившие дворянство в 1768 г., постоянно поселяли беглецов, преимущественно малорусов, на земли, отводимые войсковой канцелярии, учрежденной в 1775 г. Потемкиным,

и записывали их за собою, а земли выхлопывали в свое владение. Так установилось здесь крепостное право, распространившееся, по его утверждению в 1796 г., и на вольных батраков из малорусов, которые здесь обрабатывали землю.

Деятельно колонизовался русским элементом также приобретенный у татар край, занятый до того времени кочевьями туркмен, ногайцев и калмыков (Ставропольская губерния). В пределах Северного Кавказа к казакам терским и гребенским были присоединены новые казачьи полки с Дона и Волги; на Кубань было переселено, как выше указано, черноморское войско из пределов Херсонской губернии. Для защиты края от горцев была проведена Моздокско-Азовская линия укреплений, включавшая Георгиевск, Александров, Ставрополь, и Вистослав, которая разрезала ногайские кочевья на русские и татарские. Тогда же занялись устройством быта кочевников, особенно ногайцев, среди которых были установлены приставства. Каждый аул или род выбирал своего старшину, являвшегося перед правительством ответственным лицом. Меры эти однако не могли предотвратить массовой эмиграции инородческого населения в Турцию.

Колонизуя Новороссийский край, Потемкин заботился об оживлении в нем торгово-промышленной деятельности, поощрял разведение овец, земледелие, виноделие и шелководство. Его стараниями был построен ряд городов и крепостей, как-то Николаев с крепостью и верфью, Херсон с казармами и верфью, Екатеринославль и Севастополь в Крыму – главная гавань для черноморского флота, постройка которого производилась весьма успешно. В 1787 г. Екатерина II, желая лично познакомиться с новыми своими владениями, совершила поездку в Новороссийский край в сопровождении блестящей свиты; на пути ее приветствовал и сопровождал король польский Станислав

Понятовский, а также император Иосиф II. Поездка эта дала возможность вполне оценить выдающиеся заслуги Потемкина по устройству края, хотя правильности оценки сильно мешал декоративный, бьющий на эффект характер обозрения. Царствование Екатерины II для нашей области можно по справедливости считать блестящей страницей истории. Россия достигла наконец своих естественных границ и, прочно обосновавшись в новых пределах, деятельно занялась своими внутренними задачами. Во все последующие царствования правительство уже без помехи со стороны беспокойных кочевых народов могло спокойно продолжать задачи внутреннего устройства, и дальнейшие территориальные расширения не имели такого острого, настоящего характера, как приобретение Крыма.

При Александре I, по условиям Бухарестского мира, закончившего новую победоносную русско-турецкую войну 1806–1812 гг., к России отходила часть Молдавии, известная под именем Бессарабии [По новейшим исследованиям румынского ученого Петричейку-Геджеу, слово Бессарабия происходит от названия существовавшей в X в. на территории Молдавии касты жрецов (*zarabi terei*) с прибавлением в начале частицы «ба», означающей титул. Позднее это название обратилось в фамилию и имя и в XVII в. оно принадлежало одному из молдавских господарей] в пределах между Прутом и Днестром, и турецкий Буджак с крепостями Хотин, Бендерами, Аккерманом, Килией и Измаилом. В 1802 году восстановленная при Павле I обширная Новороссийская губ. была разделена на Николаевскую, позднее переименованную в Херсонскую, Екатеринославскую в нынешних границах с присоединением еще Ростовского округа и тогда же учрежденного Таганрогского градоначальства и Таврическую губернию. В 1818 году новоприобретенная Бессарабия получила свое устройство под именем

Бессарабской губ., с главным городом Кишиневом. В первой половине XIX в. следует отметить заслуги по устройству и управлению Новороссийским краем наместника его кн. М. С. Воронцова (1823–1843).

Одновременно с административным устройством реформировались и земельно-правовые отношения населения. Намечавшаяся правительством крестьянская освободительная реформа проводилась здесь частично с тем большим успехом, что в новороссийских губерниях, благодаря земельному простору, крепостное право не успело утвердиться повсеместно и сравнительно с центральными губерниями России приняло менее тяжелые формы. Приступив к улучшению быта крепостных, правительство прежде всего прекращало новые случаи закрепощения. Так, по указу 1811 г. крестьяне Донской области, приписанные к станицам, были обращены в казаков, образовав население Егорлыцкой, Кагальницкой, Мечетинской и Ольгинской станиц; пришлым же «иногородним» был разрешен совместный выгон на общественных землях и были даны права собственности. В 1816 г. было воспрещено перевозить крестьян для поселения на Дон. Калмыкам, кочевавшим с половины XVII в. в пределах всей области Войска Донского, были отведены в 1806 г. земли, составившие Калмыцкий округ.

С целью приостановить процесс разложения казачества, в 1835 г. были введены сильные ограничения в распоряжения частновладельческой землей, которую можно было продать только донскому чиновнику из казачьего сословия; и войску принадлежало право исключительной разработки естественных минеральных богатств, частью с вознаграждением владельцу, частью без него. Тогда же частновладельческие земли были отведены отдельно от общественных, а оставшиеся земли были размежеваны на войсковые нужды, под калмыцкие улусы и отдельным станицам – «станичные

юрты» с наделом по 30 десятин на каждую душу по ревизии 1837 г.

Менее успешно шли землеустроительные работы на территории Северного Кавказа. Сильная эксплуатация ногайского населения, кочевавшего здесь издревле, особенно в пределах нынешних Ставропольского и Александровского уездов Ставропольской губ., вызвала усиленную эмиграцию ногайцев в Турцию. Значительная часть их однако возвратилась в 1870 г., когда земли, ими покинутые, и особенно лучшие из них были розданы частным лицам, главным образом участникам в кавказских войнах. Это вызывало неоднократные волнения среди ногайцев. Часть ногайцев была причислена к кочевым народам, перешедшие же к оседлому состоянию (калаусо-саблинцы) были обращены в государственных крестьян с сохранением своих султанов, беев, мурз и духовенства.

В юго-западной части области – Бессарабской губ. рядом постепенных реформ подготавливалось уравнивание в гражданском и церковном отношениях новоприсоединенного края с другими местностями России. Так, в 1828 г. верховный совет, составлявший после присоединения Бессарабии здешнее главное правительственное учреждение, был обращен в совещательный орган при бессарабском генерал-губернаторе. С 1836 г. были установлены обязательные условия, регулировавшие довольно произвольные до тех пор отношения юридически свободных царан (крестьян) к землевладельцам, а в 1846 г. был составлен нормальный контракт, обязательный для обеих сторон. В церковной сфере важное экономическое значение имела разработка вопроса о так называемых «преклоненных» монастырях, приписанных к заграничным греческим монастырям и плативших последним громадные суммы, неоправдываемые никакими юридическими основаниями.

Вследствие неудач крымской войны Россия, по Парижскому трактату 1856 г., уступила Молдавии юго-западную часть Бессарабской губ. с городами Измаилом, Рени и Килией и потеряла свое исключительное право ходатайства по делам румынских княжеств. Отрезанные части Бессарабской губ. были возвращены России после удачной для нее войны 1877–78 г., когда на Берлинском конгрессе граница была утверждена в пределах р. Прута и Килийского рукава Дуная. Вся обширная область новороссийских губерний с этого времени не изменяла своих границ, равно как в административном устройстве претерпевала лишь незначительные изменения. К числу последних относятся причисление в 1883 г. Ставропольской губ. к Северному Кавказу и присоединение Ростовского и Таганрогского округов к Донской области.

Вольная колонизация беглых элементов в Новороссию продолжалась и в первую половину XIX века. Миусский округ Донской области был окончательно заселен самовольно в это время помещичьими крестьянами центральных черноземных губерний, находившимися «в бегах». Во второй половине XIX в. с усиленной разработкой, после постройки железных дорог, рудных богатств Южной России, колонизация несколько изменила здесь свой первоначальный земледельческий характер: местами появились огромные поселения горнозаводских рабочих, частью выписанных иностранными компаниями – владельцами рудников и копей – из заграницы и зачастую неизвестными даже с русским языком.

Разнородные по своему племенному составу и несходные в историческом развитии отдельные части нашей области, даже слившись в одно целое, сохраняют и до наших дней много следов былой самостоятельной и обособленной жизни. Эти следы весьма многочисленны в бытовых

особенностях населения; между прочим они дают себя знать и в культурных успехах отдельных уголков новороссийских губерний. В действительности, при сравнительном обозрении результатов школьного дела в новороссийских губерниях мы получаем весьма пеструю картину. Для объяснения этой пестроты отметим значительную примесь к населению в юго-западной части нашей области немецких колонистов и, напротив, преобладание почти поголовно безграмотных кочевых народностей в восточной части. Затем не осталось без влияния на степень культурности населения в одних случаях соседство с такими промышленными центрами, как Одесса, Николаев, Ростов на Дону, или с другой стороны – со слабо населенными и удаленными от культурных центров степями. Наконец важную роль, пополняющую и нивелирующую отмеченные преимущества или недостатки отдельных частей области в успехах культурного развития населения, играют земские учреждения, общепризнанная заслуга которых в деле народного образования особенно заметна в новороссийских губерниях по отсталости Донской области и Ставропольской губ., лишенных земств.

2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ПО ТЕРРИТОРИИ НОВОРОССИИ, ЕГО ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ, БЫТ И КУЛЬТУРА

В. В. Алексеев
«Россия...», т. X. С. 172–227.

Новороссийские губернии со Ставропольской включительно, занимая общую площадь в 407.366,7 кв. верст (почти 0,9 Франции), в 1897 г., по данным первой народной переписи имели оседлого и кочевого населения 11.668.027 душ: обоего пола. По отдельным же губерниям население распределялось следующим образом:

Губернии	Пространство в кв. верстах	Население об. пола по переписи 1897 г.	На 1 кв. в. приходится человек
Бессарабская	39.014,9	1.935.412	49,6
Херсонская	62.213,2	2.733 612	43,9
Таврическая	53.053,8	1.447.790	27,3
Екатеринославская	55,703,6	2.113.674	38,3
Донская обл. . . .	144.586,1	2.564.238	17,7
Ставропольская губ.	52.793,1	873.301	16,5
По всему краю	407.366,7	11.668.027	28,6

Как ясно из таблицы, за исключением Донской обл. и Ставропольской губ., плотность населения везде превосходит среднюю для Европейской России, достигая наибольшей величины в Бессарабской губ. (на 27,4 чел. больше средней по Евр. России) и в Херсонской (на 21,7), а в общем по области превышая указанную среднюю на 6,4 чел. Сильная заселенность большей части области заслуживает особенного внимания, если припомнить, что еще в первой половине XVIII века роскошные новороссийские степи представляли собою большею частью необитаемые пространства, на которых только оазисами попадалось едва проникавшее сюда население, так что процесс заселения края есть дело менее чем двух столетий. Как было указано в главе, посвященной истории Новороссии, новороссийские степи были естественным продолжением громадной степной дороги, служившей для передвижения из Средней Азии в Европу кочевникам, посменные волны которых делали невозможным обоснование на территории Южной России оседлой культурной жизни. Только в двух уголках области – возвышенной, соседней с Карпатами северо-западной части Бессарабской губ. и за Крымской Яйлой – могли сравнительно более прочно (вполне оседло) обосноваться доходившие до этих местностей разношерстные племена, почему мы и видим здесь весьма интересную амальгаму всевозможных народностей. Но наряду со сходством в причинах, способствовавших обоснованию населения в указанных местностях, существовало весьма значительное различие в характере колонизации их.

В то время, как Бессарабия служила как бы конечным пунктом упомянутой степной дороги и преддверием к густо заселенным и более культурным европейским странам, на удаленный и стоявший в стороне от колонизационного потока кочевников южный берег Крыма могли попадать

только случайно оторвавшиеся от этого потока народы; основная же и преобладающая масса населения южного берега во все время пополнялась главным образом со стороны Черного моря, которым перебирались сюда различные торговые народы, привлекаемые естественными богатствами края. Как было указано в историческом очерке, это были на заре истории финикийцы и греки, затем, готы, генуэзцы, венецианцы и турки. Сравнительно незначительная плотность населения южного берега Крыма, как будто противоречащая древности колонизации края, на самом деле объясняется преобладанием здесь весьма крутых и недоступных для заселения гор, покрытых каменистыми осыпями, почему оседлое население, по необходимости скученное в долинах и по более отлогим, задерненным самую природою склонам гор, по отношению ко всей площади оказывается более редким.

Кроме того, с присоединением Крыма к России преобладавшее здесь мусульманское население, не уживаясь с чуждой его обычаям русской культурой, неоднократно выселялось в Турцию. Так, еще в начале XIX в. выселилось до 300 тысяч, преимущественно горных татар. Затем массовая эмиграция крымских татар – на этот раз главным образом степных – наблюдалась после севастопольской войны с 1856 по 1862 г. Несмотря на ряд энергичных мер, принятых правительством для удержания населения от эмиграции, в Турцию переселилось, по официальным данным, учитывающим только явную эмиграцию, 141.667 крымских татар и 50.000 ногайцев. Из 687 селений четырех крымских уездов (не считая Ялтинского, откуда выселение было незначительно) 315 селений совершенно опустело и обратилось в развалины. В другом из указанных уголков, сохранивших в значительном количестве свое древнее население – в северных уездах Бессарабской губ. –

плотность населения, вполне подтверждая сравнительную давность оседлости, является наибольшей в области, а именно в Кишиневском и Хотинском уездах почти в три с половиной раза превосходит среднюю по области плотность сельского населения, а в Сороцком и Оргеевском более, чем в два раза. Что касается заселенности остальных, более молодых в историческом отношении и потому оправдывающих наименование Новороссии частей области, то распределение здесь населения отчасти является результатом постепенного оттеснения бывших хозяев степей – татар надвигавшейся с севера русской культурной оседлой жизнью, почему именно северные уезды степной полосы и оказываются наиболее густо заселенными. Исходным моментом, с которого земледельческое заселение края пошло неудержимым потоком, можно считать вторую половину XVIII в., когда русская борьба со степью окончилась присоединением Крыма. Кроме привлекаемых разными льготами иностранных колонистов сюда массами приходили из внутренних губерний и беглые крепостные – «втикачи», и ищущие легкой и скорой наживы предприимчивые люди, наконец недовольные утеснением веры старообрядцы, сектанты и т. п.

Впрочем для Новороссийской области, которая по характеру своего заселения, не без основания сравнивается с Северо-Американскими Штатами, историческая давность измеряется даже не веками, а десятилетиями. А именно последние четыре десятилетия промышленного оживления страны после крестьянской реформы отразились в нашей области значительно сильнее, чем в других областях России. Причинами этого были мощные залежи нетронутого чернозема, ископаемые богатства в виде железа, каменного угля и соли и наконец берега судоходного моря, втягивавшего население в круговорот всемирной торговли.

По сравнению с другими областями России население новороссийских губерний за приведенный период увеличилось более всех (наряду с губерниями западными).

Нельзя не отметить также, что кроме увеличения постоянного населения в области замечается ежегодный прилив пришлого рабочего люда из внутренних губерний России во время летних сельскохозяйственных работ. Общее увеличение населения в летние месяцы для Херсонской и Таврической губерний исчисляется в 150–200 тыс. человек обоего пола.

В этнографическом отношении область новороссийских губерний представляет чрезвычайно пеструю картину. Чтобы уяснить себе причины такого разнообразия в племенном составе населения, нужно принять во внимание как все те главные моменты колонизации края, о которых шла речь в историческом очерке его, так и подробности водворения здесь каждой отдельной народности, о чем будет сказано ниже, при описании особенностей племен, населяющих область. Здесь же, в таблицах мы ограничимся лишь общей группировкой населения по представителям отдельных народностей и различных вероисповеданий.

В этнографическом отношении, как выше отмечено, население Новороссийского края представляет из себя весьма пеструю смесь языков и народов, местами сливающихся или уже слившихся в своеобразное целое, но не имеющее еще, так сказать, определенного облика, местами же упорно отстаивавших свои исконные национальные особенности.

Преобладающую массу населения Новороссии составляют *малорусы*. Ядро малорусского населения – Екатеринославская губерния, где оно составляет 68,9% всего населения губернии, или 1.456 тыс. душ обоего пола; процент

Племенной состав населения в процентах:

	Бессарабская	Херсонская	Таврическая	Екатеринославская	Донская обл.	Ставропольская губ.	По области
Великорусы	8,2	21,1	27,9	17,3	67,2	55,4	31,8
Малорусы и русины	19,6	53,5	42,2	68,9	28,1	36,0	42,4
Белорусы	–	0,8	0,7	0,7	–	–	–
Поляки	0,3	1,1	0,7	0,6	–	0,1	0,5
Болгары	5,3	0,9	2,8	–	–	–	1,5
Молдаване (румыны)	47,6	5,4	0,2	0,4	–	–	9,3
Немцы	3,1	4,3	5,4	3,8	1,4	1,0	3,3
Греки	–	0,3	1,2	2,3	–	–	0,6
Армяне	–	0,1	0,6	–	1,1	0,5	0,3
Евреи	11,8	11,8	3,8	4,7	0,6	–	6,4
Караимы и крымчаки	–	0,1	0,6	–	–	–	–
Татары	–	0,1	13,0	0,8	–	–	1,8
Ногайцы	–	–	–	–	–	2,2	0,1
Калмыки	–	–	–	–	1,8	1,2	0,4
Трухменцы	–	–	–	–	–	1,8	0,2
Турки	2,9	0,0	0,2	0,2	–	–	0,5
Прочие народности	1,2	0,3	0,6	0,2	0,3	1,2	0,9

малорусов понижается здесь только в тех уездах, где сосредоточено великорусское население, т. е. главным образом в Екатеринославском, Бахмутском, Мариупольском и Луганском. В Херсонской губ. малорусское население, составляет 53,5% всех жителей, занимая почти целиком Александрійский, Херсонский и Елисаветградский у.у. (1.083.600 душ обоего пола) и уступая по численности в восточных уездах великорусам. Несколько понижается процент малорусов (до 42,2²/°) в Таврической губ.; здесь они живут преимущественно в материковой, самой населенной части губернии, особенно в Днепровском, Бердянском и Мелитопольском у.у. В Бессарабской губ. малорусы, явившись сюда с XVII в., главным же образом с XVIII в., после введения крепостного права и уничтожения запорожской Сечи, более всего распространились в Бендерском и Оргеевском у.у., частью в Аккерманском и Измаильском; в 1835г. наплыв беглых прекратился и, по регистрации, на юге Бессарабии оказались водворившихся 6.000 малорусов. В Ставропольской губ. малорусы, поселенные со времени имп. Екатерины II, живут в селах вместе с великорусами или отдельно хуторами и деревнями. Риттих насчитывает здесь малорусов 7,4% населения, великорусов – 68,5%, а, по Чубинскому, великорусский говор в смеси с малорусским распространен у 80% жителей; по переписи же 1897 г. в этой губернии обнаружилось 319.800 душ обоего пола (36,4%), считающих своим родным языком малорусский.

Оставаясь во многом верным самому себе, как говорят, «езде хохлом», малорус, живя в Новороссии вблизи великоруса или между другими народностями, отличающимися не менее его индивидуализмом и самобытностью, кое-где сдался и утрачивает иногда свои характерные бытовые черты. В этом отношении наиболее подходящим для сравнения с Украинной являются переходный прибужский район

Александрійского у. Херсонской губ. И далее все пространство от него на запад до самого Приднестровья. Водворенное здесь некогда мерами правительства разношерстное население, так называемые «роты», распалось или было впоследствии покрыто полностью малорусским элементом, встретившим в свою очередь движение с запада – из Бессарабии молдаванской (румынской) национальности, так что в настоящее время в этом районе малорусы живут в близком соприкосновении или даже вперемежку с молдаванами. Молдаванин здесь говорит по-малорусски, нередко сам называет себя малорусом, малорус же, не заражаясь румынским языком и сохранив некоторые свои традиционные порядки, позаимствовал у соседа то, что наиболее подходит к обиходу поселянина при местных условиях жизни: строит хату одного типа с молдаванской; вариастая печь, занимавшая четверть избы, сокращает свой объем, а нередко присутствие ее становится и вовсе необходимым в виду устройства печей другого типа скромных размеров; в убранство комнат введены и играют видную роль характерные для румына ковры и т. п.

В другом конце обозреваемого края, именно в Ставропольской губ. малорусы, считающие своей родиной Полтавскую, Харьковскую и Воронежскую губ., также во многом поддались влиянию соседа великоруса, что выразилось хотя бы, напр., в падении некоторых более живучих брачных обрядов, местами в совершенном уничтожении «посрамительных» песен, столь характерных для неудачной малорусской свадьбы, также в стремлении вместо родной малорусской речи усвоить наиболее здесь распространенную великорусскую; далее ситцевые рубашки, зипуны, бекешки, стеганные бешметы, картузы, поршни, сарафаны, юбки, лавочные башмаки и мн. др. вещи, в которых не согласится щеголять малорус на родине отцов, получили полное право гражданства у него же на Северном Кавказе.

Торговая жилка, присущая всему остальному населению Новороссии, не могла не задеть индивидуалиста – малоруса даже и в коренных малорусских уездах Новороссийского края, что выразилось в более значительной, чем в коренной Малороссии, распространенности у новороссийских малорусов промысловых, неземледельческих занятий, притом построенных не редко на артельных началах (рыболовство, судоходство и др.).

За исключением всего вышеприведенного выдающиеся моменты человеческой жизни, каковы рождение, крещение, свадьбы, похороны и пр., обставлены в общем теми же обрядами и приметами, как и на Украине. Остается коснуться наречия новороссийского малоруса; но и здесь господствует самый распространенный, чрезвычайно богатый мягкими звуками, украинский говор, как известно, сделавшийся литературным языком. В зависимости от влияния инородных соседей говор этот в разных местах территории имеет свои особенности; напр., в Екатеринославской губ. попадаетея в нем много великоруссизмов в тех районах, где малорусы живут смешанно с великорусами; на западе – в Бессарабской губ. в приднестровских уездах, прилегающих к Подольской, а также в соответственных уездах Херсонской губ. украинский говор сменяется подольским, отличающимся еще более частым употреблением *у* вместо твердого *л* (*гориука*) и глухих согласных вместо звонких, творительного падежа на *оу* вместо *ою*; на нем сказалось кроме того более значительное влияние польского языка, напр. в окончании глаголов (будущее время – *буду казать*, прошедшее – *назовем*) и т. п.

В Северо-западном углу Бессарабской губ., в Хотинском у., затем отчасти в соседних с ним Сороцком, Белецком и Оргеевском живут малорусы – так называемые *русняки*, (*червонорусы*) в наших переводах с немецкого (Ruthenen) –

русины, или *райляне*, т. е. жители «райи» – района, составлявшего некогда турецкую провинцию с христианским населением. Нередко бессарабские русняки называются также галицианами, так как часть их переселилась сюда из Галиции во время притеснения унии; часть же русняков считается даже чуть ли не коренным населением этого бессарабского района, заселявшегося особенно усиленно после ухода отсюда турок с 1806 г. В Хотинском уезде они составляют около $\frac{1}{2} - \frac{2}{3}$ населения (113 сел, из них 90 населенных исключительно русинами и 23 – в смеси с молдаванами), в Белецком – менее 10% и в Сороцком – до $\frac{1}{6}$ населения, а всего в Бессарабии численность их составляет около $\frac{1}{8}$ общего количества жителей. По Днестру они совершенно не отличаются от обыкновенных малорусов.

В XI в. в состав русского государства входили и хорваты, потомки которых, как некоторые полагают, и суть нынешние *русняки*, сохранившие в чистоте свой славянский тип, но носящие костюм молдаванский или очень похожий на него: в Хотинском у. его составляют длинная, перехваченная поясом, холщевая без складок рубаха «навыпуск» с постоянно расстегнутым воротом, суконный черный плащ (манта) домашнего изделия с отворачивающимся башлыком, носимый летом по рубахе как мужчинами, так и женщинами, зимою же надеваемый обыкновенно поверх короткого кожуха; на ногах – кожаные лапти («постолы»); зимою мужчины носят штаны мехом внутрь. Головной мужской убор – остроконечная баранья шапка – кучма или круглая с большими полями шляпа (капелюх). Женский костюм составляет белая с расшитыми в черный и желтый узоры рукавами и грудью рубаха и заменяющий юбку «катеринец», т. е. кусок шерстяной домашней ткани черного цвета, или полосатый, стягиваемый на бедрах шнурами; длина «катеринца» достигает двух третей голени; на голове

носят обыкновенно черный шерстяной платок или оранжевый – у молодых, у старух же белое полотенце с желтыми каймами на концах. В праздники мужчины опоясываются длиннейшими поясами («крайки») из шерсти с нитками; самые широкие пояса в Хотинском у. надевают также невеста и ее подруги во время свадьбы. В некоторых местностях среди мужчин сохранился обычай носить длинные до плеч волосы, подстриженные над глазами; эти так называемые «патлачи» попадаются и среди смешавшихся с русняками восточных малорусов. В Хотинском у., население которого смешанное, русняки с малорусами преобладают в Приднестровье, а молдаване – по Пруту, но и те и другие – в бытовых чертах также почти слились: у них одного типа плетневые постройки, обмазанные глиною и штукатуренные, в так называемой Бессарабской Буковине – безупречной белизны, с лицевой стороны зачастую крашеные светлорусской краской с черными каймами по краям; дома лицевой стороной не выходят прямо на улицу, а строятся в глубине двора и состоят обыкновенно из двух половин, жилой – меньшей и чистой – большей; окна делаются возможно меньшие и возможно большая печь, иногда раскрашенная, полы земляные, на чистой половине выкрашенные известью с золой разными выкрутасами; вследствие молдавского влияния и у русняков часто в качестве украшения употребляются «верета» – коврики, постилаемые по лавкам, а иногда и на стол. Избы – все белые; о курных нет и представления; сени, разделяющие жилую половину от чистой, несколько выдвигаются в противоположную от входа сторону, и в получающейся таким образом пристройке зимою держатся домашние животные. Расположены селения безо всякой планировки, где есть свободное место, вследствие чего село представляет из себя путаницу узких и кривых переулков.

Что касается внутреннего, духовного быта бессарабского *русняка*, то он представляет те же особенности, какие встречаются и в жизни остального сельского населения Бессарабии – молдаван и восточных малорусов, сохраняя суеверия, обычаи и обряды, частью восходящие к глубокой древности края, частью заимствованные в позднейшее время. Среди старейших обычаев особую группу в Бессарабии составляют разные народные праздники, соблюдаемые сверх установленных церковью и гражданских; из них по настоящее время у сельчан Хотинского у. празднуется Рахманский великий день (на четвертой неделе после Пасхи, совпадая с Преполовением), предполагающей существование особого народа – рахманов, живших ниже по Днестру, исповедывавших православие, но не знавших, когда бывает Воскресение Христово. Поэтому жители кидали в реку скорлупу от съеденных на Пасхе крашеных яиц, чтобы, когда она приплывет к рахманам, они узнали о праздновании Пасхи. Другой большой праздник – «русалили сын», по молдавски – «прештии», а малорусы прибавляют сюда еще слово «нявки» – души младенцев, умерших без крещения; это есть искупление некрещенных младенцев, празднуемое в первый четверг после Троицы и на второй день Петрова поста или даже 8 мая (Аккерманский у.). Оба вышеприведенные праздника и еще масса других, почитаемые всем сельским населением Бессарабии за исключением великорусов, болгар и иностранцев (разница только в названиях), нынче не обставлены особыми обрядами, киданием скорлупы и т. д., но в эти дни происходят «клаки» (соотв. великорусской «толоке»), т. е. сельскохозяйственные работы гурьбою за водку с музыкой и танцами у священников, сельских властей, арендаторов и др. Такие работы не почитаются грехом. Встречается много и других обычаев, заимствованных у преобладающей массы населения – молдаван, о которых речь впереди.

Великорусы, как промышленный люд, рассыпаны в Новороссии повсюду, но господствующим элементом населения являются в Донской области (казаки), а в Ставропольской губ. составляют, по данным последней переписи, 55,4% (по языку) населения, куда входят как казаки, так и все крестьяне-переселенцы, водворение которых здесь началось со времен Екатерины II. В Херсонской губ., если судить по разговорному языку, великорусы составляют 21,1% населения губернии. Они населяют главным образом восточные уезды губернии. Здесь заключается 66,5% всего великорусского населения. В Таврической губ. великорусы составляют более четверти всего населения губернии (27,9%), проживая главным образом в материковых уездах и в Симферопольском; в Екатеринославской губ. их еще меньше – только 17,3%. Между прочим не лишним будет отметить, что в Херсонском у. плотно населенные бывшие адмиралтейские селения около Черного Леса и г. Николаева совсем обмалорусились. В Екатеринославской губ. крестьяне-великорусы местами также почти слились с малорусами и живут в одинаковых мазанках; в западной части одежда их более подходит к малорусской, в восточной же – преобладают великорусские серые, домашнего изделия кафтаны, ситцы и т. д. Чем кучнее великорус отселился от малоруса, тем нагляднее разница в бытовых чертах того и другого. Впрочем даже отдельные великорусские хутора в степи (Александровский у.) – так называемые «кацапские» не нравятся живому и любопытному соседу малорусу уже потому, что они, несмотря на дороговизну леса, почти всегда обнесены глухим тесовым забором, через который не видно, что творится на дворе и т. д. В Екатеринославском, Павлоградском и Луганском у.у. преобладающая масса великорусского населения состоит из *старообрядцев-поповцев*, главным образом белокриницких австрийцев.

Они имеют в Луганском у. свои храмы и известный Преображенский монастырь, находятся в постоянных сношениях с Москвой, получают оттуда книги и пр. В 1898 г. здесь был собор епископов. Шелапутство, занесенное в начале 1860-х годов из Полтавской губ., Донской обл. и Кавказа, в Екатеринославском, Павлоградском и Луганском у.у. повидимому идет на упадок; также и *штунда-необантисты*, более сильно господствующая впрочем в Павлоградском и Александровском у.у. среди малорусов, стала разлагаться вследствие появления секты субботников. В Бессарабской губ. кроме наезжих торговцев, ютящихся около городов и крупных сел, великорусское сельское население, являясь в ограниченном меньшинстве сравнительно с прочими славянскими народностями, сосредоточено отдельными группами; напр., в посаде Вилкове живут старообрядцы и сектанты; из них некоторые считают себя потомками беглецов из России в Польшу со времени исправления книг, появившихся здесь в половине XVIII в. и известных раньше под именем липован, т. е. филипповцев (Пилипоне – искаженное собственное имя Филипп, глава секты), расселившихся отсюда между прочим и в Молдавию и Вилков. Сюда же потом попала часть донских некрасовцев, вернувшихся в подданство России в числе около 100 душ после турецкой войны 1828 г. В начале XIX в. старообрядцы стали прибывать в Буджак и рассыпались по всей Бессарабии. В настоящее время великорусы-старообрядцы вообще укоренились по окраинам Бессарабии, более на юге, между прочим в Измаильском у., но живут и на севере – в центре Хотинского у. Все же постоянное великорусское старообрядческое население составляет в Бессарабии не более 1½% всего населения.

Как уже было указано в историческом очерке, колонизация Донской области великорусами началась в XVI веке

по следам «рязанских казаков», кое-где уже захватывавших в XIV–XV вв. верхнее и среднее течение Дона, а закончилась в середине XIX в., когда целый Миусский округ оказался заселенным беглыми помещичьими крестьянами из центральных черноземных губерний.

Вольное казачество первоначально сосредоточивалось в рассматриваемой области в низовьях Дона, и между ним и правительственной колонизацией (сторожевыми чертами) долгое время оставалась обширная нейтральная, почти совсем ненаселенная степная полоса. Правильное и более систематическое развитие казачества, пополняемого беглыми холопами и крестьянами-«втикачами» от тяжелого крепостного житья, относится ко второй половине XVII века, когда после 1654 г. уже все казаки перешли под власть Московского государства, оставившего за ними привилегию не выдавать беглых и построившего ряд казачьих укреплений от Южного Буга до самого Дона. Главную массу верховых донских казаков (по Донцу, Хопру, Бузулуку и Медведице) составили великорусские старообрядцы. В 1811 г. к донским казакам были приписаны крестьяне-малорусы, жившие при станицах вольными батраками и происходившие из Слободской Украины. С Дона часть казаков смешанного происхождения – великорусского и малорусского – переселилась в Ставропольскую губ. на Куму. И по настоящее время донские казаки-великорусы по физическому типу и характеру отличаются от казаков-малорусов, смешавшихся впоследствии отчасти даже с южными инородцами.

Верховые казаки, т. е. живущие в верховьях Дона, выше Цимлы, – выходцы из центральных великорусских местностей. Они, как и все казаки, среднего роста, крепкого телосложения, с русыми волосами и серыми глазами; развиваются медленно, выносливы и долговечны. Переход от

верховых к низовым казакам составляют донцы-серединцы, но по своему типу они более приближаются к низовцам, а эти последние большей частью смуглы и бледны, черноглазы и черноволосы; они менее крепкого сложения, зато более подвижны и ловки; Все признаки низовцев говорят за их смешанное происхождение: женами казаков в былое время нередко становились пленницы из южных горских племен, татарки и даже турчанки.

Характер верховых казаков более консервативен, чем у низовых, быстро до самоотвержения увлекающихся идеей, но и быстро остывающих; верховцы менее тщеславны и честолюбивы, нежели низовцы, но зато последние в общем едва ли не более развиты, чем первые. В частности наблюдается различие даже между отдельными станицами одного и того же района: каждая из них носит особый отпечаток и в произношении, и в обрядах, до того разнообразных в мелочах, что в чужой станице казак сразу отличит своего земляка. Чуть не каждая станица кроме общеизвестного названия имеет еще и свою особенную, характерную для нее кличку. По своему общительному характеру казаки склонны и к совместному труду; они устраивают артели или ватаги рыболовные и охотничьи, а в прежние, грубые времена охотно участвовали в разных предосудительных шайках. Из среды донских же казаков вышли такие характерные и крупные фигуры, как Булавин и Пугачев.

Постройки низовых и срединных казаков отличаются своей чистотой и опрятностью. Дома строятся деревянные, покрытые тесом или камышом (очеретом), у богатых – нередко железом. Встречаются постройки и из кирпича. Хозяйственные пристройки окружаются оградой. Внутренность жилого дома разделяется обыкновенно на три комнаты – стряпную, спальную и чистую «горницу», стены которой часто украшаются оружием. Печь иногда раскрашивается

в разные цвета. Постройки верховых казаков делаются по тому же типу, но отличаются своей относительной неопрятностью и теснотой. Чистая комната выходит обыкновенно на двор, а стряпная, служащая для хозяев не только кухней, но и рабочей комнатой, выходит на улицу, также не отличающуюся, подобно двору, своей чистотой.

Одежду казаков составляют белая рубаха, синие шаровары с широкими красными лампасами, казакин, сапоги, высокая баранья шапка с цветным суконным верхом или картуз синего цвета с красным околышем. Женский костюм напоминает старинный южно-великорусский и малорусский, но в верховые станицы давно уже (сначала XIX в.) проникли ситцы и верхние одеяния вроде «дипломатов», «жакетов» и т. п. продуктов фабричной цивилизации. Девушки украшают иногда головы лентами, не вплетая их в косы помалорусски, а устраивают из бумаги великорусский кокошник и прикрепляют к нему несколько разноцветных лент, спускающихся сзади до пояса. Некоторые старинные костюмы, найти которые можно разве только в сундуке у какой-нибудь старухи, носят названия татарского происхождения. Так, напр., старинное одеяние казачки называлось «кубелек», род кафтанчика с металлическими пуговицами, поверх него «коврак» – халат, у девиц – «челоуч» – красная бархатная с монетами скуфья, у женщин – повойник пол аршина вышины и «торкич» – шелковый платок и пр. Это объясняется долговременным соприкосновением донских казаков с татарами и др. восточными народами, а также можно объяснить и происхождением донцов от «рязанских казаков» XIV–XV вв., бывших наполовину великорусами, наполовину крещеными татарами.

Говор донцов-верховцев, будучи южно-великорусским по своему происхождению, имеет и некоторые особенности, вроде «яго», «чяго» или «чиго», с мягким *г* (замечаемые

впрочем и в южных рязанских селениях – якающий говор), что дало повод к прозвищу казаков чигами, распространившемуся по всему Дону. Донцы-серединцы говорят более акающим южно-великорусским говором; у низовцев распространен тот же рязанский говор, но совсем подавленный малорусской речью с наплывом татарских слов.

В прежнее время ведение всех общественных дел принадлежало станичному сходу и атаману, но с 1870 г., по новому положению, в руках последнего остались только административная и исполнительная власти. В настоящее время станичный сход имеет право выбирать атамана на три года, решает дела вроде семейных разделов, переделов и пр., однако такого значения и влияния, как прежде, не имеет. Судебные функции переданы от атамана в станичные суды, имеющие много общего с нашими волостными. Не исчез до настоящего времени и самосуд, особенно по отношению к конокрадам и ворами. Существуют и другие неофициальные суды, как напр., суд общины, поселковый суд, единоличный суд атамана и третейский суд стариков; эти два последние производятся только с согласия обеих заинтересованных сторон. Местом для народного суда служит станичная изба, где в старину на стене висел портрет Ермака.

Народные суды пользуются большей популярностью, нежели суды, установленные законом 1870 г., где делом часто заправляют «судейские писаря», внося чуждый народному духу элемент. В народных судах и наказания своеобразны, напр., обмазывание дегтем хаты виновного, битье стекол, вытрясенье пуху из перины, срывание платка у женщины; освященные давностью времени, эти наказания пользуются еще большей популярностью и распространением.

Внутренний быт казачьей семьи в прежнее время носил деспотический характер со стороны главы семьи, настоящая

же семейная жизнь не имеет почти ничего общего с давним прошлым.

Вольная военная жизнь не позволяла казаку обзаводиться семьей, и женатые не пользовались почетом. После удачных походов казаки привозили с собой пленниц, которые нередко становились их женами, иногда же за недостатком женского элемента допускалась и полиандрия. Что касается самого брачного обряда, то брак до XVIII в. у казаков не освящался церковью, а признавался общиной на майдане (площади); тут же решался вопрос и о разводе. В петровскую эпоху началось уже церковное венчание казаков, хотя дедовское решение на майдане долго еще имело место.

Браки у верховых казаков-раскольников бывают обыкновенно ранние: мужчины женятся вскоре по достижении половой зрелости, причем невеста часто бывает старше своего мужа; в старообрядческих станицах наблюдается явление снохачества. Казаки-понизовцы женятся обыкновенно позднее, в среднем между 25–30 годами. Обыкновенно согласие брачующегося имеет мало значения, так как дело обсуждает семейный совет, где мать имеет решающий голос. Впрочем выбор невесты предоставляется иногда на «волю Божью»: на ночь кладутся под образа записки с именами имеющихся ввиду невест, из которых намечается именно та, чье имя написано на одной из записок, вынутой наугад утром. Сватание невесты происходит аллегорически, обиняками и, в случае положительного ответа через сватов, родители жениха с хлебом и солью отправляются в дом невесты для совершения рукобיתья и определений условий предполагаемого брака. После этого устраиваются «своды» жениха и невесты, т. е. они должны дать друг другу свое согласие, которое сопровождается обменом подарков и поцелуями. Если невеста откажется

от брака уже после рукобיתья, то она, по обычаю, должна возвратить жениху его подарки и кроме того уплатить штраф «за срам», а в старые годы отказавшаяся подвергалась публичному наказанию – обрезаиванию косы. Рукобיתье повторяется через несколько дней под названием «сговора» – в присутствии родственников и знакомых. Торжественно повторяются брачные условия, затем идут поздравления жениху и невесте, которые подносят гостям водку и принимают от них поцелуи. У старообрядцев в некоторых станицах совершается всю ночь «пропой невесты», а утром ее везут в дом жениха, где она живет до свадьбы дня два-три. За это время происходит смотр приданного или, по местному выражению, празднование «подушек». Накануне свадьбы вечером невеста, по общепринятому старинному обычаю, устраивает своим подругам прощальный вечер – девичник, а у жениха просто веселятся или, по старинному, во многих местах готовят каравайчики или шишки.

В день «выдания», т. е. венчанья (по большей части в воскресенье), жених с перекинутым через плечо платком – подарком невесты – отправляется к ней пешком или на коне, по старинному великорусскому обряду – в сопровождении поезжан (эти последние называются «боярами», тогда как жених и невеста – «князем» и «княгиней»); рукава у них при этом перевязаны разноцветными платками. Невеста, ожидая жениха, сидит на сундуке и «хныкает», а подруги поют; жениха впускают только после выкупа в пользу братьев невесты, после чего эта последняя передает ему «державу» – плетку или шашку, изукрашенные мишурой и лентами. Перед тем как ехать в церковь, невесту, а также и жениха обвязывают куском сетки, чтобы предохранить их от нечистой силы; с этой же целью невесте кладут за пазуху «тридевяť» иголок острием вверх. У старообрядцев в сторожке невесте расплетают косу и надевают (перед венцом)

бабий наряд, а после венца кроме того – повойник. Родители встречают дома молодых с караваем, осыпают их хмелем, зерном и даже монетами в знак пожелания богатства и благополучия. По совершении всех этих обрядностей дружно отводит молодых в спальню и, не отходя от дверей, сторожит покой от «лиходейства» и «порчи». Свадебный пир в казачьем быту не имеет такого значения, как в Малороссии, и часто откладывается на некоторое время, а у бедных даже на несколько месяцев. Во время пира соблюдается, хотя и не так строго, как в прежнее время, множество обрядов и обычаев, разнообразящихся по месту, но в большинстве случаев заимствованных как у великорусов, так и у малорусов. После пира у молодого родителями молодой устраивается последний пир, который носит название «отводов» и после которого жизнь молодых вступает в обычную колею. «Вы теперь не князь и княгиня: берись ты за вилу, а ты за рога» – говорит казачья пословица.

Второй и третий браки у казаков – не в редкость. После сорочин, т. е. спустя 40 дней со смерти мужа, вдова уже начинает присматривать себе «хорошего человека», чтобы иметь помощника в хозяйстве. Взаимные отношения супругов регулируются началами св. Писания и Домостроя. Жена должна бояться мужа, и для внушения этой боязни, ее глава и повелитель зачастую принимает крутые меры. Со своей стороны муж должен любить свою жену, но «так, чтобы она об этом не знала». Женщина в прежнее время считалась существом, стоящим неизмеримо ниже мужчины, и деспотизм в семье со стороны главы-мужа проявлялся во всей его силе. Такое обращение со стороны мужа подтверждается старинными песнями. В наше время нравы смягчились, но убеждение, что «баба одного и боится – кулака» осталось и до сих пор.

Женщины, как вообще у южных великорусов, стоят в церкви позади мужчины. Следы прошлого воззрения на

женщину не исчезли и теперь, но вообще положение женщины у донских казаков, по мнению некоторых наблюдателей, лучше, чем в среде великорусов центральных губерний. В домашнем хозяйстве жена вообще пользуется должным авторитетом, хотя ее имущественные права при жизни мужа и весьма невелики. Случается, что во время частых, порой долговременных отлучек мужа (напр. на войну) казачка изменяет ему. Возвратившийся муж или расходится с ней, или же усыновляет прижитых в его отсутствие детей, а жену даже не наказывает за неверность, справедливо полагая, что «здоровье выбьешь, а что было, того не вернешь».

Воспитанием дочерей занимается мать; отец заботится о сыновьях – подготавливает из них для «службы государевой» наездников и воинов. Крещение детей в казачьем быту имеет большое значение, так как по их понятиям до крещения у младенца души нет, а она вдвухается священником при совершении обряда; некрещеный не может явиться на страшный суд; поэтому восприемников «нужно почитать больше»; вражда между кумом и кумою считается за великий грех и т. п.

В имущественном отношении права жены и детей невелики; они нормируются правилом: «жена – хозяйка своего добра», т. е. она может распоряжаться по своему усмотрению только тем, что принесла с собой от своих родителей; но по смерти мужа (если не было духовного завещания) жена (бездетная вдова получает из имущества только часть, назначенную ей родственниками, которые считаются наследниками) является полной наследницей имущества покойного супруга, а дети наследуют в этом имуществе только со смерти матери. Не отделенный сын имеет весьма незначительное собственное имущество – нажитую на службе «оправу» т. е. оружие, коня с седлом и пр. сбруей. Долги неотделенного сына отец выплачивает сам, но при

этом взыскивает с сына по своему. Консервативность верхового казачества сказывается и в данном случае – власть отца простирается здесь даже на отделившегося женатого сына. Последний хотя и имеет право жаловаться в станичный суд, но влияние общины на семейные отношения невелики. Впрочем в последнее время и в казачьем быту сильно уменьшилась родительская власть. У казаков распространены как большие, так и малые семьи; первые более характерны для низовцев (эти семьи при жизни главы-отца достигают 30–40 человек), а вторые преобладают в северных станицах.

История показывает нам, что донское казачество составилось из двух основных элементов – великорусов (преимущественно старообрядцев) и присоединившихся к ним понемногу малорусов (батраков), как мы выше упоминали. Поэтому и обряды, поверья, приметы, сказки и песни казаков имеют и великорусское, и частью малорусское происхождение и варьируются в самых разнообразных сочетаниях не только в разных уездах, но и в станицах. Выше было уже упомянуто о некоторых обрядах, совершаемых в казачьем быту. Что же касается песен, которые так любят петь казаки, то их можно подразделить на исторические, составляющие богатый и интересный отдел донских песен, и песни семейного быта.

Исторические песни (см. *Савельева*) черпают свое содержание почти исключительно из жизни казачества и его героев – Ермака, Степана Разина, Булавина, Некрасова, Пугачева и др., и в общем хорошо отражают черты соответствующих эпох. Проводя почти всю свою жизнь в битвах и походах против неприятелей, казаки сохранили о них много воспоминаний:

Как гуляли мы, братцы, по синю морю, по Хвалынскому,
Разбивали мы, братцы, бусы-корабли,
Как и те-то кораблики, братцы, не орленые...

Много, много сил пришлось потратить казакам в борьбе с кубанскими и терскими татарами, и долго длилась эта борьба, развившая в них искусное наездничество, ловкость и сметливость. Конь в то время был неразлучным товарищем казака. Одна из песен, довольно распространенная среди донских казаков, изображает, как в поле под кустом лежит молодой израненный донской казак:

Перед ним-то стоит его верный конь,
Он копытом бьет во сыру землю,
Выбил яму по колено он,
Своего будит он хозяина:
«Ты встань, пробудись, добрый молодец,
Ты, хозяин мой, млад донской казак!
Ты садись на меня – слугу верного,
Понесу я тебя да на тихий Дон».
Как коню-то молодец речь возговорил:
«Уж-ты конь, ты мой конь, товарищ верный мой!
Не поднять уж тебе добра молодца.
Ты отбей, оторви шелковый чумбур,
И беги ты, мой конь, да на тихий Дон,
Ты не степною, не дорожною,
Ты тропинкою все звериною,
Куда травушка-ковылушка лежит,
Там холодная криничинька бежит.
Злодей-турчин не поймает тебя,
И татарин не оседлает тебя..
Прибеги же ты, конь, к моему ко двору,
Копытом ударь у вервичка;
Тогда выйдет к тебе вдова старая,
Вдова старая, мать родная моя,
Станет тебя про сына спрашивать:
Не убил, не убил ли ты его?
Ты скажи: он жениться захотел,
Обнимает поле чистое теперь».

Песни о семейном быте казаков или общерусского народного содержания, напр. о горькой доле невестки в чужой семье, о выдаче замуж за немилого и пр., или сложились в

условиях собственно казачьей жизни, каковы, напр., песни, изображающие трогательную сцену прощания матери с сыном, когда он отправляется на службу государеву. Много песен и об «игреливых» женах, обманывающих своих мужей, пока они воюют на чуждадельней стороне. За последнее время народные старые казачьи песни вытесняются пошлыми городскими романсами, в чем немалую роль играет необыкновенное развитие южнорусских промышленных центров.

Болгары, как составной элемент сельского населения Новороссии, относятся к общей группе представителей славянского племени в крае, известной под именем группы так называемых «задунайских переселенцев». В 1752 году полковником Хорватом, по поручению имп. Елизаветы, были выведены с Балканского полуострова и поселены в Славяносербском, ныне Луганском уезде Екатеринославской губ. 620 семей сербов; вместе с ними перешли в Россию также черногорцы, болгары и выходцы из молдаван, мадьяр и албанцев. Вся эта неоднократно пополняемая смесь частью осталась в «Славяносербии», частью была поселена вдоль тогдашней польской границы, в заднепровских уездах Херсонской губ. – «в Новосербии» (Александрийском и Елисаветградском). Образовались известные в истории «роты». Впоследствии (1806–12, 1830–34, 1860–62 гг.) переселились в Новосербию еще несколько больших смешанных партий, но преимущественно болгар из Македонии, Румелии, Добруджи, Софийского, Пиротского, Берковицкого и Кюстенджийского округов, расселившихся по всему югу. В настоящее время большинство балканских переселенцев на юге России составляют болгары, на которых мы и остановимся подробнее, так как сербы и черногорцы, при их незначительном количестве и смешанности с другими

элементами, почти уже утратили свою национальность, внешний и внутренний быт своих предков и слились частью с молдаванами, частью с малорусами, отличаясь от последних разве большей смуглостью, живостью и меньшим количеством разных суеверий и примет.

Численность болгар в Новороссии простирается до 170 тысяч. Живут они в Бессарабии колониями и отдельными хуторами среди молдаван и малорусов, в Бендерском (с. Комрат) и Измаильском уездах, с заштатным городом Болградом в центре. В Херсонской и Таврической губерниях они живут в старых болгаро-греческих колониях – Большом и Малом Буялыках, Кубанке (Одесского у.), Каторжинке, Парканах (Тираспольского у.), Терновке (Херсонского у.), Балточокраке (Симферопольского у.), Старом Крыму и Кишлавке (Федосийского у.). Много чисто болгарских колоний находится в Бердянском и Мелитопольском уездах Таврической губ.; наконец несколько болгарских колоний существует в бывшем Славяносербском (ныне Луганском) уезде. Все болгары, живущие в пределах рассматриваемой области, разделяются на старых, переселившихся сюда из Македонии до 1830 г., и новых, или, как они называют себя, «черных». В Мало-Буялыцкой колонии есть еще кроме того болгарские выходцы из Добруджи – «*гагаузы*» и «*шопы*», эмигрировавшие в Россию из Софийского, Пиротского и Кюстенджийского округов.

По своему физическому типу русские болгары не отличаются от балканских. Они среднего роста, не очень крепкого сложения, цвет лица имеют смуглый, волосы черные и курчавые, глаза живые и выразительные, нос с горбиной, губы широкие. Женщины, красивые в молодости, быстро стареют и к тридцати годам зачастую кажутся уже старухами. Старые и «черные» болгары говорят по-болгарски (болгары 19 бессарабских колоний говорят обыкно-

венно по-молдавански) и почти все знают и русский язык. Старые болгары сохранили славянскую азбуку, а черные приняли буквы греческого письма. Гагаузы говорят по-турецки, но употребляют волошскую грамоту. Будучи православными, они справляют некоторые храмовые праздники на манер мусульманских курбанов (байрам).

Болгарские дома, выбеленные внутри и снаружи, строятся из кирпича или из глины с хворостом. Материалом для крыш служит черепица. Внутренность дома составляют три или четыре комнаты с глиняным, а иногда и деревянным полом; меблировка состоит из дивана (Иногда диваны делают из земли. Сверху такой диван устилают коврами), обитого ярким ситцем, и нескольких крашенных столов и стульев; стены увешиваются коврами, ручниками и тарелками, увитыми засохшими цветами; в красном углу висят образа. У богатых болгар обстановка лучше: кроме ковров на стены вешаются зеркала. Семья и сам болгарин в обыкновенное время не живут в этих комнатах, а ютятся весь день в особой клетушке, устроенной между домом и сараем или какой-нибудь другой хозяйственной пристройкой; печь этого помещения очень первобытна и не имеет трубы, так что дым выходит в отверстие в потолке.

Обыкновенная одежда болгарина — черная куртка, цветной кушак, *«гашти»* — шаровары, барашковая шапка, *«церзули»* (поршни).

Почти полное отсутствие образования является причиной косности болгар, придерживающихся до сих пор старых общеславянских суеверий и обычаев — остатков языческого периода; обычай — закон для болгарина. Впрочем в тех местах, где болгары по местным условиям соприкасаются с немцами, греками и русскими, старинные предания и обычаи начинают мало-помалу исчезать. Наоборот, феодосийские болгары, окруженные бедным татарским населением,

более всего сохранили старинные религиозно-языческие обрядности и национально-бытовые черты.

Вампиры, русалки, страшные чудовища — змеи, которые влюбляются в красивых девушек и крадут их, *«караконджулы»*, т. е. колдуны, бродящие по ночам и пугающие добрых людей — продолжают существовать в воображении болгар. По болгарскому поверью, в мире существует *«смок»* — громадный удав с кулаком на хвосте, которым он убивает людей. На третий день после рождения ребенка являются к нему мифические женщины — *«урисницы»* и определяют судьбу его, причем их даже можно слышать; поэтому семья хранит глубокое молчание в этот день после обеда, ожидая их далеко за полночь. Некрещеного ребенка болгары считают за еврея, почему его нельзя целовать; а тот, кто не крестил ни одного ребенка, после смерти обращается в жабу. Гром происходит от того, что пророк Илья ездит в колеснице и преследует дьявола, который спасается тем, что входит в собаку; поэтому последнюю не нужно держать на улице во время грозы. Хорошим подарком считается поросенок, так как он роет дорогу в рай. Души умерших все запираются в одну комнату в Иерусалиме, где они ожидают страшного суда. В карман покойнику кладутся деньги, чтобы он мог расплатиться на том свете, если кому должен. У болгар есть много примет по хозяйству, перешедших может быть частью от русских; напр., нельзя ругать и проклинать скотину, так как она может известись; перед началом сеяния нужно испечь лепешку, покатить ее по ниве, а потом съесть, и тогда будет урожай; окончив *«косовицу»*, надо оставить на лугу клочок бороды, чтобы в следующем году получить хороший укос и т. д.

Девятого мая происходит встреча лета или *«поперуга лета»*, что значит в переводе — ласточка летает (в Бердянском уезде название искажено в *«пеперуда ляда»* — мотылек ку-

пается). В этот день по домам ходит девочка – сирота с венком на голове и кропит водой все комнаты, за что ее награждают мукой, маслом и пр. Летом в праздник молодежи обыкновенно водит «хору» или хоровод, на котором поются песни под аккомпанемент болгарских национальных инструментов – «гайды» (козья шкура с приделанными к ней трубками) или «кеменче» (род трехструнной скрипки), а в последнее время и русской гармоникой. Осенью после полевых работ молодежь собирается около костров, которые раньше раскладывались прямо на улице, но из-за безопасности воспрещены полицией, и потому молодежь в некоторых деревнях стала собираться по домам; в последнем случае эти сборища – «супредки» или «седянки» утрачивают уже прежнюю оригинальность и обращаются в простые вечеринки. Кое-где сохранилась еще «межа», во время которой женщины собираются в один дом и прядут в пользу хозяйки за угощение с ее стороны, и «дружины-зупрядки», но без парней. Народные песни, бедные по содержанию и с заунывным, однообразным мотивом, поются почти исключительно женщинами и в последнее время вытесняются русскими; остались кое-где «колядки» – плач матери по сыне.

Семейный быт колониста-болгарина не вышел еще из-под основ патриархальности; следы восточного деспотизма по отношению мужа к женщине наблюдается и по сей час. При посещении дома почетным гостем хозяйка и дочь ее выходят из своей половины, но после приветствия удаляются обратно. У старших мужчин женщины в знак уважения к ним целуют руки и стоят в их присутствии. Необыкновенная скромность болгар способствует сохранению такого рода обычаев.

Мужчины вступают в брак 18–20 лет, а девушка 16–18; поздние браки редки. Согласие родителей на брак детей нередко происходит торжественно – в семейном совете с

участием всех родственников. Свадьбе обыкновенно предшествует, как и у славян, «главеш», т. е. сватовство; он происходит в присутствии родственников той и другой стороны с соблюдением многочисленных обычаев. В роли сватов выступают или сами родители жениха, или кто-либо из родственников; придя в дом невесты с подарками (вино, раки, орехи, хлеб), они заявляют о цели своего посещения. Жених и невеста отсутствуют; последняя входит после изъявления согласия родителей ее и должна также заявить о своем согласии, после чего, при дальнейших переговорах о приданом и устройстве свадьбы она все время молча стоит у печки, покрыв голову «мрежей», т. е. кисеей. Потом входит жених, подносит будущему тестю в подарок штоф водки и целует у него руки. Невеста в свою очередь целует руки своих будущих родственников – родителей жениха и его самого, с которым тут же обменивается, в качестве залога, подарками; невеста дает жениху перстень («главенит»), на указательный палец и вязаный шерстяной пояс сажени в 1½ длиной и в четверть аршина шириной, а он ей – кольцо, платок или даже платье, червонцы для мониета и пшеницу или хлеб. После этого они считаются уже женихом и невестой («главеник» и «главеница»); танцами и угощением завершается этот вечер. «Главеш» у богатых происходит несколько иначе и носит название «годяша». Особенность его состоит в следующем. Обменявшись подарками, невеста предлагает жениху в блюдечке вино, которое он выливает на пол и наступает на него, после чего они оба ломают и раздают гостям «питу», т. е. плоский хлеб около аршина в диаметре, испеченный матерью жениха.

Перед *свадьбой*, которая происходит всегда в воскресенье, бывает еще вечеринка – «засевки», во время которой пекут на меду калач «меденик» с изюмом из муки, просеваемой сквозь сито тут же, в присутствии приглашенных

гостей. Почетную роль на этих засевках, как и в самой свадебной церемонии, играет кум, который вместе со своей женой покупает все необходимое для свадьбы. Особые свадебные кушанья составляют «*кишкет*» из чистой без шелухи пшеницы, жареный с маслом или бараньим салом, «*печево*» – мясо, «*кибаб*», «*мизе*», пирог – «*млин*», «*кони-ска*» и пр. В церковь к венчанию приглашенные на свадьбу отправляются двумя поездами: один – от жениха, другой – от невесты, у которой деверь перед отъездом переменяет обувь. При совершении обряда венцы над головами брачующихся держат крестные или кто-нибудь из родных; среди них стоят деверь и золовка, держа друг друга за руки; невеста на левой руке держит платье и покрывало, подаренные во время обряда крестной матерью.

По окончании обряда молодые отправляются каждый в свой дом. Немного погодя жених вместе с распорядителями свадебного пира – «измитчиями» во главе с крестным отцом, с музыкой и ружейными выстрелами направляются в дом невесты. При входе в дом молодухи, где уже происходят танцы – «раченицы», молодой через деверя должен дать в виде выкупа за нее полотенце и петуха с ожерельем из изюма на шее и платком под крыльями. Пляску с петухом исполняет «*тетелджий*». После танцев подходит к молодухе кума и прикрывает ей лицо, при пении особой песни, алым платком – «*було*», а родственники на свои головы надевают венки из васильков. Потом молодая прощается с родными, и вместе с приданым, сложенным на подводы, все отправляются в дом молодого, сохраняя молчание, пока не выйдут за ворота. Процессию встречают родители молодого со свечами, вставленными в глубокие тарелки с мукой; отец подносит новобрачным хлеб-соль и, накинув на них пояс, вводит в дом. Здесь молодая приветствует новых родственников, помазав уста их медом. На утро молодая

в знак уважения к свекру и свекрови умывает им лицо и ноги (восточный обычай), а потом идет к колодцу за водой, становясь таким образом членом в новой семье. Вечером у молодых устраивается пирушка, а на другой день утром молодая вместе с золовкой и деверем идут в сад, где деверь снимает «*було*» с лица невестки и забрасывает его на дерево, откуда мальчуганы охотно достают его за вознаграждение и отдают молодухе. Во главе всех свадебных процессий носит знамя – «*праторица*» с засаженным на шесть яблоком с разноцветными нитками и полотенцем «*пишикирем*».

Чрезвычайно пестрое население нынешней Бессарабии состоит по преимуществу из **молдаво-валахов** или румын – свыше 920 тысяч, что составляет до 48% всего населения, заселившего большую ее часть. Встречаются они и в Херсонской губ. (около 6%), и в Екатеринославской (до 0,2%). По одному предположению, молдаване происходят от даков или гетов, смешавшихся с римскими колонистами, откуда они и получили название «ромын»; ближайшие же соседи называли их «влахами» или «валахами» (– земледелец). В IV–VI веках валахи были вытеснены гуннами и аvaraми в Карпаты, откуда вероятно появилось название «молдаван» (мунтане – monte – гора); в X–XIII веках, спустившись вновь к Дунаю, они слились с половцами и печенегами. По другому предположению румыны – прямые потомки римских колонистов Мизии (нынешней Болгарии). Наконец, по третьему предположению – они происходят даже от половцев или куманов (по Шинкаю). Несмотря на многочисленные исследования вопрос о происхождении молдаван остается до сих пор открытым. Вернее всего, что народы, проходившие через южную Россию на запад, частью оседавшие по Дунаю, влияли на образование молдаванской народности, подтверждением чего служит большое коли-

чество турецких, мажарских и славянских слов в их языке, а с 1834 г. влияние оказывал введенный в присутственных местах русский язык.

Нравственность, честность, трезвость и, наконец, уважение к старшим и заветам прошлого составляют отличительные черты характера **молдаванина**. Последний чаще всего обладает коренастым сложением, среднего роста (163,3–164,6 сант.), смуглым, с красивыми чертами лицом, иногда с длинными волосами, встречаемыми теперь только у пастухов, и карими глазами. Холщевая рубаха (*измена*), перехваченная саженым поясом, с наброшенной на нее свиткой из домашнего сукна (*манту*), с аршинным отложным воротником, шаровары, кожаные лапти и соломенная шляпа – составляют летний будничный костюм молдаванина. Зимой же его сменяет кожаный сапог и смушковая шапка. В праздник молдаванин щеголяет сапогами с высокими каблуками и фигурной строчкой, синими демикатоновыми шароварами, полушелковым кафтаном (*питейру*), перетянутым цветным кушаком, увешанным у богатых различными металлическими украшениями и побрякушками, иногда с кисетом; куртка или подбитая мехом куцавейка довершает праздничный костюм. Одежда пастуха-чебана значительно проще: черная баранья шапка, белый кафтан, перехваченный широким ремнем, а поверх серый халат с капюшоном. Бумажное, полосатое, темного цвета платье, часто с вырезом на груди, и куцавейка со своеобразной юбкой – «катринцы» составляют обычный костюм молдаванки. Девушки заплетают свои волосы в множество кос, скрепляя их гребнями; женщины повязываются платком. В праздничные дни появляются полушелковое платье, стянутое поясом с металлическими застежками, куцавейка на меху, отороченная блестящим галуном, сапоги из красной или желтой кожи и наконец масса бус и мониста из турецких монет.

Хата окнами во двор, крытая соломой, вымазанная снаружи желтой глиной с черными краями, а внутри белой глиной, с сенями, в которых готовится пища, состоит из одной – двух комнат. Одна из них – с образом в переднем углу, со столом под ним, покрытым белой скатертью, с лавками по стенам, устланными войлоком, с сундуками, наполненными всякого рода домашним скарбом, с шестом через всю комнату, служащим для сушки платья, с полкой для духовных книг, сушеных трав – является и спальней, и приемной. У зажиточных крестьян убраны коврами не только стены, но и пол. Другая комната, в которой стоит обеденный стол и прочая незатейливая мебель, предназначена для трапезы.

Пища молдаван не разнообразна: кукуруза во всех ее видах: «малай» – хлеб, «мамалыга» – лепешки из кукурузного толокна, «плинчида» – пирожки с тарелку величиной, борщ с говядиной (вяленая – «настрада»), колбасы («кирначи» – сухие) и молочные продукты («брынза», ватрушки и проч.); при случае они запивают пищу бражкой, приготовленной из просяной муки. Провизию молдаване держат в сенцах, помещающихся обыкновенно позади хаты.

В IX в. христианское учение св. Кирилла распространилось среди молдаван, а с 1634 г. они совсем признали авторитет константинопольского патриарха и православие; но все же малорусы дразнят молдаван: «эй ты, тринадцатой веры!» (кликча эта объясняется религиозной обособленностью и необщительностью молдаванина). С 1876 г. богослужение у всех молдаван совершается на церковнославянском языке. Много языческих суеверий сохранилось до настоящих дней и живет в сознании молдаванина; все еще существуют у них домовые – «стахи», ведьмы – «тригои», тени умерших, встающих из могил в день св. Андрея, против которых всемогущ один чеснок, спрятанный в дверях

и на окнах. По представлениям молдаван, дети, умершие некрещеными, будут беспокоить по ночам своих матерей, прося у них груди, если в праздник Крещения их могилы не окропляются святой водой в течение семи лет. Всяческие бедствия, как бури, пропажа полотна, исчезновение детей, приписываются злым русалиям, и единственное, что отражает бедствие, это – полынь, спрятанная женщинами за поясом или под подушку. Дурной человек имеет будто бы пестрые кишки. Перешедшие с запада обряды до сих пор сохранились среди молдаван, хотя часто сильно видоизменены, напр., римская либация в честь богов выражается в том, что молдаванин, прежде чем прикоснуться к напитку, дует на него, чтобы отогнать мертвецов; или еще в руку умершего кладется монета (обол Харона). В Оргеевском у. празднуется девять четвергов после Пасхи в честь Жоя (четверг – день Юпитера). Исполняются и некоторые языческие обычаи, напр. закапывание в гнезда будущего фундамента бараньих голов и горшков с водой при постройке хаты, проводы покойника, по старинному – непременно даже летом на саях, запряженных четырьмя волами с рогами, перевязанными белыми холстинными полотенцами, кидание денег на «зубок» новорожденному, положенному на козюх, и всевозможные виды ворожбы. Особенным почетом пользуются знахарки, держащие в своих руках судьбы целого околотка.

Свадебный обряд включает много обычаев поэтического характера. Жених выкрадывает невесту, пользуясь услугами сватов, или добивается согласия на брак, усевшись на печь в доме своей невесты, родители которой в этом видят просьбу о браке. В настоящее время впрочем этот обряд утратил в значительной степени свой поэтический облик и свелся к соблюдению необходимых формальностей, включая услуги сватов, действующих обыкновенно

за известную мзду. Обручение происходит таким образом: жениху и невесте подносят тарелку с кольцами, обсыпанными пшеницей, которыми они обмениваются; тут же ведутся переговоры о приданом. Венчание происходит в ближайшее воскресенье после того, как отец невесты, наведя справки о женихе, уговорится со священниками накануне. Свадебный поезд (*нупта*) останавливается шафером невесты, который с шафером жениха, прибыв к невесте, произносит стихотворное приветствие – «конокарь», в котором жених величается царем, а невеста – цветком, которому предстоит перейти «через широкие воды и высокие горы в царские палаты, где он разрастется, пышно расцветет и принесет плоды». Женщины, окружающие невесту, повязывают ее голову платком (*нафрами*), что сохранилось по течению Прута. После этого шафера, захватив жениха, направляются в хату нареченной, которая осыпает жениха хмелем, бросает несколько монет и кропит водой.

После обеда у невесты жених, забрав приданое, сопровождаемый всем свадебным поездом, отвозит невесту в свой дом, где и заканчивается вечер танцами. В день свадьбы дорога к церкви кропится водой, за что жених выплачивает «*бакиши*». Невеста с кусочком чеснока под косой, который излечивает будущего мужа от строптивости, идет к венцу. Вечером устраивается большой обед для посаженных отца и матери; холостые обедают в отдельной комнате. Все гости после поздравлений и приветствий одаривают молодых деньгами, курами и проч. Наконец вечер оканчивается после утомительных танцев; посаженная мать ведет молодых в спальню, где невеста снимает сапоги с мужа, что обозначает покорность. Утром посаженная мать с калачом, намазанным медом, идет будить молодых. Здесь молодухе повязывают голову платком «по-бабьи», а музыка играет печальную «*дойну*» (песнь) под аккомпанемент плача родственников.

В праздник девушки (*фетимат*) и парни (*флэкэй*), разряженные в лучшие свои костюмы, собираются к дому одного из почтенных односельчан, где составляется «хора» с характерной пляской «*джок*» (джэк), имеющий много общего с античным танцем римлян (*chorus*), увековеченным на древних барельефах. Холостая молодежь, взявшись за руки, располагается большим кругом и под звуки доморощенного оркестра, помещенного в середине, состоящего из скрипок, кобзы (род балалайки с массой струн), чимпоа (волынки) и т. д., исполняет замысловатый танец с фигурами, остановками и неожиданностями. Один из мужчин с палкой в руках и прикрепленным к ней платком распрямляется танцами; раздаются остроты, прибаутки, песни, окрики, вроде «шибче скрипки!», а старики со старухами, сидя на завалинках, любят свою молодежь. Зимой парубки и девушки собираются на «*клаки*» и сходные с малорусскими вечерницами «*шезетоары*». Здесь характерный национальный танец «*мунтеняска*» или «*войничаска*» воодушевляет всех своей живостью.

Постоянное общение с природой выработало в молдаванах любовь к фантастическому и фатальному. В их сказках (басма) золотые мосты, рубиновые яблоки, хрустальные дворцы, страшные чудовища играют большую роль. В очень распространенной сказке о золотоволосом герое (Фэт-Логафэта), который побеждает страшного, с челюстями от неба до земли дракона, нетрудно провести аналогию со златокудрым Аполлоном древних. Румынские песни – двух типов: «*дойна*» (*do na*), выражающая грусть или любовные терзания (*жале, дор, драгосте*), и «*дойна-гоц*» (гайдука-разбойник), прославляющая разбойничьи подвиги. Напев дойны – однообразный, по преданию досадивший даже черту. По содержанию в дойне преобладает лирический элемент. Разбойничьи песни гораздо интереснее, в особен-

ности те, которые слагались самими «гоцами» – «павлинчиками лесов», любимцами красавиц, грозой чокоев (чиновников); в них особенно оттенен характер богатой природы Бессарабии. Вот, напр., один из образцов дойны:

«– Милочка моя, милая Мария, с белой кожейцей, с черной косой... Спой мне песню, как пела ты вечером над обрывом, внизу под мельницами... О, лес, о, житель лесов! Дорогой мой густой лес!.. Я не выйду из тебя, потому что судьба предназначила мне выйти молодым без усов... А теперь я брею бороду бритвой... О, Ольт, о, житель Ольта, расти бы по твоему берегу траве да бурьяну, чтобы пасся мой гнедой конь и чтобы от Дуная до Прута он не пил воды и не ел травы... О, горе мне, что за зарево огня виднеется под навесом леса зеленого? Издали будто огонек, а вблизи огонь большой... Вокруг костра сидят гайдуки лесов, не знаю – десять их или пятнадцать, но число не перевалит через сотню... И жарят они барана. Не жарят, как обыкновенно делается, но выворачивают на крюках и крутят на кольцах... О, милая зазноба моя! О, лес! О, житель лесов! Опусть свой навес и прикрой мое оружие, потому что я не заработал ни одного гроша с тех пор, как купил его... И вошел я в тебя молодым мальчишкой, а теперь я глубокий старик... О, милая моя, овечка дорогая!..»

О героях «Кодряне» и «Тобольтоке», гуляющих в широком «манту», у молдаван есть целые поэмы. Турецкое иго, набеги буджакских татар и в особенности нашествие греков-фанариотов в XVIII в. положили неизгладимые следы на условия быта молдаван, заставив многих из них оставлять дома, скрываться в лесах, объединяться разбойничьими шайками, выступая за правое дело. Это не были худшие люди, как «талагары» (мошенники); они выступали мстителями за поправленную свободу, защитниками угнетенных, отдавая награбленное беднякам, соблюдая посты,

идя даже на убийство. Народ идеализировал их в своих песнях и, хотя давно уже нет «гоцев», память о них сохраняется в народе до сего времени: пещеры берегов Днестра и Реута красноречиво говорят о славных подвигах «гоцев»; по сию пору сохранилось предание о корчме «Ботна», находившейся между Кишиневом и Ганчештами – старинном притоне разбойников; а любимой игрой детей является игра в «гоцев и полицию».

Семейный быт молдаван носит патриархальный характер, выражающийся главным образом в повиновении младших членов старшим.

Цыгане* пришли в Западную Россию вероятно через Польшу. О времени их прихода нет достоверных сведений, но уже в XIV в. они по всей вероятности кочевали в пределах Польши. В 1501 г. цыганский войт Василий получил от короля Александра грамоту, которой цыганам разрешалось кочевать в пределах Польши и иметь свой суд. С начала второй половины XV в. в Польше последовало несколько постановлений сейма, которыми объявлялось изгнание цыган из пределов государства; впервые такой закон вышел в 1557 г. Постановления сеймов, многократно подтверждаемые, не привели, однако, к окончательному выселению цыган из Польши. Хотя в пределах Литвы цыгане упоминаются еще в начале XVI в., но польские законы об их изгнании бесспорно содействовали переходу цыган из Польши на территорию Литовско-Русского государства. В Польше в XVI в. цыган считали эфиопами, выходцами из Африки. Впрочем в настоящее время известно, что язык, на котором говорят цыгане, – индусский, а родина их – северо-западная часть

* Нижеследующий очерк, посвященный жизни цыган, взят из т. IX «России. Полное описание...» (СПб. 1905. С. 225–227) и дополняет сведения о цыганах, представленные в т. XIV и помещаемые ниже.

Индии; цыгане сравнительно недавно оставили свою родину, именно в конце X в. нашей эры и из Индии через Персию и Армению пришли в Европу, где они появились в начале XIV в. Они очень скоро разбрелись по разным странам Западной Европы.

Интересно, что цыгане, насколько известна история их в Западной Европе, остались и поныне на той же ступени культуры, с теми же привычками, родом занятий, с какими они впервые появились в Европе. Уже в XVI в., по имеющимся сведениям, цыган очень недолго любили в Западной России за их склонность к воровству и к чародейству. Те же особенности цыганского быта давали повод европейским государствам изгонять цыган и даже избивать их. В пределах Литовско-Русского государства цыгане вели кочевой образ жизни, занимались конокрадством, знахарством и не сливались с другими народами страны. Они имели своих старших, которые назывались войтами, воеводами. В 1671 г. польское правительство сделало попытку приучить цыган к оседлой жизни и дало им административное устройство; избираемый ими самими начальник получил название «цыганского короля».

И в настоящее время цыгане четырех белорусских губерний ведут бродячий образ жизни, несмотря на существующие распоряжения об избрании ими постоянного местожительства. Зимой цыгане живут отдельными семьями, напросившись «в соседи» к кому-нибудь из крестьян. С ранней весны цыгане небольшими группами составляют табор и отправляются кочевать. Великорусского типа кибитка с кожаным верхом, нагруженная домашним скотом, и несколько лошадей составляют все богатство цыганской семьи. Женщины и маленькие ребяташки, грязные и полунагие, наполняют кибитку; на облучке сидит глава семьи, а парни, если есть свободная лошадь, едут

верхом. Выбрав где-нибудь место для остановки, удобное для корму лошадей, цыгане разбивают свои шатры, и вся семья отправляется по соседним деревням на промыслы; остается только кто-нибудь для охраны имущества и наблюдения за лошадьми, Промыслы белорусских цыган те же, что и всех других: женщины занимаются выпрашиванием подаваний, гаданием и мелким воровством, мужчины – лечением лошадей и другого скота, знахарством и конокрадством. Цыгане – очень ловкие воры, почему крестьяне их весьма побаиваются; крестьянин готов на всякие уступки, лишь бы не поссориться с цыганом.

Среди белорусских крестьян ходит множество рассказов о проявляемой цыганами находчивости при воровстве и обманах. Смоленские крестьяне даже рассказывают о том, как цыган обманул св. Георгия Победоносца.

Один цыган будто бы встретился со св. Георгием. Георгий Победоносец ехал на дивном коне, подкованном золотыми и серебряными подковами. И стал цыган жаловаться ему, Георгию Победоносцу, на свою горькую участь. Георгий отнесся к жалобе цыгана с большим вниманием и передал ее Богу. Бог внимательно выслушал жалобу Георгия Победоносца, а потом сказал: «Народ этот – вор, таким он был, таким и останется, и не стоит за него заступаться. А где ж подкова на твоей лошади? Ведь ты, разжалобившись, и не заметил, как цыган ее снял во время разговора».

«Мужик кучу веить, а цыган кала кучи руки греить», говорит белорусская пословица. Неудивительно поэтому, что крестьяне побаиваются цыган. Последние иногда обладают таким значением в волости, что даже оказывают влияние на выборы волостного и сельского начальства.

Цыгане вообще туго сливаются с другими народностями. Исследователи их быта отмечают характерную черту в том, что крестьянка, вышедшая за цыгана замуж, очень скоро

«прицыганивается»: «больше бойся прицыганку, чем цыгана», говорит пословица. Но зато цыганка, вышедшая замуж за мужика, вполне оказывается подходящею к крестьянскому быту; и цыган, попадающий в крестьянскую семью, оказывается вполне пригодным к работе.

По религии цыгане распадаются на православных и католиков. Но они вообще не отличаются религиозностью; в Белоруссии распространена поговорка, известная и в других местностях: на вопрос, какой ты веры, цыган отвечает: «а тебе какой надо?» Цыгане говорят на своем особом цыганском языке с большою примесью белорусских слов.

Особенность цыган выражается в том, что они в известной округе составляют одну общину. Члены такой общины крепко связаны, помогают друг другу в воровстве и распределяют похищенное; если неотразимые улики падают на всю общину, то по ее решению кто-нибудь один берет на себя всю вину и старается выгородить остальных. У цыган в известных округах есть свой глава, которому остальные беспрекословно повинуются; «старший» запрещает своим подчиненным трогать того или другого крестьянина или помещика, возвращает похищенное владельцу, если это находит выгодным и т. п.; иногда старшие за всех своих ручаются перед полицией или помещиками, и к этим обязательствам в Белоруссии относятся с большим доверием. В подобных случаях старший берет со своих подчиненных присягу, и цыгане уверяют, что такая присяга тяжела, неотразима и ненарушима: они клянутся самым дорогим для себя предметом – своими детьми, которые тут же присутствуют.

Цыгане носят одежду, отличную от белорусской. Мужчины усвоили великорусскую одежду – рубаху с косым воротом, широкие шаровары, поддевку. Женщины кроме рубахи и ситцевой юбки яркого цвета надевают сверху «капу» – кусок шерстяной или бумажной материи, сшитой

сверху так, чтобы свободно входила голова; она лежит на плечах, прикрывая почти до земли левую половину туловища; голову женщины повязывают платком яркого цвета на манер турецкой чалмы.

Бездомная жизнь цыган не способствовала выработке сложного обрядового ритуала. Их обряды очень просты, а если и осложняются, то лишь обрядами, заимствованными у крестьян. Цыгане не выполняют обрядов, соединенных с праздниками: по белорусской поговорке, у цыгана тогда праздник, когда он сыт. Родины, похороны и свадьба служат для цыганской семьи прекрасным мотивом к сбору подаяний. Цыган приглашает крестьянина в кумовья и угощается на его же счет; на подаяния же цыгане хоронят своих покойников и женят молодых.

Целый ряд научных исследований, масса преданий и догадок все же не вполне выясняют вопрос о происхождении **цыган***, этого вечно кочующего из страны в страну народа. Еще у Геродота упоминается о виденном им народе с черными глазами и курчавыми волосами, кочующем в Колхиде, но нет никаких прямых данных, что здесь речь идет о цыганах. К таким же сомнительным источникам можно отнести литературное мнение о происхождении цыган из Танжитании, лежащей между Мавританией и Нумидией (нынешние Марокко и Тунис). Сами цыгане считают себя прямыми потомками египетских фараонов (фараониты), но полное отращивание их к земледелию не соответствует представлению об Египте, как искони земледельческой стране. Больше всего данных причислить цыган к племени, прежде населявшему Индостан, где они составляли класс париев. Язык цыган имеет много слов санскритского корня, сохранившаяся у индусов; некоторые грамматические осо-

* «Россия. Полное описание...» т. XIV. Спб. 1910. С. 207–209.

бенности (производство слов женского рода от мужского), а также антропологическое измерение черепов (узконосы, среднеголовы с продолговатым лицом) говорят за то, чтобы остановиться на последнем предположении.

После нашествия Тамерлана цыгане (*тишиггане*) ушли в Африку; оттуда часть их переправилась в Европу через Архипелаг, Ионийское море и Малую Азию (польские и западно-русские), остальные же через Персию и Кавказ дошли по Волге до Москвы. Бессарабские цыгане (*«лаеши»*) вскоре появились в Екатеринославской губернии и на Крымском полуострове, где позднейшие пришельцы из них получили название «плащеватых цыган». В отличие от своих соплеменников «плащеватых аюджи» (вожаки медведей, праздношатающиеся), говорящих по-цыгански, крымские, давно поселившиеся цыгане, смешавшись с туземным населением, приняв магометанство и усвоив многие местные обычаи и татарский язык, сами стали называть себя «туркменами» и живут оседло (напр. в Салачике – цыганском предместье Бахчисарая и др.).

Вековое кочевание из страны в страну выработало в цыганах безумную жажду свободы, и сколько ни старались закрепить их к земле, из этого ничего не вышло. Попытка русского правительства в 1832 г. сделать их оседлыми в Аккерманском у. потерпела неудачу. Не лучше была и отдача их в военное ведомство (дунайское войско), или приписка к мещанству в Екатеринославской губ. В первом Донском округе Донской обл. большинство почтарей – цыгане.

Существует два типа цыган: одни выше среднего роста, гибкие, среднеголовые, с удлиненным овалом лица, с изящными, тонкими чертами, тонким, часто хищническим носом и горящими, как уголь, черными глазами; таких можно причислить к чистому типу; другие, с более грубыми лицами и менее энергичным взглядом происходят вероятно от сме-

шения с татарами. Цыганки большею частью грациозны и красивы в молодости, но красота их к тридцати годам переходит нередко в безобразие, наводящее ужас на детей. В речи цыган много индусского, перемешанного со словами различных народностей запада и востока (семитских, тюркских и др.). В Бессарабии они говорят по-молдавански; наиболее населенное цыганское местечко – Миклеушаны, в 35 вер. от Кишинева, затем Каира и Фараоновка.

Цыгане одеваются «во что Бог послал» – зипуны, рубахи, шаровары, а иногда их костюм до того фантастичен, что ни одно перо не в состоянии описать этого одевания. Дети лет до двенадцати бегают нагишом и только в стужу залезают в мешки и перины. Женщины немного больше обращают внимания на свою внешность: холщовая рубаха с вырезом на груди, полосатый передник красного или зеленого цвета поверх юбки, цветной платок-шаль, накинутый на плечи, масса золотых и серебряных браслет, монет, побрякушек, большие кольцообразные серьги – составляют оригинальное одевание цыганки.

Летом небольшой шатер (с необходимой домашней утварью, кузнечными инструментами, казаном (котлом) для приготовления заимствованного у молдаван кушанья «малыги») служит обиталищем, и никакие блага жизни не могут заменить цыгану общения с природой и безграничной свободы. Зимой цыгане выкапывают ямы глубиной в аршин, длиною в две сажени, загоняют бревна, обшитые досками и оставляют пролет, заменяющий дверь, часто закрытый только шалью; внутри устанавливают колоду с пустой сердцевинной, служащую очагом, а в крыне оставляют отверстие для дымовой тяги, наконец забрасывают свою постройку землей и грязью. Это первобытное, недорого стоящее строение «бурдей», которое не жаль бросить в любом месте, служит цыгану зимовьем.

Характерная для цыган лень и полная беспечность заставляют их скорее выпрашивать или воровать, чем приниматься за какое-нибудь дело; даже приготовление пищи представляет для них большое затруднение. Кочевая жизнь с незапамятных времен развила в них огромную наблюдательность, хитрость, пронырливый ум, умение применяться к обстоятельствам, действовать на суеверие людей, вследствие чего народ видит в них чародеев, предсказателей и искусных гадалщиков. Недаром малорусы говорят: *«где жид не прошел, там цыган проползет»*. Действительно цыган старается не пропустить случая, чтобы извлечь для себя выгоду; напр., из-за подарков, приносимых родственниками, цыган крестит своих детей по нескольку раз; чтобы избежать преследования за бесписьменность, он не прочь записать в чужом паспорте свою дочь.

Несмотря на свой ум и вообще отсутствие предрассудков, цыгане больше всего боятся смерти, почему клятва именем умерших предков считается священной, к каковой они и прибегают лишь в исключительных случаях. Если цыгане и занимаются чем-нибудь, то самым легким ремеслом: меной лошадей, торговлей, слесарным или кузнечным делом и обыкновенно конокрадством. Всем известна природная талантливость цыган к музыке, пению, дрессировке животных, из которой они извлекают немалую пользу. Вследствие особенностей своего быта цыгане не чувствуют стремления не только к образованию, но и к простой грамотности.

Верования цыган представляют пеструю смесь религиозных воззрений азиатских и европейских народов, среди которых они кочевали. Ислам, христианство, реализм уживаются наряду с индусским пантеизмом и идеализмом. Вера в кабалистические знаки, любовь к амулетам, приносящим, по их мнению, счастье своим обладателям и изображающим

луну, звезды, змей, всадников, указывают на отзвуки идолопоклонства. Соседи с пренебрежением относятся к верованиям цыган, и у молдаван, напр., сложилась поговорка: «цыган построил молельню из брынзы, которую собаки съели». Официально цыгане считаются исповедующими религию, господствующую в стране: так, в России они православные, кроме крымских цыган, принявших в XV в. магометанство.

У всех цыган *браки* совершаются удивительно просто: жених, испросив благословение одного из стариков табора, после попойки уводит невесту в свой шатер; этим оканчивается вся церемония. Семья цыгана вследствие ранних браков многочисленна. Своего ребенка с первых же дней жизни цыган начинает закалять: обливает его холодной водой, а зимою даже кладет в снег.

Цыганские сказки мало исследованы; в содержании их много заимствованного из индусской мифологии (борьба добрых духов «Даванни» со злым – «Мори» или сказание Зороастра). Позднейшие сказки есть ни что иное, как отрывки греческих эпосов и сказаний других народов, вроде следующего: «В той стране, где восходит солнце из-за темени горы, стоял город, обильный конями. Туда стремились все люди. Сюда же пришли и поселились несколько таборов и с согласия царя раскинули шатры, жили, женились и благоденствовали, глядя с благодарностью на голубой шатер неба. Но судьбе и злым духам неприятно было видеть счастье людей. Они послали наездников хуцци, которые их истребили и пленили. Многие бежали, и с тех пор не могут остановиться на одном месте».

Всем известны также цыганские песни, отличающиеся оригинальностью, дикостью и страстностью. Впрочем то, что известно под именем цыганских песен, на самом деле ничего общего не имеет с народным цыганским творчеством,

и только в характерном, диком их исполнении сказываются чисто цыганские черты. Настоящие же цыганские народные песни, в противоположность исполняемым «московскими цыганами», богаты содержанием и блещут фантазией, что вполне гармонирует с восточным происхождением их творцов, напр. песнь о Барнаме – творце мира. Ловкость и грациозность цыган вполне обнаруживаются в их диких плясках.

В старину каждым табором в количестве десяти шатров управлял выборный староста «жюди», который вершил все несложные общественные дела; теперь же власть таких «жюди» упала, и фактическое влияние на дела табора оказывают все вообще старики.

Немцы стали переселяться на юг России с половины XVIII в., когда Екатерина II пригласила их селиться во вновь приобретенных Россией владениях на особо льготных условиях, давших им возможность сразу сделаться состоятельнее всех прочих новоселов Новороссии. Это переселение продолжалось до половины XIX в. Первоначальные немецкие колонии были основаны по берегам Днепра, в нынешних уездах Верхнеднепровском, Екатеринославском, Новомосковском и Александровском. В начале XIX в. немцы образовали колонии в Херсонской губ., и в половине столетия часть колонистов переселилась из приднепровских уездов (левый берег между р. Конкой и нынешним м. Каховкой) в Таврическую губ. – на р. Молочную и в Феодосийский и Симферопольский уезды. С 1814 г. в продолжение пятидесяти лет немецкие выходцы из бывшего герцогства Варшавского и Германии основали несколько колоний в Бендерском у. Бессарабской губ. и особенно в Аккерманском, где земли их в настоящее время занимают половину уезда.

Так как живущие в нашей области немецкие колонисты вообще в бытовом и культурном отношении мало чем от-

личаются от немцев приволжских губерний, о которых были даны сведения в VI томе «России», то здесь мы упомянем лишь об одной группе, именно о немцах-менонитах, которые держатся совершенно изолированно не только от других народностей, но и от своих компатриотов, если они принадлежат к другому исповеданию (напр. лютеранскому или католическому). По переписи в Екатеринославской губ. менонитов числится 24.022 душ обоого пола, в Таврической – 25.058 душ и в Херсонской – 5.157 душ.

Секта *менонитов* выделилась из секты анабаптистов еще при жизни Лютера. Первоначально она возникла в Нидерландах и вскоре же после своего возникновения разделилась на два толка – фламандский и фрисландский, имеющие незначительные различия в обрядах. Впоследствии из Нидерландов менониты переселились в окрестности Данцига, но так как здесь они были поставлены в чрезвычайно затруднительные условия по приобретению земель, то они охотно откликнулись на призыв Екатерины II и в 1787 г. в большом количестве (346 семей) переселились в Россию. Им было отведено по 65 десятин земли на семью при Днепре близ Берислава (Херсонской губ.), где они составили так называемый Хортицкий округ. Кроме общих льготных условий, на которых переселялись в то время иностранцы (освобождение на известное число лет от воинской и др.. повинностей), им была предоставлена свобода веры и право не присягать, а ограничиваться, согласно их вероучению, простым утверждением или отрицанием. Из Хортицкого округа часть менонитов выселилась впоследствии на р. Молочную, где и в настоящее время им принадлежат богатые колонии. Общая черта всех многочисленных в настоящее время разветвлений секты менонитов – та, что в основу общественного (так же как и церковного – пресвитерианского) своего устройства они кладут руководящие начала Св. Писания. Так, напр., они занимаются исключи-

тельно земледелием и теми промыслами, которые тесно с ним связаны, основываясь на словах: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой» и т. д. Крещение младенцев менониты отвергают.

Общественное управление их сходно с управлением немецких колоний вообще. Дела общества решаются на сходе, в котором участвуют, по закону 1866 г., все дворовладельцы. Административная и исполнительные власти сосредоточены в сельском приказе, состоящем из *шульца* и двух *бейзицеров*, избираемых сходом на два года. Колонии соединены в округ, управление которым вверено окружному приказу из головы и двух бейзицеров.

Земельный надел по закону 1764 г. приурочивается не к «душе», как это делается у приволжских немцев-колонистов, а ко двору-хозяйству, находящемуся под управлением главы семьи с одобрения ее членов, и согласно закону 1800 г. по смерти хозяина не делится между наследниками, а передается младшему сыну (минорат) или, если он не правоспособен, – его отцу; в случае же смерти последнего начальство назначает другого наследника. Остальное собственное имущество делится поровну между наследниками, причем пол не играет роли. Двор с хозяйственным инвентарем идет наследнику земельного надела, но наследник этот выплачивает остальным наследникам по оценке двора причитающиеся им части.

В *церковном отношении* братство менонитов управляют старшинами (пресвитерами), совершающими таинства и говорящими проповеди. В деле проповеди они имеют особых помощников. Особое лицо в каждой колонии – диакон – заведует общественной благотворительностью, которая у менонитов развита настолько, что нищенства у них совершенно нет (а в 1848 г. при голоде они даже выручили из беды окружающих их крестьян посевами своего зерна).

Образование у менонитов стоит не на высокой ступени: дальше чтения библии они не идут, однако все поголовно грамотны. По характеру своему менониты – народ примерной нравственности и честности; отличаются добродушием, хотя и грубоваты; аккуратностью менониты далеко превосходят немцев других исповеданий. Со стороны внешнего быта менониты не отличаются от прочих немцев-колонистов. Те же дома из жженого кирпича под общей крышей с хозяйственными пристройками, то же прусское расположение комнат с дверьми, делающими все комнаты проходными. Наконец менониты также, как и прочие немцы, ходят в городской одежде.

На юге России, особенно в больших городах Одессе, Херсоне, Николаеве, портах Херсонской губернии и Кишиневе, зачастую можно встретить **греков**, занимающихся торговлей. Но греков-торгащей нужно отличать от их сородичей мариупольских греков-колонистов. Еще в 1778 г. греки, жившие в Крыму, обратились с челобитной к имп. Екатерине II, в которой выражали желание перейти в русское подданство. Екатерина, сочувствуя колонизации, приказала отвести грекам устья р. Калмиуса, куда они и переселились в 1779–1783 гг. и основали здесь г. Мариуполь. В настоящее время до 48.300 греков прочно основалось в Мариуполе и окружающих его 25 селениях, так что образовался особый, называвшийся прежде Греческим округ.

Часть *мариупольских греков* произошла от жителей юго-западной, горной области Крыма, до 1475 г. составлявшей владения готских князей, и сохранила татарский язык; другая ведет свое происхождение от смеси греческих и генуэзских выходцев, выселившихся сюда из Крыма в 1778 г., и говорит на своеобразном наречии (тат. или аила), близком к греческому. Теперь же почти все мужчины

говорят по-русски благодаря воинской повинности и богослужению на русском языке. Мариупольских греков можно отнести к новогреческому типу: они среднего роста, хорошего телосложения, смуглы, с шапкой курчавых волос черного цвета, с большим, горбатым носом и крупными губами; изредка встречаются среди них и блондины с голубыми глазами и умеренным носом. В последних некоторые видят потомков готов.

Греки отличаются изворотливостью, недоверчивостью, излишеством в пище, не слишком большой трудоспособностью, но зато трезвы. Женщины, исключая городских, ведут затворнический образ жизни, малокультурны, не отличаются приветливостью и имеют обыкновение курить трубки. Женщины греческой группы, говорящие по-гречески, носят по праздникам белую головную повязку с блестящими побрякушками, а женщины татарской группы носят яркие головные платки. Мужчины одеваются как горожане.

Дома свои греки строят из дикого камня или сырцового кирпича, покрывают соломой, камышом и черепицей; у некоторых перед домом устраивается крылечко, поддерживаемое колонками.

Крепкие, закрывающиеся железной задвижкой двери ведут в сени, в которых около жилой стены устроен очаг (кабиза) для варки пищи, а с противоположной стороны пристроена кладовая; тут же в сенях помещается лестница, которая ведет на чердак. Из сеней ведет ход в большую, чистую комнату в три окна с земляным, крепко убитым полом и деревянным потолком. В холодное время такая комната отапливается круглой с тремя уступами печью, которая посредством трубы соединяется с очагом в сенях. Возле двери стоит шкаф для посуды; в переднем углу помещаются иконы, а под иконами – стол, покрытый белой скатертью, по стенам лавки – «софы», с подушками для

сиденья. К стенам приделаны полки, на которых стоит посуда – чайники, котлы и т. п. Почти в каждом доме на полке можно увидеть медный чайник с дужкой – *«тримон»*, в котором приготавливают напиток, употребляемый от простуды, из красного вина с примесью перца и меда, а также в нем варят пунш из вина с медом и пряностями; иногда можно встретить серебряные чарки и чашки, сохраняющиеся в семье как редкость и употребляемые в торжественных случаях. Почти в каждом доме есть зеркало. Много вышитых полотенец развешено по стенам, что придает комнате более нарядный вид.

Обыкновенная пища грека состоит из пресного пшеничного хлеба, супа с бараниной, бараньего мяса, колбас, молока, овощей, но в праздники он очень любит покушать. Из праздничных кушаний известны: *«титэ»* – пирог с начинкой из баранины или курицы с рисом, приправленный перцем и солью, *«падошпани»* – торт с вареньем, *«баклава»* – очень сладкое слоеное тесто с орехами (искусные хозяйки делают до восьмидесяти слоев в одном вершке толщины), *«скардалья»* – каша из орехов с мякотью французской булки; это кушанье заливают прованским маслом, прибавляют чеснок, лимон и едят с фасолью и сухой соленой рыбой.

Не менее разнообразны кушанья, приготовленные из баранины: ушки (род вареников) с мелко нарубленной бараниной, которые едят с кислым молоком и луком, поджаренная в бараньем сале *«хаурма»* – рубленая баранина, обжаренная в большом чугунном котле; *«хаурму»* вместе с салом наливают в крепко посоленные бараньи внутренности (требухи) и сохраняют всю зиму; *«хахач»* приготавливается из вяленой на солнце баранины; колбаса – из соленого бараньего сала, провяленная под крышей на солнце; *«массака»* – фаршированные помидоры с соленым мясом и рисом, поджаренные в масле. Из молочных продуктов употребляют

сыр, молоко, татарский *«каймак»* – кушанье из молока, приготавливаемое в особых котлах (лопач), *«арьян»* – кислое молоко. В постные дни употребляется лапша, в которую подбавляют *«бекмеза»*, т. е. вареных фруктов, и *«экиши»* – густого сиропа из яблок, а также *«плаки»* – камбала с прованским маслом и шпинатом. *«Чибрик»* – трава, которую в виде приправы греки подбавляют почти ко всем кушаньям; в большом употреблении сладкое кушанье из арбузов, варенье из тыквы, соленые огурцы, дыни и т. п. К обеду подается сантуринское вино и шарап (крымское вино).

Долгое влияние татар не прошло бесследно для греков и сказывается на их быте, хотя с распространением образования эти следы мало-помалу исчезают. Это шло бы скорее, если бы греки не держались вдали от русских, которых они чуждаются. Так, напр., браки с русскими чрезвычайно редки, и скорее грек отправится за невестой в Хиос, чем женится на русской.

Как остаток глубокой старины, между греками сохранилась память об олимпийских играх. В престольный праздник собираются к обедне жители из окрестных местностей, после которой в избранном месте обедают; затем начинаются игры *«панаиры»*, состоящие в борьбе молодежи с целью показать свою ловкость и силу. Борцов благословляет священник, и после братского поцелуя они нападают друг на друга. Старики следят за порядком игры. Победивший награждается головою съеденного за обедом быка и деньгами. В некоторых селах *«панаиры»* назначаются несколько раз в год; так, в с. Мангуше бывало до девяти панаир в год, причем наиболее оживленно проходили они 8 мая и 8 июля.

Свадебный обряд греков носит на себе отпечаток древнего умыкания невест. Жених выносит невесту на руках из дома, сажает в приготовленную арбу и накрывает ее покры-

валом. За тем они отправляются в церковь. Один из почетных гостей едет впереди с обнаженной саблей, а остальные следуют за арбой с музыкой и пением. По приезде из церкви новобрачных угощают вином из большой чарки турецкого серебра с ручкой, потом потчуют всех гостей, подаривших что-нибудь молодым на обзаведение; затем уже начинается обычный пир, заканчивающийся танцами под звуки местного оркестра, состоящего преимущественно из татарских инструментов – барабана в 1½ арш. высоты и 1 арш. в диаметре с двумя обручами, переплетенными ремнями, обтянутого телячьей кожей, издающего сильный шум под ударами двух палок, пискливой зурны – дудки из орехового дерева и тулун-зурны (род волынки с тремя дудками – одной для надувания, другой басовой и третьей с ладами), турецкой семиструнной балалайки с длинной ручкой, наконец бубна с колокольцами и погремушками. Танцы греков оживлены и ловки. Крестины у греков справляются тоже торжественно: на третий день после родов приходят поздравлять почти все односельчане, причем приносят в дар разные кушанья. Родители новорожденного угощают пришедших вином.

Татарское и турецкое иго, продолжавшееся с 1475 по 1778 г., оставило следы в песнях и сказаниях греков; в большом ходу у них предания о Девлет-Гирее и Аслан-Бее, которые сильно притесняли народ и «пилили его деревянными пилами», как говорится в сказаниях. В песнях почти исключительно татарского происхождения воспеваются бывшая родина – Крым, где будто бы остались зарытые клады. Более древних сказаний у здешних греков не сохранилось.

Евреи живут повсеместно в рассматриваемой области и преимущественно в городах, где занимаются торговлей

и комиссионерской деятельностью. В среднем они составляют 19% всего городского населения, причем на западе эта цифра повышается до 80% (губернии Бессарабская и Херсонская) и уменьшается в направлении к востоку. Всего же евреев в Бессарабской губ. 228.530 душ (11,7%), в Херсонской губ. 339.900 душ и во всем Новороссийском крае 748.200 душ (6,4%). Попытки обратить евреев к земледельческому труду не имели большого успеха. В настоящее время существует 18 еврейских земледельческих колоний в Бессарабии (из которых самые большие Александрены Белецкого у. и Думбравены Сороцкого у.), 26 в Херсонской губ. и 17 в Екатеринославской. Живут евреи-колонисты иногда в так называемых «казенных домах». Это невысокие строения (1 саж. или немного более) из сырца, назначенные для двух семейств каждое и потому разделенные на две изолированные друг от друга части; большинство же колонистов живет в землянках также из сырца, покрытых сверху землею. Земледелие у евреев находится далеко не в блестящем состоянии, что весьма понятно, так как этот народ в течение десятков столетий занимался исключительно торговыми операциями и ремеслами. Колониальное управление у евреев то же, что и у немцев. В Бессарабии евреи известны с XVI в.

Этнографическое описание обыкновенных евреев, повсюду сохраняющих свои отличительные черты, читатель найдет в IX томе «России» (см. ниже). Здесь же мы скажем несколько слов о двух интересных этнографических группах, условно относимых к евреям, живущих почти исключительно в Крыму и имеющих резкие особенности в быте и характере, сразу отличающие их от общей массы еврейства. Эти две группы – караимы и крымчаки.

Караимы (редко – карайты) главным образом живут в городах Крымского полуострова – Евпатории, Феодосии, Армянске, Севастополе и Симферополе. Близ Бахчисарая

находятся развалины караимской крепости Чуфут-Кале, игравшей некогда важное значение во время самостоятельной политической жизни народа. В Таврической губ. их вместе с крымчаками (см. ниже) насчитывается свыше; 8.900 душ (0,6 %). Есть караимы и в Херсонской губ. – в гг. Херсоне, Николаеве, Одессе – всего свыше 2.000 душ (0,07%) и в небольшом количестве в Бессарабии.

Вопрос о происхождении их недостаточно выяснен. В литературе было высказано предположение о происхождении их от хазар или вообще от тюрков, принявших иудейство во времена хазарского господства. В Тавриде, по свидетельству древних писателей, были между прочими и еврейские поселения уже за несколько веков до Рождества Христова (Корсунь, Керчь, Салхат Иудейский), проникшие сюда вероятно одновременно с финикийскими. В начале XIX в. были обнаружены Бларамбергом и Стемпковским надписи на греческом языке, относящиеся к 81 году по Р. Х., в которых упоминается об еврейских молитвенных домах в Анапе, Ольвии и Пантикапеи. Учение же караизма принято ими в X в. по Р. Х. от проповедников его, приезжавших на юг России с востока. Что касается преданий самих караимов, то в них не имеется даже намека на происхождение их от другого народа, кроме еврейского; напротив, некоторые роды караимов очень старательно ведут свои родословные чуть не от Авраама. Возможно допустить, что в караимах смешались древние евреи с единоверными им хазарами. Да и вообще трудно было сохранить национальность, живя в течении более тысячелетия среди разнообразного населения на таком сравнительно небольшом и почти изолированном от материка полуострове, как Крым.

По своему физическому типу караимы похожи на крымских южнобережных татар, которые также представляют из себя смесь нескольких народностей, и даже разговорный язык караимов – тюрокский (адербейджанское наречие).

Отличительные черты характера караимов – нравственность, честность и трудолюбие. Они любят опрятность и чистоту, что совершенно не в духе евреев-талмудистов. К этому нужно присоединить стремление к благотворительности, носящей у караимов характер общественный, а не частный, и развитой настолько широко, что нищих среди караимов вовсе нет. Одежда мужчин – обыкновенная европейская, а старинная национальная состоит из полосатого жилета, кафтана с короткими рукавами и одеваемого сверху черного халата, синих шаровар, белых чулок и полусапожек. На голову надевается ермолка и высокая белая суконная шапка с черным бараньим околышем. Женская брачная одежда – серое шерстяное платье с лифом, имеющим небольшой вырез на груди, стянуто в талии поясом с серебряными застежками, кашемировый халат, белые чулки и башмаки. Голова украшается шапочкой с позументом, на которой вышита шелком надпись «машмалла», т. е. храни Господь.

Что касается духовного и общественного быта караимов, то он отличается замкнутостью. Семья держится на строго патриархальных началах: все беспрекословно повинуются главе дома. Образование не идет дальше чтения и письма на адербейджанском наречии.

Относительно религии нужно сказать, что основное различие между евреями-талмудистами и караимами заключается в том, что последние совершенно не признают талмуда и придают значение только буквальному тексту пятикнижия Моисея, на что указывает самое слово караим, происходящее от семитического «карай» – верный писанию. Зародыш секты караимов, или, как их еще иначе называют, карайтов или кареев, можно видеть в учении древних саддукеев или самарян, также не признававших ничего кроме пятикнижия, но появление ее под названием караизма и

определение этого учения в тех формах, в каких оно существует и теперь, относится к 750 году по Р. Х. и связано с именем рабби Анан Ча Нясси, жившего во времена багдадского халифата (715–890 гг. по Р. Х.). Вследствие того, что караимы не признают талмуда – этого кодекса обрядов нынешнего еврейства, у них есть значительные отличия от евреев-талмудистов в богослужебных церемониях, в способах обрезания, степенях родства, в исчислении месяцев и праздников и даже в пище.

Интересен у караимов свадебный обряд. Перед свадьбой жених и невеста должны откупить себе место на кладбище, чтобы не разлучаться не только в этой жизни, но и в будущей. Затем заключается родственниками «тноим» – предварительный брачный договор, после которого молодые люди официально считаются помолвленными. Накануне свадьбы совершается обряд очищения грехов (существующий впрочем и у талмудистов, хотя и вопреки талмуду), причем раввин кружит петуха или курицу над головами жениха и невесты и потом бросает животное; этот обряд сохранился по-видимому как пережиток древнего кровного жертвоприношения. После этого жениха и невесту осыпают в знак пожелания богатства деньгами, которые остаются в пользу бедных. Во время брачной церемонии невеста находится в углу своей комнаты, покрытая фатой и окруженная женщинами, которые сидят на полу. Свадьба заканчивается танцами азиатского характера, после чего молодой уводит свою жену в брачную комнату, где она сидит в течение семи дней лицом к стене. При вступлении в брак, согласно строго патриархальному строю, преобладающее значение имеет согласие родителей. Близкое родство не служит препятствием, если жених в родственном отношении старше невесты (напр. дядя может жениться на племяннице). Ранние браки между караимами, как и вообще у

южных народов, очень распространены. На вдовах женятся редко.

Что касается так называемых **крымчаков**, то это также очень стародавние обитатели Крыма. По их собственным преданиям, они поселились там в VI веке по Р. Х. Некоторыми учеными было высказано мнение, что крымчаки появились из Сирии еще со времени разрушения израильского царства, сначала на Кавказе, а оттуда перебрались в Крым или были приведены откуда-либо татарами в качестве пленных. Крымчаки и по внешнему виду (обыкновенно не бреют бород и носят иногда пейсы), и по характеру и быту не отличаются от караимов и говорят, так же как караимы, на азербейджанском наречии. Единственное отличие их от караимов – религиозное: они признают еврейский талмуд и предание, на основании которого и составлен их молитвенник, хранящийся в Карасубазаре – главном их местожительстве. Занимаются и караимы, и крымчаки торговлей и посредничеством на базарах, а также некоторыми ремеслами, как напр. ювелирным, шапочным, портняжным и др.

Евреи* проникли в Северо-Западный край из Польши. Уже при Витовте брестские евреи получили привилегию, обеспечившую их правовое и имущественное положение; с течением времени эта привилегия была распространена на всех евреев, живших в пределах литовско-русского государства. Главное занятие евреев составляли торговля, отдача денег в рост, откуп податей, хотя были и еврей-землевладельцы. Почти поголовные практические способности всей еврейской массы к перечисленным выше отраслям, необыкновенное умение пользоваться психическими сла-

* Настоящий раздел о жизни евреев взят из т. IX «Россия. Полное описание...» СПб. 1905. С. 213–224.

бостями каждого отдельного представителя нееврейского населения, притом крайняя «всемирная» сплоченность и плодovitость евреев, освященные их религией, – все это, как в древние времена в Египте, Вавилоне, а впоследствии и в Испании, – вызывало в Белоруссии ропот населения, а богатства отдельных евреев – зависть. Появилось то двойственное отношение к евреям, которое так метко охарактеризовано Пушкиным в словах «проклятый жид – почтенный Соломон», и естественно народился «еврейский вопрос», сопровождавшийся колебаниями политики по отношению к евреям то в одну, то в другую сторону. Вел. кн. Александр издал даже закон, которым все евреи были изгнаны из государства, а имущество их конфисковано. Впрочем закона этот вскоре был отменен, и евреи снова появились в пределах государства.

Евреи жили почти исключительно в городах. Согласно своим привилегиям еврейские «зборы» (впоследствии кагалы) жили особою жизнью, имели право суда над своими сочленами, были обложены особыми от других горожан еврейскими податями. Богатство евреев делало то, что правительство часто налагало на них очень большие экстраординарные подати. Среди евреев было много капиталистов, к которым охотно прибегала великокняжеская казна, когда требовались займы. Но кроме торговли евреи отдавались и занятиям, связанным с наукою: среди докторов и аптекарей в городах большую часть мы до сих пор встречаем евреев. Принятие евреем христианства открывало ему путь к шляхетству и высшим должностям. В истории литовско-русского государства известен пример такого крещеного еврея Авраама Езофовича Ребичковича, сначала заявившего себя дельным администратором и финансовым агентом и потом возвысившегося, при Сигизмунде I, до поста подскарбия земского, т. е. министра финансов,

и члена господарской рады. Положение евреев в период польско-литовский не изменилось, так как они по-прежнему были выделены в особые кагалы. Но отношение к ним христианского общества в общем было крайне враждебно.

С переходом в русское подданство евреи были оставлены при своем кагальном управлении. Положение евреев регулировалось особыми узаконениями. В 1820 г. было запрещено евреям держать христианскую прислугу. В 1827 г. евреи обязывались особыми законами нанимать рекрут. Законом 1833 г. право жительства евреев было ограничено только городами и местечками. Закон 1844 г. уничтожил кагальное устройство. Последующими узаконениями даны права евреям по образованию, ограничен их процент в учебных заведениях края и точно определены места их поселения.

Евреи, населяющие в настоящее время белорусские губернии, принадлежат к двум сектам – к *мленашмаи* и *хаседимской*. Последователи первой секты строго придерживаются священных книг Ветхого Завета и устного закона, заключенного в книгах Талмуда. Начало этой секты относят еще к тому периоду, когда евреи жили в Палестине, именно фарисеев считают родоначальниками секты талмудистов. До XII в. все евреи в Европе держались Талмуда, но в это время у них появилось сектантство и было положено начало секте, называвшейся кабалой (кабала значит предвзятие). Из этого мистического учения возникла в начале XVII в. секта хаседимов; основателем ее был еврей Бешт, родом из Подольской земли, объявивший себя вдохновенным истолкователем Талмуда («цадиком» – чудотворцем). Он ввел в еврейские обряды восторженный мистицизм: молитва должна быть восторженная, страстная, соединенная с определенными движениями тела, хлопаньем в ладоши. Бешт учил, что всякий израильтянин имеет две души – добрую и злую; первая пребывает в мозгу, вторая – в левой

стороне сердца. Так как обе души непрестанно борются между собою, то человек должен молиться, чтобы добрая душа брала перевес над злою.

Во главе хаседимов стоят цадики. Каждый цадик имеет известный округ, в котором пользуется большим почетом. Сан цадика обыкновенно считается наследственным. Цадики не связаны с кагальной иерархией, а также и друг с другом: каждый цадик действует независимо от других. Влияние его на евреев обуславливается его ученостью и удачным выполнением его пророчеств. Цадик – вдохновенный пророк, весь погруженный в кабалистическую мудрость. Ни один правоверный еврей не сделает сколько-нибудь важного шага в своей жизни без совета цадика; каждый совет оплачивается. Для хаседимов цадик заменяет раввина. Вот как описывает отношение правоверных к своим цадикам один путешественник, побывавший в 1890 г. в центре хаседимизма – в Пинском уезде. Этот уезд населен самыми правоверными евреями; еврейский элемент здесь настолько силен, что в самом Пинске не с каждым евреем можно объясниться по-русски: многие евреи довольствуются знанием только своего жаргона, так как им мало приходится сталкиваться с иноверцами.

«Пинский уезд является важнейшим религиозным центром еврейства, к которому тянет значительная часть Минской, Волынской и Гродненской губерний. Центры эти – местечки Любашев и Столин, в южной части уезда, где живут их раввины или «цадики».

Все евреи разделяются на несколько сект, но любашевский и столинский раввины имеют наибольшее число приверженцев, особенно столинский. Есть впрочем и сектанты, едущие к своим раввинам в Царство Польское. К сожалению мне не пришлось побывать у столинского раввина, так как обстоятельства заставили меня выехать из уезда

уже тогда, когда я был всего в 40 верстах от этой столицы еврейства, и потому то, что я узнал о нем, передаю со слов лиц, лично знающих раввина, и не доверять которым нет основания. Столинский раввин еще молодой человек, лет двадцати двух, года три или четыре тому назад занявший свой пост после смерти отца. Он редко, как и его отец, объезжает свою паству.

Рассказывают про замечательное религиозное воодушевление евреев во время таких объездов: евреи приготавливаются ко встрече его постом и усиленными молениями; когда он подъезжает к местечку, выпрягают лошадей и сами везут его карету, другие с религиозным благоговением бросаются к колесам и целуют их на ходу; таким образом поездка раввина – целое триумфальное шествие. В самом Столине он окружен не меньшим вниманием. Штат состоящих при нем евреев доходит до ста человек; все это закаленные фанатики: но не все из них могут зреть лицо его, а только более приближенные. Раввин живет в огромном деревянном дворце, построенном недавно. Прежний дворец столинских раввинов сгорел; пожар случился в ночь, когда вся секта праздновала обрезание первенца, будущего наследника раввината. Собравшиеся из разных мест почитатели собрали тотчас же 50 тысяч руб. и в несколько месяцев воздвигли новый роскошный дворец. Раввин редко показывается из своих покоев. Приходящие к нему за советом ждут доступа по нескольку дней, проводя время в молитве. Съезжаются к нему его почитатели за самыми разнородными советами. Мало кто начинает, особенно в молодости, идти по той или иной профессии, не испросив предварительно его совета и благословения. Про личность самого раввина евреи говорят, что он «ужасно умный, день и ночь читает Библию». Но приходилось слышать отзывы более интеллигентных евреев, а также и русских,

знающих его; все единогласно утверждали, что раввин – человек с образованием, владеет иностранными языками, читает и знает далеко не одну Библию и весьма тяготится своим положением. «Несчастный он человек!» – воскликнул один полуинтеллигентный еврей, рассказывавший мне про него. Мать нынешнего молодого раввина, как говорят, женщина с большим образованием; она владела большими имениями на Волыни, но по смерти своего мужа продала их и уехала за границу, где и поселилась. Добавлю еще, что когда пришлось теперешнему раввину в 1889 г. отбывать воинскую повинность, евреи за тридцать тысяч купили квитанцию и таким образом не допустили своего религиозного главу маршировать среди солдат».

Надо заметить, что цадиков почитают не одни их приверженцы – хаседимы, но и раввинисты: необразованная масса из секты раввинистов обращается и к своим раввинам, и к цадикам, смотря по авторитету последних. Несмотря на деление на секты, между евреями не замечается религиозного антагонизма. Это объясняется не только сплоченностью евреев, но также и тем, что сектанство вообще не способствует разделению евреев по основным религиозным верованиям и в обрядовом отношении: Ветхий Завет и Талмуд для всех служит общею основой. Можно заметить только одно, что раввинисты проявляют гораздо более склонности к новшествам и в последнее время к сионизму, охотно оставляют предрассудки и упорно стремятся к общеевропейскому образованию. Хаседимы же под влиянием цадиков весьма суеверны.

Все мировоззрение еврея проникнуто глубокою религиозностью. Евреи очень суеверны, преисполнены массой предрассудков, но и само суеверие находит подтверждение и объяснение в религии, собственно в толковании ее, находящемся в книгах Талмуда. Всякое действие еврея связано

с религией; домашний и общественный строй находятся в непосредственном подчинении религиозным требованиям; даже одежда – и та имеет связь с религией. Мы конечно говорим о правоверной массе еврейства, а не о евреях, выдвинувшихся из массы вследствие полученного ими образования; об этой же массе и дальше будет речь.

В общественной жизни еврейская масса не представляется единой: одни пользуются в еврейской общине большим почетом, другие – меньшим. Положение в своей среде каждого еврея обуславливается тремя факторами: происхождением, ученостью и богатством; последний фактор – производный.

Евреи по происхождению делятся на три разряда: каганов, левитов и израильтян; первые два разряда ведут свое происхождение от третьего сына патриарха Иакова – Леви, каганы – от старшего его сына Рувима, израильтяне – от остальных его сыновей. У евреев в настоящее время нет священников, потому что жертва Богу может быть приносима только в иерусалимском храме. Раввин – духовный глава; но каганы и левиты пользуются некоторыми прерогативами древних священников; напр., каганы благословляют народ в синагоге, приглашаются первыми для чтения Пятикнижия, за ними левиты, а затем уже израильтяне; каждый Израиль обязан выкупить своего первенца мужского пола (это относится к первенцу-сыну и к животным) у кагана – т. е. п. Затем евреи различают несколько степеней религиозной учености: «высокоученных», из которых избирают раввинов, «ученных» и «отличных», из которых назначаются учителя и резники, «книжников» и «сведующих» – весьма многочисленный класс лиц, могущих принимать участие в совещаниях по религиозным делам; остальные называются «неучами». Впрочем и они умеют читать и кое-как писать по-еврейски, так как грамотность обязательна для каждого

еврея. Ученость же заключается в знании священного писания и умении толковать его согласно книгам Талмуда. Знание иногда поразительно: знают не только наизусть Пятикнижие, но и страницы, на которых расположены главы, знают поскольку раз в той или другой главе употреблено слово Иегова и т. п.; говорят, что бывают знатоки, которые, если проколоть булавкой на какой-нибудь странице слово, могут сказать, какие слова проколоты булавкой на последующих страницах. Однако деление на разряды по учености и по происхождению регулируется еще делением по материальному достатку. Евреи очень почтительно относятся к богачу, и умение нажить богатство считают также проявлением мудрости; поэтому неученый богач непременно будет считаться в разряде «книжников», а если он «книжник», то попадет в «высокоученые»; для богатого израиля сделают предпочтение в синагоге перед нищим каганом.

Евреи живут тесно сплоченным обществом, которое называется «кагалом». В настоящее время кагальное управление юридически не существует (оно упразднено законом 19 декабря 1844 г.), но фактически оно существует и в настоящее время и имеет весьма важное значение в жизни евреев. Отдельные кагалы имеются во всех городах и местечках, но кроме того в некоторых городах и местечках находятся окружные кагальные управления, именно в Вильне, Шклове, Бердичеве, Одессе и Варшаве. Кагал есть собственно мирская сходка, но он имеет своих выборных должностных лиц, напр. кагального раввина, который разрешает религиозные сомнения, заведует синагогой и, по совещанию с почетнейшими членами, решает различные административные дела. Сверх того кагалом избирается бет-динь, т. е. судилище, к которому обращаются тяжущиеся по самым разнообразным делам. Хотя в городах существуют

назначаемые правительством казенные раввины, но они только ведут книги – метрические, брачные и бракоразводные; все же религиозные обряды и суд творит кагальный раввин с почетнейшими членами общины. В прежнее время кагал имел очень большое значение в еврейской среде, а размер налагаемых им наказаний доходил до смертной казни включительно, как об этом свидетельствуют судебные расследования в половине XIX в. В настоящее время влияние кагала далеко не так сильно и ограничивается преимущественно чисто религиозными вопросами.

Кроме кагала еврейская община делится еще на общества, имеющие религиозные и благотворительные назначения. Так, очень распространены общества или братства погребения умерших. На обязанности членов этих братств лежит содержание кладбищ, охранение их и погребение умерших; братчики погребают бедняков даром, но на свои расходы требуют от родственников богатого покойника больших сумм, почему богатые евреи часто вступают в пререкания с братчиками. Кроме того существуют братства посещения больных, братства для снабжения хлебом бедных, братства одевания нагих, общества для раздачи беднякам денег в долг без процентов, общества для обучения бедных детей (Талмуд-Тора) и многие другие. Всякое такое братство имеет избираемых братчиками старшин, казначеев и счетчиков (для ревизии).

В настоящее время еврейское общество признается законом, как имеющее компетенцию по сбору и расходованию налогов, взимаемых с евреев на удовлетворение нужд еврейского общества (по закону 1844 г.). Таких сборов два: коробочный и свечной. Первый взимается с убоя скота на кошер, с резки птиц на кошер; он употребляется на пополнение государственных податей за бедных евреев, на содержание синагог, больниц, богаделен, на постройку и починку

общественных зданий, на содержание раввинской комиссии ученых евреев при правительственных учреждениях. Свечной сбор употребляется исключительно на содержание особых еврейских училищ.

Частный быт евреев проникнут предписаниями, будто бы основанными на требованиях религии.

Еврея очень нетрудно отличить от других национальностей по его своеобразному типу, так хорошо всем известному. Но в Западном крае еврей выделяется среди других национальностей еще и по своему костюму. До 1845 г. евреи носили особый костюм, но с этого года им было приказано носить общеевропейское платье. До сих пор однако еврейская масса держится старого покроя одежды, хотя и несколько измененного. Евреи не бреют бороды; гладко остригая волосы на голове, они оставляют на висках длинные пряди волос – *«тейсы»*. По требованию религии, они могут молиться и произносить имя Бога только с покрытой головой (восточный обычай). Чтобы как-нибудь случайно не произнести молитвенных слов с непокрытой головой, евреи всегда носят на голове легкую скуфейку (*«ермолку»*). По требованию Талмуда, евреи не могут носить одежды, изготовленной из шерсти и льна. Вот почему евреи-простолудины носят длинные сюртуки из шелковой или атласной материи (*«лапсердаки»*), опоясываемые широким черным поясом. Черная бархатная шапочка, кожаные туфли и высокие чулки, в которые вкладываются панталоны, дополняют костюм правоверного еврея. Кроме того под верхней одеждой евреи носят кусок какой-нибудь материи с вырезкой для головы; к четырем углам этой материи прикреплены шелковые шнурки с узелками (*«цицес»*). Во время молитвы еврей наворачивает «цицес» на указательный палец левой руки и целует его. Эта материя одевается и на покойника, но один «цицес» отрезывается и вот для чего: если покойник,

бродя на том свете, подумает, что он жив, то, заметив отсутствие одного «цицеса», может удостовериться в своей смерти. Во время утренней молитвы все совершеннолетние евреи навязывают на левую руку выше локтя и на лоб два кубические ковчега, величиною в полтора вершка каждый – *«тефилины»*. Они состоят из листков пергамента, на котором начертаны слова из Священного Писания. Сверх того женатые евреи во время молитвы покрывают голову и плечи «талесом» – шерстяною материею. По Талмуду надевание «талеса» равняется шестистам тринадцати хорошим поступкам: сам Бог показался Моисею, покрытый «талесом». К обрядовой одежде надо еще отнести сорочку с длинными рукавами и широким воротом («китель»): ее дарит невеста жениху, и еврей дважды в жизни одевает эту сорочку – во время свадьбы и после смерти.

Еврейки носят европейские платья, но замужние бреют голову и заменяют природные волосы париком. Талмудический закон требует, чтобы замужняя женщина брила голову, потому что коса – лучшее украшение женского пола, и женщина должна быть лишена ее, чтобы никого постороннего не ввести в искушение.

Масса религиозных формальностей относится к пище, употребляемой евреями: Талмуд строго определяет, что должно входить в утробу правоверного израиля. На продуктах, употребляемых евреями в пищу, отразились с одной стороны условия жизни на востоке, с другой стороны – вкусы дальнего средневековья. Евреи поглощают массу пряностей и острых кушаний, напр., редьки, чесноку, луку. Кухня евреев подчинена правилам Талмуда. Так, на основании его предписания (не вари козленка в молоке его матери) еврей вовсе не употребляет мяса в соединении с молоком и молочными продуктами; даже молочная посуда не употребляется для мясной пищи. Моисеев закон воспрещает

евреям употребление свинины. Евреи не едят дичи потому, что все, что не зарезано священным ножом узаконенного резника, считается падалью. Самое зарезывание дозволенных к употреблению в пищу животных обставлено рядом религиозных обрядностей. Если случается какое-нибудь сомнение при осмотре внутренностей зарезанного животного, то обращаются к раввину. Талмуд не запрещает евреям употребление водки, так как составители Талмуда ее не знали; виноградное же вино разрешается употреблять только такое, которое приготовлено самими евреями. Это предписание объясняется тем, что вино было главным предметом языческого жертвоприношения; поэтому евреи остерегаются употреблять вино, которым иноверцы могли принести жертву своему Богу. Вообще предписания Талмуда очень мелочны по отношению к пище. Кроме того он ставит ряд требований, по которым в известные праздники готовятся определенные кушанья. Так, напр., в праздник «пейсаха» евреи питаются опресноками, приготовляемыми из пшеницы, сжатой и свезенной под крышу в течение одного дня и притом не подмоченной. Для ужина в пятницу вечером, когда начинается праздник субботы, и для обеда в субботний день готовятся также особые кушанья. В субботний день евреи не готовят пищи, для чего обед, приготовленный накануне, ставится до начала «шабаса» в печь, устье которой замазывается глиной; таким образом, хотя огонь продолжает тлеть в печи и в шабас, но Бог его как бы не видит.

Обрядовая сторона еврейской жизни не менее тесно связана с религией. Впрочем еврейские обряды не отличаются сложным ритуалом. Так, при рождении ребенка бабка принимает меры к тому, чтобы нечистые духи не могли проникнуть в комнату, где находится родильница; для этого она развешивает талисманы — листы бумаги, исписанные

различными кабалистическими изречениями. Если новорожденный — мальчик, то в течение недели каждый вечер в комнату родильницы собирают мальчиков, и они читают молитвы, а затем совершается обрезание новорожденного. При рождении девочки никаких обрядов не совершается.

Продолжение рода евреи считают очень важным. Поэтому еврейская молодежь очень рано вступает в брак, — мужчины на восемнадцатом году, а девушки — на шестнадцатом. Заключение брака зависит исключительно от воли родителей, и еще в очень недавнее время молодой впервые видел свою жену после венчания (невеста венчается с покрытым лицом). Теперь, говорят, молодежь протестует против таких браков. У евреев существует особый класс сватов, которые ведут списки юношам и девушкам, сами делают предложение родителям и вообще берут на себя все заботы о браке, получая за то известное вознаграждение. Когда переговоры закончены и написан брачный акт, в котором точно обозначается условие приданого, начинаются свадебные торжества. В субботу, предшествующую дню венчания, жениха приглашают в синагогу для чтения Пятикнижия; затем у него в доме бывает пирушка. В ту же субботу вечером женщины собираются к невесте. Заправилей свадебного торжества является «весельчак» (бадхан); это профессиональный распорядитель на свадьбах. Он импровизирует стихи. Всякая гостя обязана протанцевать с невестой (у евреев мужчины и женщины танцуют отдельно). Накануне свадьбы женщины провожают невесту в баню, где она должна обмыться в особо устроенной для женщин теплой купальне. В день венчания женщины снова собираются в доме невесты и танцуют с ней по очереди. «Весельчак» говорит свои стихи, состоящие из различных наставлений будущей жене. Затем невесту усаживают посреди комнаты в ожидании прибытия жениха. Между тем «весель-

чак» с музыкой отправляется к жениху с подарками от невесты, которые состоят из покрывала, одеваемого евреем во время молитвы («талес») и смертной рубашки («китель»). Жених с друзьями является к невесте. Здесь молодых благословляют старшие родственники и тогда отправляются к венчанию. Акт венчания происходит под балдахином во дворе синагоги, или же вообще вблизи ее. Молитвы читает раввин, но его обязанность может исполнить и любой еврей в присутствии десяти других. После венчания молодым дают на одной тарелке бульон, называемый «золотой суп». Затем начинается пиршество.

Хотя евреи очень дорожат семейной жизнью, но разводы совершаются очень просто: муж пишет жене разводный лист по установленной формуле. Жена же, желая развестись, должна явиться к раввину и указать ему причины, по которым она требует развода; раввин может дать ей развод. Несмотря на такую легкость развода еврейское супружество расходуется очень редко – только при существовании действительно важных поводов. У евреев сохранился еще один обычай очень древнего происхождения. По библейскому закону, деверь обязан жениться на жене умершего брата, если у ней нет сына: род израиля не должен иссякнуть. И в настоящее время невестка должна получить от деверя отпускную («халицу»), если он не желает на ней жениться, или не может жениться, напр., когда он женат (у древних евреев существовало многоженство). Обряд выдачи «халицы» отличается большой сложностью и приносит вдовам много хлопот и расходов. Самый акт совершается во дворе синагоги и состоит в разувании невесткою правой ноги деверя; затем она плюет около него, произнося установленные формулы. Положение вдовы бывает очень затруднительно, когда деверь не достиг тринадцати лет и одного дня: только с этого момента он считается совершен-

нолетним и может выдать «халицу». Вдова должна ждать совершеннолетия, так как она не может вступить в брак без «халицы».

Смерть и погребение евреев обставлены весьма несложными обрядами. Как бы ни был беден еврей, он все-таки в опасную минуту составляет завещание, в котором хоть самые незначительные крохи уделяет на благотворительные цели и непременно на похоронное братство. Долг повелевает окружающим напомнить об этом опасно больному. Когда опасность становится слишком очевидной, то окружающие переменяют имя умирающего, чтобы ввести в заблуждение злых духов; когда замечают признаки агонии, окружающие громко читают молитвы, переполненные священными выражениями, которых боятся нечистые духи. Для удостоверения в том, что покойник не дышит, ему кладут на уста перышко; если оно не шевелится, то это считают признаком, что жизнь прекратилась. Тогда покойника раздевают и кладут на пол; евреи убеждены, что если мертвец долго полежит на кровати, то смерть пристанет к мебели и увлечет кого-нибудь из оставшихся в живых. Омовение тела и одевание его производится членами погребального братства. Покойника одевают в сорочку с длинными рукавами, зашитыми на концах, и в такие же длинные брюки, зашитые внизу наглухо; затем одевают «китель» – смертную сорочку и «талес», покрываясь которым покойник как бы молится. Близкие в знак траура надрывают отвороты верхнего платья.

Праздники евреев приурочены или к воспоминанию событий, описанных в Библии, или к памяти исторических событий в жизни еврейства. Некоторые из этих праздников обставлены особыми обрядами. Так, напр., праздник «кущей» посвящен воспоминанию о получении Моисеем закона на Синайской горе. Праздник этот приходится на

сентябрь месяц. В воспоминание о былой кочевой жизни всякий еврей устраивает на своем дворе досчатую палатку. Праздник «кушей» оканчивается десятым днем, который называется «иом-кипур», т. е. днем очищения от грехов. Перед этим днем евреи ходят на берег озера или реки, молятся и стряхивают в воду свои грехи; это делается для того, чтобы предстать чистыми к судному дню «иом-кипура». По народному представлению белорусов, в этот день черт должен унести одного из евреев, не успевшего очиститься от грехов. Весь день «иом-кипура» евреи проводят в синагоге, беспрестанно читая молитвы. К вечеру раздаются звуки рога, и молящиеся восторженно восклицают: «на будущий год в Иерусалиме!» Этим кончается праздник. В воспоминание о бегстве евреев из Египта евреи питаются опресноками – «мацою». Евреи убеждены, что во время трапезы в этот праздник (пейсаха, пасхи) дом каждого еврея посещается пророком Илиею, для чего при чтении особой молитвы открывают на несколько минут дверь.

Несмотря на то, что религиозные предписания регулируют каждый шаг еврея, народная масса весьма склонна к суеверию и разного рода предрассудкам. Предрассудки в значительной мере вызываются стремлением согласовать деспотические требования Талмуда с житейскими условиями. Отсюда происходит крайне казуистическое толкование его предписаний. Так, еврей не может дать денег под проценты своему единоверцу; чтобы обойти такое требование, евреи пишут условия, по которым дающий деньги и занимающий их собираются вести совместно какое-либо предприятие, от которого уже заимодавец должен получить известный процент. В доме еврея в субботу не может быть разводим огонь. Если у еврея есть христианская прислуга, она ставит самовар; но хозяин должен ее спросить: «для кого ты это делаешь», та отвечает: «для себя». Вся семья

спокойно пьет чай: огонь разведен иноверцем для себя. Закон не запрещает еврею брать в руки в праздник бумажные деньги, а металлические еврей берет полою своего платья. Бывают и более комические случаи обхода талмудических предписаний. Талмуд не запретил ездить в праздник на пароходах, потому что не знал их; передвижение же по сухому пути запрещено. Рассказывают, что один еврей, которому нужно было перед шабасом проехать в соседний город, забрался в вагон с ведром воды. Когда наступил шабас, еврей присел над ведром, всунув в него обе ноги. Пассажиры, обеспокоенные и странным видом еврея, и расплескивающейся водою, потребовали от него объяснений. Еврей упорно отмалчивался. В дело вмешался кондуктор, и тогда еврей умоляющим голосом произнес: «я не еду, я плыву».

У евреев есть свои знахари и знахарки – «*ваал-шемы*». Они произносят заклинания, изгоняют нечистых духов, дают талисманы с халдейскими надписями. Евреи утверждают, что еврейские знахари отличаются от христианских тем, что пользуются помощью чистых духов, а христианские – нечистых.

Занятия евреев чрезвычайно разнообразны. Большая часть промышленности и торговли Белоруссии находится в их руках. Ни поляк, ни белорус не проявляют такой склонности к торговым и ремесленным занятиям. Поэтому занятия торговлею, промышленностью и ремеслами почти монополизированы в руках еврея, и такой порядок вещей поддерживается в течение нескольких столетий, почти с самого начала их поселения в Северо-Западном крае. Благодаря этому отдельные евреи обладают громадными капиталами; вековыми традициями, принесенными ими еще при переселении в Белоруссию из других стран, в их среде развился навык к накоплению и сбережению капиталов.

Тем не менее еврейская масса очень бедна. Евреи слишком многочисленны, а район их деятельности и само приложение труда, несмотря на всю их коммерческую изворотливость, являются чрезвычайно стесненными. Еврея-бедняка нельзя упрекнуть в лени: еврей всегда трудолюбив, настойчив, изворотлив, всегда способен попробовать счастья в каком-нибудь новом предприятии, легко передвигается из одного места на другое в поисках за работой или прибылью; он очень осведомлен, благодаря еврейской сплоченности, в настроении рынков. Наконец еврея нельзя упрекнуть в расточительности, так как скупость и расчетливость составляют основную черту его характера; среди евреев наконец нет и пьяниц. Таким образом еврей обладает всеми такими данными, которые способствуют увеличению его богатства. Кроме того еврей умеет сводить свои потребности до минимума так что еврейский бедняк в этом отношении может протянуть руку своему собрату – китайскому кули. Один хороший знаток еврейства, так определяет потребности еврейской семьи: «Насущного пропитания еврейскому семейству нужно так мало, что если определить оное цифрою, то результат будет в глазах читателя невероятный. Можно ли напр., представить, что для семейства, состоящего из 4 – 5 душ, кладут в суп $\frac{1}{4}$ фунта говядины, и этот кусочек хозяйка разрезает еще на маленькие кусочки, разделяя его всем членам семейства? Что в субботу бедный еврей варит на всю семью $\frac{1}{2}$ фунта мелкой плотвы?.. Все это действительно так делается. Семейный еврей, имея доходу рубль или полтора в неделю, бывает счастлив в свою субботу... Даже и более зажиточный еврей чрезвычайно умерен в существенных потребностях питания».

Крайняя умеренность в пище, даже скорее излишнее воздержание от нее, производит неблагоприятное действие на организм: евреи вообще отличаются хилостью. Того,

кто был хотя бы проездом в белорусских городах и местечках, не могут не поразить еврейские лачужки и нездоровые лица их обитателей.

С коренными жителями белорусами и с поляками евреи в будничной жизни умеют до поры до времени отлично ужиться. Белорус-крестьянин и поляк-помещик давно уже привыкли к их повседневным услугам; еврей прекрасно изучил характеры того и другого и умеет пользоваться их слабостями: поэтому очень хорошо известны и те нарекания, которым подвергаются евреи и которые приводят к периодическим гонениям на них. Провести еврея в коммерческом деле считается у нееврейского населения нередко верхом сообразительности и удаётся лишь в исключительных случаях.

Татары, встречающиеся в пределах Новороссии, представляют собою потомков Крымской орды, населяющих и поныне Крымский полуостров, и Ногайской орды; представители последней сохранились только в Ставропольской губ. (19.650 душ) и до сих пор не оставляют еще кочевого образа жизни.

Татары, населяющие Крымский полуостров, делятся на *три группы*: 1) степных татар, 2) татар, населяющих города Бахчисарай, Карасубазар, Евпаторию, Симферополь, Феодосию и 3) горских и южнобережных. Первые две группы представляют собою потомков монголо-татарских завоевателей с примесью пришедших с последними тюркских народностей, а позднее – с ногайцами. Горские и южнобережные татары образовались путем слияния отуреченных древнейших крымских народностей – греков, смешавшихся позднее с пришедшими готами, гунуэзцами, венецианцами и др. – татарами степной части полуострова. Степные крымские и городские татары, а также ставропольские ногайцы

как по своему физическому типу, так и по духовным особенностям не представляют существенных отклонений от описанных в VI т. «России» татар Поволжья. Напротив, южнобережные татары, которых обыкновенно и принято под именем крымских татар противопоставлять степным татарам, в действительности значительно отличаются, особенно по своей физической организации, от представителей тюркского типа. Всего в Таврической губернии татар числится 187.940 душ (13,0%), в частности же в Ялтинском у. – до 44.000.

Татары южнобережные – выше среднего роста; по определению А. Н. Харузина, рост их равняется 166,61 сант., тогда как в степных – Симферопольском и Перекопском уездах – он определяется только в 164 сант. Наиболее высокие татары встречаются в деревнях Ай-Никите и Гурзуфе Ялтинского у. По строению черепа южнобережные татары короткоголовы; головной показатель (отношение наибольшей ширины головы к наибольшей длине, принятой за 100) определяется для татар Гурзуфа в 86,08, Алулки – 83,80 и Дерекоя – 84,47. Межглазное пространство сравнительно невелико – до 1,9% роста, тогда как у монголов оно достигает в среднем 2,05%. Лоб составляет 36,25% лица, так что его можно назвать средним, нос – большой – 29,47% и наконец нижняя часть лица – небольшая. Цвет волос обыкновенно черный. Особенно же характерно отсутствие выдающихся скул, этого отличительного признака монголо-тюркских народов. В общем южнобережный татарин имеет правильные черты лица, сложен весьма стройно, почему и может быть назван красивым. Женщины – татарки отличаются мягкими и правильными чертами лица, темными, с длинными ресницами, большими глазами и тонкими, красиво очерченными бровями. Описанный тип однако даже в пределах небольшого пространства южного берега Крыма подвергается значительным колебаниям в

зависимости от преобладания тех или других из многочисленных оседавших здесь народностей. Так, напр., в Симеизе, Алулке и Лименах нередко можно встретить длинноголовых с продолговатым лицом, длинным, горбатым носом и русыми, иногда рыжими волосами. Южнобережные татары говорят на османском наречии турецкого языка. Честность, исполнение данного слова, справедливость, скромность и чувство собственного достоинства составляют основные черты характера татар. К сожалению в последнее время городская и особенно курортная жизнь оказывают сильное растлевающее влияние на их нравы.

Одежду южнобережного татарина составляет рубаха с косым воротом – кольмек, заправленная в широкие шаровары (шалвар) и подпоясанная цветным кушаком. Поверх кольмека прежде надевали камзол – бархатную, иногда шитую золотом короткую безрукавку, теперь почти вышедшую из употребления. Голову татары покрывают низкой черной барашковой шапкой – халпах, на дне которой иногда вышит полумесяц. На ногах мужчины носят чизму. Коревли – кожаные башмаки без голенищ на каблуках, иногда с железной подковой, или чувеки (род туфель из бараньей кожи без каблуков с языкообразными, подогнутыми внутрь задниками), а во время работы в большом употреблении чарыки, т. е. постолы из воловьей кожи. Хаджи, т. е. побывавшие в Мекке, носят чалму вокруг фески и желтые туфли на босу ногу и наглухо зашиваются в ватные куртки. У чабанов-пастухов распространены куртки из бараньей шкуры с кушаком, к которому прицеплен нож. Женская одежда состоит из колмека – длинной рубахи до пят, подол которой виден из-под верхней одежды, и шаровар, тоже доходящих до ступни. Верхнюю одежду татарки составляет бешмет – длинная шелковая кофта с узкими рукавами, обыкновенно яркого, чаще всего розового цвета с золотым или серебряным галуном на вороте и

груди. Необходимой принадлежностью женского наряда является также углюк – передник, сверх которого вокруг талии повязывают цветной платок – антеры. Поверх бешмета женщины носят камзол – длинную накидку с глухими рукавами, прикрепленную к головному убору и спускающуюся сзади вдоль спины; делается камзол из яркой, обыкновенно легкой шерстяной материи, а более нарядный – из шитой золотом парчи.

Головным убором татарки служит фес – бархатная, обыкновенно цветная (наичаще малиновая) плоскодонная шапочка, шитая золотом или украшенная мелкими монетами. Из-под феса сзади спускается марама – длинный шарф из самотканой кисеи с вышивками по краям. Сверх шапки иногда надевают тонкий платок – чембер и большой платок – шаль. Женскую домашнюю обувь составляют папучи – туфли без задков, а в торжественных случаях татарки обуваются в шитые золотом сафьяновые туфли. На работах женщины одевают такие же, как и у мужчин, чувеки. Из украшений весьма распространены кольца – юзук, серьги – купэ, браслеты – блезик, а также монеты – алтын, которыми украшают также шапочки. Женщины обыкновенно красят свои волосы, а часто и брови в бурый или ярко-рыжий цвет, для чего служит добываемая из растения краска кина. Нередко встречается также обычай татуировки, состоящий в накалывании иглою и окраски междубровного промежутка и даже поперечной части лба. Такой же окраски подвергаются иногда ногти на руках и части ладони; окраска ногтей особенно часто практикуется на свадьбах. Прежде среди замужних женщин был распространен также обычай красить зубы в черный цвет. Волосы, как у женщин, так и у девушек обыкновенно заплетены мелкими косичками, спускающимися из-под шапочки. На ремешке через плечо татарки носят дуа – сумочку с молитвой из корана, которая делается из серебра или сафьяна.

Обычную пищу татар составляет пшеничный хлеб – *экмек*, с чесноком, сладким луком или соленым зеленым перцем. Весьма распространены продукты из овечьего молока – *брынза* (овечий сыр), *катык* – свернувшееся овечье молоко, из которого разбавлением водой приготавливают любимый татарский напиток *язьму*, и *каймак* – пенки, снятые с кипяченого молока. Катык и каймак обыкновенно искусно приготавливаются чабанами. Из мясных блюд употребляемых сравнительно реже, в большом ходу *шашилук* – зажаренные на вертеле куски бараньего мяса. В особенно торжественных случаях варится *шурба* – суп из баранины, заправленный какой-нибудь крупой. Из неквашенного теста готовят *чебуреки* – пироги на бараньем сале с бараньей начинкой и *катламу* – лепешку без начинки. В большом употреблении также халач – крупные бублики. Весьма распространенным блюдом является *бекмез* – густой, похожий на мед навар из сбиваемых груш и яблок; бекмез едят обыкновенно с хлебом. Из напитков кроме упомянутой выше *язьмы* татары очень любят черный кофе по-турецки, составляющей обязательное угощение гостеприимного татарина. Из других напитков татары довольно часто пьют непредусмотренную кораном бузу – весьма хмельное просяное пиво; сравнительно реже употребляется сладкий напиток шербет. Из фруктов и ягод готовят варенье татлы.

Татарские жилища строятся фасадом на юг, а в горах – к стороне, защищенной от ветра. В степи постройки с крохотными окнами, расположенными часто не на одной высоте, издали кажутся ушедшими в землю. Материалом для построек служит обыкновенно мелкий камень или хворост на земляной или глиняной кладке. Домики бывают одноэтажные и реже двухэтажные. Кругом дома идет веранда, иногда обсаженная растениями; особенно старательно та-

тары ухаживают за священным по их понятиям цветком, называемым ими васильком (растение из рода *Sentellaria*), который употребляется при различных обрядах и праздниках. Плоская крыша – дама, делается из хорошо убитой каменным катком земли; эта операция очень часто повторяется после сильных дождей, размывающих землю. При скученности татарских построек по склонам гор нередко крыша служит террасой или двором для другого, выше стоящего дома. На крыше обыкновенно производят сушку фруктов, овощей и орехов. Здесь же нередко танцуют во время байрамов и других праздников. В теплую погоду татары часто спят на крышах.

Внутри дом делится на две или на три комнаты, в которых пол из убитой и обмазанной глиной земли покрыт войлоком, редко ковром. В главной комнате, служащей гостиной, а у более бедных и спальней, вокруг стен разложены подушки для сиденья, а перед ними стоит небольшой столик, вышиной в пол аршина, покрытый скатертью – юзбець. Потолок убран чадрами, которые располагаются на серюках (жердях) радиусами, сходясь в середине комнаты, так что получается подобие звезды. По стенам на полках расставлена посуда; в углу комнаты помещается очаг из глины, с хворостяной трубой, расписанный иногда разными узорами. В гостиной обыкновенно в углу стоят еще сундуки, заваленные постельными принадлежностями для гостей. В комнате, служащей спальней, помещается склад всего имущества; тут же стоит расписная колыбель. Наконец в сенях обыкновенно помещается ручной станок, на котором татарки ткут чадры, мараму и др. материи.

Что касается семейного быта и связанной с ним обрядовой стороны жизни татар, то они существенно не отличаются от быта и обрядов приволжских татар. Как и у татар Поволжья, женщины крымских татар не имеют никаких

прав и находятся в полном подчинении у мужей. Двери мечети для них закрыты. Южнобережные татарки, в противоположность степным татаркам, обыкновенно не закрывают лица. Многоженство среди крымских татар почти вышло из обычая. Татары исповедывают магометанство, которое принял еще хан Золотой Орды Берке. Как все мусульмане, они – фаталисты и в значительной степени суеверны. Особенно сильна среди них вера в целительные свойства святой воды – аясмы. Вера в святую воду так сильна, что ежегодно стекается множество татар-магометан для омовения в источнике, находящемся в православном монастыре св. Козьмы и Дамиана близ Алушты, что, по их мнению, исцеляет ото всех болезней. Грамотных среди татар очень мало, хотя, по татарским законам, каждый ребенок в возрасте от 6 до 15 лет должен посещать школу мехтебе. Такие школы попадаются в каждой деревушке, а в больших селениях устроены и медресе – школы для приготовления мулл и учителей, но преподавание в них поставлено очень плохо.

Творчество крымских татар, как жителей богатой красотами страны, значительно полнее содержанием, чем у степных татар, что особенно сказывается в довольно многочисленных песнях лирического содержания, а еще больше – в бесчисленных легендах и сказаниях, которыми население горных местностей объясняет происхождение поражающих их суеверное воображение геологических явлений. Крымская Яйла – это татарский Олимп, населенный всевозможными духами, представителями двух начал – доброго и злого, ведущими между собою бесконечную войну. Подробнее об этих легендах будет сказано ниже, при описании отдельных местностей южного берега Крыма. Не прошло бесследно для народного творчества и богатое историческое прошлое страны. В одной, напр., весьма любимой песне

татары с большим воодушевлением воспевают подвиги славного героя Киороглу, сына слепца. В музыкальном отношении эта песня, подобно большинству татарских песен, поражает своей бедностью и однообразием напева. Оркестры для татар Бахчисарая составляют преимущественно цыгане-даулджи с турецким барабаном (даул), зурной (рожок-пискун), скрипкой и даре (бубен).

Туркмены или **трухменцы**, числом до 15 тысяч душ, из которых в конце 1860-х годов насчитывалось до трех тысяч оседлых, кочуют в северо-восточной, степной части Ставропольской губ., между рр. Кумой и Калаусом, т. е. на пространстве, отведенном для кочевников по плану 1803 г. На зиму они обыкновенно располагаются в пределах так называемого Трухменского пристава, на летнюю же ставку переходят в урочище Копани, где и живут частью в построенных здесь крестьянских саманных домах, большею же частью в кибитках. В настоящее время все кочевое население Ставропольской губ. вместе с калмыками в общем занимает до 26% ее площади. Трухменцы несомненно принадлежат к тюркскому племени. Сами себя они называют тюркменами и считают выходцами с Мангышлака, из ущелий высоких гор (вероятно Каратау), названия которых память их не сохранила. При этом они отрицают свое родство не только с ногайцами и другими татарами, но даже с тюркскими народами, живущими в Средней Азии, а также с туркменами, кочующими у восточных берегов Каспийского моря. Однако все перечисленные народности понимают язык ставропольских трухменцев, весьма близкий к азербейджанскому наречию тюркского языка. Из русских исторических данных видно, что трухменцы пришли в пределы нынешней Ставропольской губ. в 1653 г. из Центральной Азии, где они были данниками хивинского

хана. В царствование Алексея Михайловича они в союзе с другими кочевниками (калмыками, ногайцами и др.) «имели с крымским ханом бои немалые», результатом чего было признание за кочевниками со стороны Крымской орды права на предкавказские и завожские степи. До 1790 г. трухменцы имели три рода – *эгдыровский*, *чавдуровский* и *сайнаджиевский*, в этом же году к ним присоединились еще 64 семьи туркмен вместе с 80 семьями киргизов, которые впоследствии вполне слились с трухменцами и составили четвертый род *казакачиев*.

По своему физическому типу трухменцы похожи на калмыков, но разрез глаз имеют больший. В массе трухменцы среднего роста, широкоплечи, крепкого, но худощавого и нестройного телосложения, смуглы и имеют черные глаза и волосы, которые часто подбривают на затылке и висках по-малорусски. Лицо их некрасиво от свойственного тюркскому племени сильного развития скульной кости и худощавости, происходящей от изнуряющих лихорадок и горячек. Единственную красоту у женщин составляют их пронизательные черные глаза. В характере трухменцев преобладают хорошие черты. Они почтительны к старшим, простодушны, добры, гостеприимны, хлебосольны и очень религиозны. Для определения нравственности они употребляют только два слова – хороший и дурной. Кодекс их нравственных правил называется *Эдеб*. Хороший человек никому не делает вреда, помогает бедным и ревностно исполняет требования религии; дурной тот, кто мошенничает, клязуничает, небрежно относится к религии и пьянствует. К отрицательным сторонам трухменского характера надо отнести их склонность к грабегам и разбоям.

Одежда трухменца средней зажиточности состоит из желтого полосатого или синего бешмета или черкески, синих демикотоновых или нанковых шаровар, запущенных в са-

поги, и высокой бараньей шапки с суконным желтым или коричневым верхом, которая почти никогда не снимается. Сверху надевается халат, стянутый ремненным поясом с привешенным к нему небольшим ножом в ножнах. В холодное время халат заменяется черной суконной или плюсовой шубой. Бедные одеваются во что придется – простые бешметы, нагольные полушубки, старые солдатские шинели и пр. Одежда наиболее зажиточных – духовенства, родовых старшин и др. – та же, но более ярких цветов. Кроме того духовенство и «хаджи», т. е. бывшие в Мекке на поклонении, носят чалмы. Часто можно видеть нашитые на спинах бешметов четырехугольники красного сафьяна или суконные, под которыми хранятся талисманы, привезенные из Мекки, или спасительные молитвы. Женская одежда состоит из рубашки красного или желтого цвета, шаровар и бешмета тех же цветов, стянутого поясом с серебряными застежками, халата или шубы, смотря по времени года. Головным убором служит меховая или стеганая шапочка с красным верхом, украшенным накрест позументом, и покрывало длиною до пят (*тастар*), которое скрывает лицо незамужних трухменок и замужних в первый год брачной жизни, а после годичного срока оно закидывается назад.

Живут трухменцы в войлочных кибитках, среди которых устроен таганок для варки пищи; едят сидя на коврах; для сна имеют постели с высокими пуховиками или шерстяными тюфяками, покрываются одеялами или овчинами. Необходимую принадлежность каждой кибитки составляет детская люлька, покачивающаяся на дугообразных планках. Среди посуды часто можно встретить самовары, так как трухменцы большие любители кирпичного чая, который церемонно пьют с пресным хлебом и бараньим салом. В пищу идут преимущественно баран, баранье сало,

крутая пшенная каша, поджаренная на курдючем сале, иногда суп – лапша (бешбармак). Из питей употребляют кумыс и арьян; водку, называемую аракой, пьют в небольшом количестве и только в торжественных случаях.

Предки ставропольских трухменцев были идолопоклонниками, но еще, живя в Азии, приняли магометанскую религию суннитского толка. Многие из трухменцев, отличающихся необыкновенным религиозным усердием, посещают Мекку и приносят оттуда множество амулетов, спасающих от порчи, сглаза и пр.

В религиозных обрядах трухменцев нет никаких отличий от обще-мусульманских обрядов. Кадии, наибы, ахуны, эфенди, муллы – пользуются большим почетом и имеют огромное влияние, так как в их руках находятся также судебная и исполнительная власти по вопросам семейного, брачного и наследственного прав; они же являются большею частью в качестве третейских судей по делам совести, руководствуясь обычаем или шариатными книгами.

Браки заключаются всегда по взаимному согласию молодых людей. При этом жених или его отец уплачивает за невесту калым, приданого же за невестой, согласно шариату, не полагается. В дом невесты приглашают муллу и по одному свидетелю с каждой стороны для удостоверения о действительном согласии на брак жениха и невесты. После обыкновенной брачной церемонии молодой усаживает свою жену в закрытую арбу, складывая туда же ее имущество – платье и прочую рухлядь и в сопровождении приглашенных, которые несут на руках в дом молодого особую брачную кибитку с круглым верхом, отправляется к себе. Если арба не закрыта, то брачная кибитка ставится на нее так, чтобы она скрывала молодую. Вдова при выходе замуж едет в незакрытой арбе. В доме молодых устраивается пир, во время которого почетных гостей по секрету от

других угощают водкой. Пир сопровождается стрельбой, борьбой и плясками под аккомпанемент кобура и тамура. При экономическом неравенстве, когда жених не может рассчитывать на согласие родителей невесты, происходит умыкание.

Из других обрядов скажем несколько слов о погребении. Могила вырывается, как вообще у мусульман, с боковой нишей для тела, которое кладется туда не в гробу, а завернутое в материи. Ниша забивается небольшими кольями, после чего могилу засыпают землею, образуя над нею бугор, с которого каждый присутствующий сбрасывает щепотку земли, чтобы снять с покойника тяжесть грехов. Во время погребения, после чтения Корана начинается обряд причитания. Небольшой первоначально плач скоро переходит в вопли, а затем в дикое завывание. Воют и мужчины, и женщины. По истечении года со дня смерти родные и знакомые покойного собираются в кибитку ближайших его родственников, и после молитвы происходит тот же обряд причитания, причем каждый во время воя продолжает свое занятие – мужчины курят, женщины шьют и пр. Опоздавшие к началу этого обряда родные должны хоть ночью посетить кибитку и, присев на корточки у ее дверей, повить с четверть часа.

Семейные отношения тухменцев носят азиатский патриархально-деспотический характер. Глава семьи и вообще старики пользуются таким почетом, что младшие не могут не только говорить в их присутствии без разрешения, но даже приветствовать их. При жизни отца сын считается «младшим». Женщина находится в положении рабы. Муж должен «одевать ее, кормить и напрасно не бить». Девуцы держатся в стороне от мужчин. Воспитание детей очень сурово, сообразно с условиями кочевой жизни. При этом к особенностям тухменской семьи надо отнести то, что

обыкновенно отец занимается воспитанием дочерей. Образование среди тухменцев не распространено, так как из них грамотны только духовные лица, да и те кроме священных книг ничего не читают. Народная литература вся заключается в произведениях народного поэта Махдумкули, написавшего книгу песен и нравоучений, да нескольких сказок Кара-Оглы и Аман-Муллы. Сами тухменцы редко поют песни, но очень любят слушать бродячих певцов-сказочников – «бахши», расхаживающих с двухструнной турецкой балалайкой («толы-домбра»).

Социальное устройство тухменцев просто. Сословий у них нет. Класс духовенства (не наследственный) составляют кадии – высшие лица духовной иерархии и вместе с тем судьи. Их ведению подлежат дела по разделам, разводам, опеке, тяжбы до 100 рублей. Наибы являются исполнителями приказаний кадиев. Муллы ведают исключительно религиозные дела. Для решения общенародных дел созывается сходка представителей от каждой кибитки, т. е. старших каждой семьи. Во главе родов стоят аксакалы и старшины.

Калмыки кочуют в южной России в пределах области войска Донского, между левым берегом р. Сала и правым р. Маныча, (свыше 32.300 чел. и 1,3% в области) и в северной части Ставропольской губ., между р.р. Егорлыком и Калаусом (по переписи 10.800 чел. или 1,2% в губернии). Часть калмыков приписана к казачьему сословию, другая – кочевники. Первые исторические сведения о появлении калмыков в Донской области относятся к первой половине XVII в., когда они, по договору с русским правительством, совершали совместно с казаками походы или вернее набеги против Азова и крымского хана. В конце того же столетия для привлечения калмыков в состав ка-

зачьего сословия им было назначено жалование по 500 руб. на каждого зачисленного в казаки, а в 1806 г. придонские калмыки были распределены на три улуса, разделявшиеся на сотни, по две – четыре сотни в каждом улусе. Сотня в свою очередь распадалась на шесть хутонов (хотонов), заключавших в себе по 10–20 кибиток каждый.

Административные и судебные функции в улусах находятся в руках приставов (с 1803 г.), избираемых донским дворянством из среды офицеров войска Донского. Для ближайшего управления в каждой сотне имеется сотник, выбираемый калмыками из своей среды. Особых полков служилые калмыки не образуют, а отправляют внутреннюю и полевую службу между казаками-донцами, пользуясь при этом правом заменять строевую службу исполнением обязанностей табунщиков при полках и конских заводах. Класс духовенства – *башии*, *гелуны* и *гецулы* освобождены от всяких повинностей и податей, как и у приволжских калмыков. В половине XVIII века в Ставропольской губ. было образовано из части кочевавших здесь калмыков (до 3.000 чел.) ставропольское калмыцкое войско. Управляются калмыки Ставропольской губ. так же, как и донские, приставами.

Физический тип калмыков, несмотря на метисацию с казаками русского происхождения, сохраняет свои монгольские черты, именно – косой разрез глаз, широкие выдающиеся скулы и приплюснутую носовую кость. Влияние казаков и соседних горских народов сказалось только частью во внешнем быте калмыков. Так, в одежде ставропольских и придонских калмыков больше ярких красок, чем в одежде приволжских. В верхних одеяниях, особенно духовенства, преобладают желтый и красный цвета, имеющие для калмыка историческое и священное значение. Одежда придонских и ставропольских калмыков состоит из полотняной рас-

пашной рубахи *киилика*, серых или синих штанов (*талбур дотожди*), у служилых калмыков с красными лампасами, кафтана из зеленой полушелковой материи с красным отложным воротником, бешмета, вроде казакина со сборками от боков, на манер кофты с длинными рукавами и широким воротником, из голубой китайки (в Больше-Дербетовском улусе – кавказского фасона, т. е. с патронташами на груди и сборками на талии); бешмет опоясан кушаком с красно-желтой отделкой и кистями. Головным убором служит шапка желтого сукна с барашковым околышем, а в Ставропольской губ. – мохнатая кавказская папаха. Ставропольские калмычки носят фиолетового цвета бешметы со стоячим воротником и вышитым позументом на груди и рукавах; сверху надевают кафтан-безрукавку из черного бархата с золотым узором по краям. Донские калмычки носят нижний бешмет красного цвета, верхний кафтан из голубой полосатой материи, причем и тот, и другой также украшают золотым позументом. Шапка – с желтым или красным суконным околышем, украшенным бисером, с четырехугольным верхом из желтого шелка, с пуговками и кисточкой. Незамужние носят желтый или красный суконный пояс и волосы заплетают в несколько кос; замужние ходят без пояса и волосы сплетают по бокам в две косы, на которые одеваются шелковые или плисовые черные чехлы с застежками.

Жилищем калмыков служит та же неряшливая кибитка, которая описана в VI томе «России». Спят калмыки обыкновенно на полу, а богатые – на высокой деревянной постели. У изголовья ложа стоит неизменная принадлежность почти каждой кибитки – религиозный аппарат «*кюрде*», представляющий из себя четырехугольную трехъярусную этажерку, в каждом ярусе которой помещено по барабану, вращаемому на оси посредством приспособ-

ленного к этому шнура. Внутри барабанов находится бесчисленное количество мелких бумажек с написанной на каждой буддийской молитвой, приносящей спасение души тому, кто прочтет ее 100 миллионов раз, но так как при таком счете легко можно ошибиться, то калмык заменяет чтение ежедневным вращением по несколько раз описанных барабанов, что для доброго *бурхан-бакиши* не имеет различия, потому что шум вращаемых барабанов похож на звук человеческого голоса.

Внутренний быт семьи, основанный на крепко живущих народных традициях, ничем не отличается от быта приволжских калмыков, несмотря на более тесное соприкосновение с русской культурой. Замужняя женщина считается вещью (по степному уложению *цааджич бичик*), но она является вместе с тем полной хозяйкой дома. Битью подлежит жена только в случае, если она нанесет побои свекру или свекрови. У буддистов женщина участвует в религиозных обрядах. К оседлой жизни калмыки до сих пор не выказывают склонности. Главным занятием неслужилых калмыков, каковые составляют значительное большинство в описанной области, является скотоводство.

III. ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ НАСЕЛЕННЫЕ МЕСТА

1. ОДЕССА

В. В. Морачевский
«Россия...», т. XIV. С. 456–460.

Обзорные замечательных населенных мест и местностей Новороссии мы начнем с ее важнейшего культурного и экономического центра – уездного города Херсонской губернии – Одессы, расположенного на северо-западном берегу Черного моря, верстах в 30 к северу от устья р. Днестра, под 46°28'36" северной широты и 30°45'33" восточной долготы от Гринвича, в 1.818 верстах кратчайшим железным путем от Петербурга, 1.531 версте от Москвы, в 832 верстах от Харькова и т. д. Берег моря у Одессы возвышается над уровнем воды почти на 47 метров. Общая площадь Одесского градоначальства, занимая пространство в 414 кв. верст, представляет собой фигуру, вытянутую в меридиональном направлении на 32 версты, а в ширину – от 6 до 20 верст.

История Одессы представляет собой огромный и притом весьма своеобразный интерес. В противоположность сотням других русских городских поселений, ведущих свое существование уже в течение нескольких веков и в то

же время остающихся на весьма низком уровне экономического развития, Одесса за одно только столетие своей жизни превратилась в цветущий европейский город и заняла роль одного из важнейших торгово-промышленных и культурных центров всего юга России. Занимаемая Одессой местность была заселенной уже в очень давние времена, когда между устьями рек Днепра и Днестра существовали пристани, на которых сбывались произведения припонтийских степей. Здесь, на месте нынешнего Одесского порта, по мнению археологов, находились пристани *Истриан* и *Исиаков*, а кроме того к северо-востоку от Одессы были расположены две другие гавани – *Скопели* у с. Дофиновки и *Одессос* (Ордиссос) – у Тилигульского лимана.

В период великого переселения народов (III–IV века) названные поселения исчезли вместе со всей их торговлей, и каких-либо дальнейших упоминаний о существовании новых поселений в этой местности не встречалось уже в течение почти десяти последующих столетий. Нельзя однако не оговориться, что побережья как Днестра, так и Черного моря к востоку от Днестровского лимана были заняты в VI веке антами, а в IX – тиверцами. Спустя уже некоторое время, когда черноморское побережье стали посещать итальянские мореходцы, последние отметили на своих картах в местности, занимаемой Одессой, название «*la Ginestra*» (по всей вероятности от произраставшего здесь в изобилии дрока) безо всякого указания на существование здесь какого-либо поселения. С XIV века черноморское побережье между реками Днестром и Днепром сделалось владением русско-литовских князей. В 1396 году Ольгерд, полководец в. кн. Витовта, разбил здесь трех татарских вождей, один из которых – Бек-Хаджи по некоторым источникам незадолго перед тем основал на месте Одессы укрепление, названное им *Хаджибеем* (Гаджибеем).

Во всяком случае Хаджибей, по мнению проф. Надлера, был построен татарами, а литовцы только отняли его у них, привлекаясь близостью соленых озер и возможностью выгодной морской торговли. По польским же источникам *Хаджибей* или *Кацюбой* (Кацуба) был основан польским шляхтичем Кацюбой Якушинским, владевшим местечком Якушином на р. Буг. Когда великий князь Ольгерд выгнал татар из Подолии и, преследуя их, достиг замка *Монкастро*, расположенного на Овидиевом озере (Днестровский лиман), Кацюба, участвовавший в этом походе, облюбовал себе местечко над морем и построил хутор, поселив в нем нескольких крестьян из Якушина. Под властью Литвы, а затем Польши рассматриваемая местность находилась до половины XVI века. Так, в 1413 году польский король Владислав отправил из Кацюбея несколько судов с хлебом в осажденный турками Царьград (Константинополь); но уже из договора польского короля Сигизмунда Августа с крымским ханом Саиб-Гиреем, состоявшегося в 1540 году, видно, что Кацюбой или Хаджибей принадлежал в то время татарам; польские и литовские купцы, приезжавшие в Хаджибей за солью, были обязаны платить хану пошлину. От татар Хаджибей перешел во власть турок, но время этого перехода в точности остается неизвестным.

Во второй половине XVIII в., а именно в 1764 году, турки, готовясь к войне с Россией, построили у Хаджибея крепость *Яни-Дунья* (Ени-Дуня). Эта крепость имела форму четырехугольника, окруженного земляным валом; по углам ее стояли 4 пушки и имелось еще 8 запасных. В середине крепости находился дом паши, а в стороне от него – глубокий погреб для хранения пороха; гарнизон крепости состоял из 300 человек. Между крепостью, занимавшей крайнюю северо-восточную часть теперешнего Николаевского бульвара и началом нынешней Ришельевской улицы, находилось

небольшое татарское селение, состоявшее из плохо выстроенных землянок из местного камня, покрываемых на зиму войлоками. Местом сборища как местных жителей, так и проезжих людей служила кофейня, находившаяся на месте теперешнего дома Меля и содержавшаяся каким-то греком. Далее, между нынешними Екатерининской улицей и Греческим базаром находилось мусульманское кладбище. На месте карантинного здания возвышалась башня с маяком. Неподалеку от нее были расположены амбары для провианта; здесь же производилась и погрузка товаров на суда, преимущественно пшеницы и кож. Полукочеевое татарское население Хаджибея жило в постоянной тревоге за возможность нападений запорожцев и ногайских кочевников. При первых же признаках приближающейся опасности они бросали свои жилища и скрывались в степи. Главное занятие хаджибейских татар составляло скотоводство; о значительных размерах последнего можно судить, напр., по тому, что запорожские казаки при набеге на Хаджибей в 1769 г. захватили 20 тысяч лошадей, 1.000 штук рогатого скота, 4 тыс. овец и 180 верблюдов.

Наряду с татарским населением в Хаджибее уже с давнего времени стали поселяться и русские выходцы из польской и русской уkraine, а иногда даже и из центральных частей Великороссии. Выходцы эти были по большей части людьми беглыми, спасавшимися от невыносимого панского гнета, тягостей барщины и рекрутчины, религиозных гонений и пр. После разорения Запорожской Сечи сюда явилась в 1775 году также одна из партий запорожцев, не пожелавших подчиниться новым порядкам и с разрешения турецкого паши поселилась на Пересыпи и по балкам, впадающим в Хаджибейский лиман, где находятся теперь Нерубайские и Усатовы хутора. Русские поселенцы располагались обыкновенно хуторами в окрестностях Хаджибея, причем главным

занятием их являлось земледелие. Кроме русских сюда же переселялись греки, занимавшиеся преимущественно торговлей.

Таков был в общем вид Хаджибея перед началом третьей (в царствование имп. Екатерины II) турецкой войны (1787–1791 гг.). После взятия Очакова Потемкин отправил к Хаджибею генерала Гудовича, который, прибыв в местность нынешнего с. Дофиновки, отрядил отсюда для взятия крепости казаков из трех пеших и трех конных полков при трех пушках под командой кошевого Чепеги и судьи Головатого с корпусом ген.-майора де-Рибаса. Составивший в этом корпусе полковник Хвостов, пройдя по оврагу возле самого селения Хаджибея, добрался до крепостного вала и вместе с подоспевшей артиллерией, открывшей бомбардировку, взял крепость штурмом в ночь на 14 сентября 1789 года. Завоевание Хаджибея русскими на первых порах не произвело сколько-нибудь заметных изменений в характере и условиях местной жизни. Завоеватели в скором же времени вступили в дружественные отношения с местными обывателями, и уже на пятый день после штурма де-Рибас и его офицеры мирно пили кофе в единственной упоминавшейся выше хаджибейской кофейне, щедро расплатясь с ее хозяином. По Ясскому мирному договору 1791 года Хаджибей со всей Очаковской областью перешел к России.

Для укрепления новых границ государства и морского побережья правительство в скором же времени после этого приступило к сооружению целого ряда крепостей, в том числе и крепости в Хаджибее. При этом Хаджибейская крепость, по общему плану обороны, вместе с Овидиопольской и Тираспольской должна была составить третью оборонительную Днестровскую линию, предназначенную для прикрытия новой русской границы со стороны Бессарабии. Строителями крепости были назначены де-Рибас и

инженер-полковник де-Волан, которым и был составлен проект крепости. Последняя должна была служить главнейшим образом для обороны рейда. Она была рассчитана на 2 тысячи человек гарнизона и 120 орудий различного калибра. В 1793 году были произведены главнейшие работы по сооружению крепости, а в следующем году прибыл и гарнизон. В этом же году была сооружена первая церковь. В следующем 1794 году де-Рибас представил через главного начальника Новороссийского края гр. А. В. Зубова на высочайшее усмотрение свой проект устройства в Хаджибее военно-торгового порта. Предложение де-Рибаса было одобрено, и 27 мая 1794 года последовало утверждение его, причем устройство города и порта было поручено самому де-Рибасу и инженеру де-Волану под общим наблюдением гр. Суворова-Рымниковского.

В интересах призываемых поселенцев – «для выгод поселяющихся там народов» – городу было отведено 30.700 десятин земли, и на строительные расходы была отпущена ссуда в 2.305.161 рубль; кроме того для привлечения жителей в новый город были объявлены различные льготы переселенцам: освобождение на 10 лет от податей и военных постоев, ссуда от казны на первое обзаведение, разрешение сектантам совершать свободно богослужение, а также строить свои церкви и монастыри. В самом строительстве участвовали главным образом солдаты расположенных по близости полков. Население Хаджибея стало численно быстро возрастать, и уже в конце 1795 года, по первой переписи, произведенной де-Рибасом, в городе имелось, кроме войск и временно проживающих, 2.349 жителей обоого пола, а в следующем году – 3.153 души. В том же 1796 году в городе насчитывалось уже 198 лавок, 17 магазинов, 98 погребов, 6 мельниц, 5 заводов и 2 фабрики; в город прибыло из-за границы 86 судов и отошло 64. Следовательно

первые же годы существования нового города позволяли с убеждением сказать, что будущее торговое значение его, как и предполагалось, вполне обеспечено. Однако самые работы по устройству города и порта подвигались в первое время очень медленно, с одной стороны вследствие недостаточной распорядительности местной администрации, с другой – вследствие многочисленных злоупотреблений, особенно во время продолжительных отлучек де-Рибаса по делам службы. Переселенцы также бедствовали от различных злоупотреблений, которыми особенно прославился грек Афанасий Косоглу, занимавшийся по поручению правительства устройством их быта и пользовавшийся полным доверием де-Рибаса и самого правительства.

Со смертью Екатерины (1796 г.) и воцарением Павла I произошла резкая перемена в судьбе города. Ассигнование средств на устройство гавани прекратилось, вместе с тем работы были временно приостановлены. Вследствие этого, а также по причине присоединившихся стихийных бедствий – полного неурожая 1799 года и последовавшего затем голода, землетрясения в том же 1799 году, разрушившего многие постройки в городе и даже обрушившего в море часть берега, а также почти совершенного прекращения торговли из-за войны – положение города сделалось тяжелым. В виду этого одесский магистрат в начале 1800 года решился на чрезвычайную меру: сознавая, что спасение дальнейшей судьбы города зависит прежде всего от окончания работ по сооружению гавани, он постановил взять постройку последней на себя, необходимые же для этого денежные средства испросить у правительства в виде долгосрочной ссуды. Поэтому магистрат обратился к имп. Павлу с ходатайством об отпуске ссуды из казначейства в 250 тысяч рублей на 25 лет и передаче заготовленных казенной материалов, сопроводив ходатайство особым адресом

и подарком 3 тысяч отборных апельсинов из первого весеннего привоза. Приняв подарок, император отнесся сочувственно к ходатайству магистрата. Последнее было удовлетворено, и постройка гавани быстро пошла вперед.

Около 1795 года Хаджибей был переименован в Одессу, хотя точной даты о времени и мотивах такового переименования не разыскано. В первый раз имя «Одессы» в официальных бумагах встречается под 10 января 1795 года. В указе от 27 января того же года упоминается город Одесса «татарами Хаджибей именованный», как приписанный к Тираспольскому округу. По некоторым указаниям наименование Хаджибея Одессой было предложено Академией Наук от имени выше упоминавшейся древней греческой колонии у Тилигульского лимана. Александр I продлил льготы городу еще на 25 лет, освободил его от военного постоя, предоставил право $\frac{1}{10}$ таможенного сбора на содержание гавани и повелел соорудить две новые пристани. В 1803 году Одесса сделалась градоначальством (тогда еще первым во всей империи). и ее градоначальником был назначен герцог Эммануил Ришелье*.

* Герцог Ришелье Арман Эммануил Дю-Плесси (родился в 1766 году) происходил из древнего французского рода, являясь потомком всемогущего министра короля Людовика XIII кардинала Ришелье Армана Жана Дю-Плесси. В России Ришелье прибыл при начале французской революции, оставаясь верным королю Людовику XVI. В 1790 году герцог принимал участие в крымской войне. Екатерина II в конце своего царствования назначила Ришелье командиром кирасирского полка военного ордена. При Павле I он вскоре же впал в немилость и, будучи устранен от должности, уехал в Вену. Император Александр I со вступлением на престол вспомнил Ришелье, к которому уже ранее он возымел большое расположение за его обширные и разносторонние познания, прямой и честный характер и другие личные качества; император назначил герцога градоначальником г. Одессы, предоставив ему огромные полномочия и таким образом обеспечил ему полную самостоятельность действий. Со вступлением на престол Людовика XVIII Ришелье снова удалился во Францию. Перед смертью,

В период его управления Одесса сделала особенно быстрые и заметные успехи на пути своего благоустройства и экономического прогресса. При герцоге Ришелье были устроены карантин из упраздненной крепости, мол и складочные магазины для иностранных товаров, храмы всех христианских исповеданий, основаны променная и учетные конторы, банки и коммерческий суд, благородный институт, устроен театр с певческой капеллой, концертная и бальная зала, появилось впервые правильное освещение улиц, значительно расширены средства, обеспечивающие общественную безопасность и пр. Необходимо также упомянуть, что Ришелье с первых же годов своего управления сумел выговорить для Одессы право повысить удерживаемую городом долю таможенных сборов с $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$ всей поступавшей суммы, получить право обложения отпускаемого за море хлеба, испросить разрешение на выдачу ссуд лицам, производящим постройки в городах и т. д.

Благодаря всему этому через десять с небольшим лет Ришелье имел возможность докладывать государю, из свойственной ему скромности при этом умалчивая о многих своих успехах, следующее, приводимое нами в отрывках: «Одесса и Новороссия вообще сделали за последнее короткое время такие успехи, подобных которым не делала ни одна страна в мире. Самый выдающийся из городов края — это Одесса. В настоящий момент ее население доходит до 35 тысяч человек. В течение 10 лет оно увеличилось в пять раз. Число домов в городе доходит теперь до 2.600, постоянно воздвигаются новые, соперничающие между собой в прочности и красоте. Доход с винного откупа, уступленный

последовавшей в 1822 году, он снова собирался вернуться в Одессу. Александр I, при получении известия о кончине Ришелье, сказал французскому послу: «Я оплакиваю герцога Ришелье, как истинного друга, говорившего мне истину. Заслуги его увековечивают благодарность всех честных русских людей».

правительством городу, достигал в 1803 году 47.000 р., теперь он доходит до 280.000 рублей. Почтовый доход равнялся в 1803 году 11.000 руб., теперь в 1813 году он возрос до 190.000 рублей. Торговый оборот всех портов Черного и Азовского морей равнялся в 1796 году 1.250.000 рублей, теперь он достиг до 45 миллионов руб., из коих большая половина, около 25 миллионов приходится на долю Одессы. Таможенные сборы, приносившие лет 15 назад несколько тысяч рублей дохода, дают теперь ежегодно казне 2 миллиона». И далее: «когда я приехал в Одессу в 1803 году, я должен был употребить 6 недель времени, чтобы добыть себе дюжину самых простых стульев, и в заключение я вынужден был выписать их из Херсона, а в 1813 году из Одессы вывезено было в Константинополь мебели на 60 тысяч рублей, сделанной отнюдь не хуже, чем в Москве или Петербурге».

Даже в годы разрыва мирных сношений между Россией и Турцией, когда таким образом, казалось бы, все торговые операции по Черному морю должны были прекратиться и принести тем самым тяжелый ущерб не только Одессе, но и всему югу России, Ришелье сумел достигнуть того, что подобные последствия войны в значительной мере были предотвращены, а именно, он исходатайствовал, чтобы, несмотря на войну, турецким подданным был разрешен свободный торг в Одессе, а самый порт был бы открыт для турецких торговых судов. Благодаря этому в 1806 году в Одессу все же прибыло до 400 торговых судов – турецких и нейтральных. В 1812 году Одессу постигло тяжелое испытание – восточная чума, благодаря опять же чрезвычайно энергичным мероприятиям Ришелье быстро локализованная и прекратившаяся.

Преемником Ришелье был граф Ланжерон. Наиболее крупным событием в жизни города за период его управления было полученное Одессой в 1817 году право порто-

франко, т. е. право свободного заграничного ввоза и вывоза товаров, сохранявшее здесь свою силу до 1859 года, а также открытие высшего учебного заведения – Ришельевского лицея, построенного в значительной мере на средства герцога Ришелье. С назначением в 1823 году главным начальником Новороссийского края князя М. С. Воронцова для города Одессы, возведенного к тому же в 1825 году на степень уездного, с сохранением при этом градоначальства, наступил новый период крупных мероприятий по его благоустройству. Так, при кн. Воронцове, пробывшем в Одессе до 1845 года, началось устройство мостовых, сооружена знаменитая лестница к морю, разбит Дюковский сад, возникли многочисленные благотворительные, учебные и ученые заведения, общества и т. д. Кроме того нельзя не заметить, что в этот же период был очищен и углублен Одесский практический порт, и начало делать особенно быстрые успехи пароходство; так в 1833 г. было учреждено Черноморское пароходство, в 1843 году основано Русское общество пароходства и торговли и пр. В 1852 году население Одессы достигало уже 97 тысяч душ. В истории последующей жизни г. Одессы должны быть отмечены следующие важнейшие моменты.

В 1854 году Одесса подверглась двенадцатичасовому нападению со стороны соединенной англо-французской эскадры, с успехом впрочем отраженному береговыми батареями. Союзный флот прибыл сюда в числе 28 судов под командой Дундаса и Гамелена и атаковал прибрежные батареи, причем особенно жестокому обстрелу подверглась левая батарея № 6, помещавшаяся на оконечности мола практической гавани и бывшая под начальством прапорщика Щеголева; отстреливаясь сначала четырьмя, затем двумя и наконец только одним орудием, батарея эта в продолжение 6 часов геройски защищалась против 350 неприятельских

орудий (в память героя эта батарея называется теперь Щеголевской). В 1859 году город, как сказано выше, потерял право порто-франко, за что ему в виде некоторого возмещения было назначено однако ежегодное пособие от казны. В том же году в городе были улучшены мостовые, а через два года он был оборудован газовым освещением и водопроводом. В 1863 году городу Одессе было даровано общественное управление. В 1865 году Ришельевский лицей был преобразован в Новороссийский университет главным образом благодаря стараниям бывшего новороссийского генерал-губернатора гр. Строганова, но уже при его преемнике Коцебу. 1866 год ознаменовался для Одессы открытием Одесско-Балтской железной дороги (впоследствии вошедшей в состав сети Юго-Западных железных дорог), оказавшим огромное влияние на торгово-промышленный прогресс города. Наконец в 1894 году Одесса торжественно отпраздновала столетний юбилей своего существования.

2. ЕКАТЕРИНОСЛАВ

В. В. Морачевский
«Россия...», т. XIV. С. 556–557.

Губернский город Екатеринослав расположен на правом, высоком берегу р. Днепра, в расстоянии 1.625 в. кратчайшим железным путем от Петербурга, 1.016 в. – от Москвы, 707 в. – от Одессы, 556 – от Киева и т. д. Екатеринослав стоит при магистральной линии Екатерининской железной дороги. Через Днепр у города сооружен грандиозный железный мост.

История города сравнительно несложна. В XVII в. в окрестностях нынешнего Екатеринослава существовала польская крепостца Кайдак, построенная в 1635 году французским инженером Бопланом. Крепостца эта была разрушена казаками и последними в ее окрестностях было основано несколько селений, в том числе и казачья слобода Половица, на месте которой и возник впоследствии Екатеринослав. Первоначально, однако, Екатеринослав начал строиться на противоположном берегу Днепра, по течению р. Самары между нынешними колониями Иозефсталь и Кронсгартен, но низменное положение этой местности и весенняя ее затопляемость заставили искать более подходящего места для постройки города на возвышенном берегу Днепра. В 1783 году по желанию кн. Потемкина Екатеринослав был заложен на месте слободы Половицы,

и в 1787 г. имп. Екатерина II во время своего путешествия в Крым лично положила основание в Екатеринославе Преображенскому собору, вполне одоблив избранное Потемкиным место для города.

Благодаря покровительству кн. Потемкина город сперва стал быстро застраиваться и развиваться, но со смертью князя он начал утрачивать свое значение и, по повелению имп. Павла I, был переименован даже в Новороссийск. В 1802 году однако Екатеринослав снова получил право на свое первоначальное имя и был назначен губернским городом. В начале Екатеринослав рос медленно, так что ко времени освобождения крестьян здесь насчитывалось всего около 19 тыс. жит.; торговое значение города заключалось в значительном торге скотом, хлебом, мануфактурой, шерстью и лесом; в городе имелись салотопенные, свечные и мыловаренные заводы. Более сильный рост Екатеринослава обнаружился с начала 1870-х годов, после постройки к нему ветви от Лозово-Севастопольской ж. д., но главное его оживление наступило с половины 1880-х годов, после постройки через город Екатерининской ж. д., когда Екатеринослав сделался «столицей» южной горнозаводской полосы России. В 1887 г. в городе насчитывалось 48 тыс. жит., а в 1897 г. уже оказалась 121 тысяча, да предместья Екатеринослава имели – Каменка 20 тыс. жит., и Амур – 11 тыс. жит.

В Екатеринославе насчитывается 156,6 тыс. жителей, в том числе около 83,0 тыс. мужчин и 73,6 тыс. женщин. Главную массу населения города составляют мещане – около 55%, затем крестьяне – более 33%. Преобладающими народностями (на основании родного языка) являются русские (великорусы по преимуществу) – около 52%, затем евреи – 40%, поляки 4½%, немцы – 2% и пр. В городе до 20 православных храмов, несколько еврейских синагог и по одному католическому и протестантскому храму.

Торгово-промышленное значение города заметно возрастает благодаря развитию на юге России железоделательной и каменноугольной промышленности. Число торговых предприятий в Екатеринославе, по сведениям за 1900 г., превышало 1.800 при общем их годовом обороте более 40 милл. рублей. Промышленных предприятий насчитывалось более 200, производительность которых простиралась почти до 19 милл. р.; важнейшими отраслями фабрично-заводской промышленности являются железоделательное и чугунолитейное дело. Город сравнительно богат учебными заведениями: имеются недавно основанное высшее горное училище с 300 учащихся, классическая гимназия и реальное училище, духовная семинария и училище, две женских гимназии, русско-караимское училище, железнодорожное, женское епархиальное, музыкальное училище Имп. Музыкального Общества, зубоврачебная школа и др.; низших учебных заведений свыше 30; грамотность сравнительно высока – превышает 47%. В городе насчитывается до двух десятков библиотек, из которых многие имеют при себе читальни.

Станция Екатеринослав-главная отправляет всех грузов малой скорости более 9 милл. пуд., получает же их около 17 милл. пуд.; в ряду отправляемых грузов наибольшее значение имеют лесные строительные материалы (около 4 милл. пуд.), хлебные грузы (более ½ милл. пуд.) и пр.; в получении главнейшую роль играют каменный уголь (свыше 6 м. п.) и хлеб (более 3,3 м. п.). Грузооборот станции Екатеринослав-город сравнительно невелик, станция же Екатеринослав-небольшой соединительной ветки Екатеринослав – Кайдаки превышает 9 милл. пуд. (главнейшим образом прибытие грузов); здесь выделяется прибытие каменного угля (более 6 м. п.), а также отправление лесных строительных материалов (свыше 1 м. пуд.). На Днепре у Екатеринослава

имеется значительная пристань, получающая огромные партии лесных грузов. Вообще говоря, Екатеринославу принадлежит первое место после Царицына в ряду внутренних лесных рынков России. На плотках сюда прибывают главным образом различные колоды, болванки, кроквы, качалки, брусья, латы, шпалы и пр., а на судах – дрова, шпалы, дрючки, доски, клепки и др.

Лучшей улицей города является Екатеринославский проспект, идущий вдоль течения Днепра. На этой улице сосредоточены лучшие здания города. Здесь же находится главная его достопримечательность – Преображенский собор, построенный по Высочайшему повелению в 1835 году на том самом месте, где была заложена, как упоминалось выше, церковь имп. Екатериной II; перед собором возвышается изящный памятник Екатерине II. На самом возвышенном пункте города расположен бывший дворец кн. Потемкина, ныне дом дворянского собрания. При дворце и по спуску к Днепру разбит общественный сад – одно из любимейших мест для прогулок горожан. Вполне благоустроенной может назваться только центральная часть города. Екатеринослав оборудован сетью электрического трамвая, а также электрическим освещением. Имеется несколько театров и народный дом, а также естественно-исторический музей.

В русле Днепра у Екатеринослава на глубине около 12 саж. непосредственно под речным наносом и зеленым песком третичного возраста были встречены каолиновые толщи. Верхняя часть этих толщ включает в себе примесь многочисленных зерен кварца, вся же остальная представляет уже более чистую, жирную на ощупь белую глину или каолин. Названные толщи покоятся по большей части на сером граните.

3. ДНЕПРОВСКИЕ ПОРОГИ

В. В. Морачевский
«Россия...», т. XIV. С. 558–562.

Из окрестностей Екатеринослава должны быть прежде всего описаны знаменитые *Днепровские пороги*, начинающиеся по Днепру уже двенадцатью верстами ниже города и связанные с историческими воспоминаниями о гибели в. кн. Киевского Святослава Игоревича и об Запорожской Сечи. На всем участке между Екатеринославом и Александровском Днепр пересекает своим течением широкую полосу гранитов, гнейсов и других кристаллических пород, входящих в состав Южно-русского гранитного массива. Названные коренные породы местами создают в русле реки как бы каменные плотины – хребтовидные глыбы, так называемые «лавы»; эти последние нередко высоко выступают на дневную поверхность и тянутся широкими грядами поперек всего русла, образуя пороги и заборы. Берега Днепра на всем его порожилом участке обрывисты и почти вовсе не заливаются в весеннее половодье; высота их достигает местами 30 и более сажен над уровнем воды, причем правый берег выше и круче левого. Пороги и заборы, а также и отдельные камни чрезвычайно стесняют движение судов, делая взводное судоходство даже совершенно невозможным. Всех порогов на Днепре на протяжении 61 версты девять, а именно: *Старо-Кайдацкий, Сурский, Лоханский, Звонецкий,*

Ненасытецкий, Волнижский, Будиловский, Лишиний и Вильный. Подробное описание каждого из них приводится ниже. В порожистом своем участке Днепр имеет два фарватера; естественный, называемый Старым или Казацким ходом, проходящий преимущественно у правого его берега, и искусственный, или Новый ход, идущий по каналам, которые сооружены под левым берегом; искусственный ход, хотя и менее опасен, но гораздо мельче и убогее естественного, почему последнему лоцмана обыкновенно и отдают предпочтение. Для прохода судов через пороги имеются казенные лоцмана, проживающие в прибрежных селениях и хуторах. Для ближайшего ознакомления с порогами и прибрежными местностями обыкновенно рекомендуется путешествие через них на дубе или в лодке всегда находящихся к услугам туристов в описываемом ниже селении *Лоцманской Каменке*, в которой находится главная контора лоцманов. После вышеприведенных общих замечаний перейдем к описанию отдельных порогов Днепра и прибрежных его местностей.

С. Лоцманская Каменка (Камянка), расположенная на правом берегу Днепра, на территории Екатеринославского у., в 7 в. к юго-востоку от Екатеринослава, имеет более 3.700 жителей, церковь, школу, несколько лавок, базар и др. Главную часть населения составляют лоцмана с их семьями. Общество днепровских лоцманов, имеющее в Лоцманской Каменке главную свою контору, было учреждено в 1797 г. по повелению имп. Екатерины II во время ее путешествия в Новороссию. Лоцмана за провод императорской флотилии через пороги получили в благодарность различные права и преимущества, напр. были освобождены от всяких казенных повинностей, не исключая и рекрутской, но зато обязывались расчищать русло реки и проводить суда и плоты через Днепровские пороги от с. Лоцманской

Каменки до колонии Кичкас или Хортицкого острова. Лоцманская община в отношении земельного наделения была причислена к числу государственных крестьян, в отношении же исполнения лоцманских обязанностей она стоит и до сих пор в непосредственном распоряжении Екатеринославского отделения Киевского округа путей сообщения. Непосредственное заведывание распорядками общества принадлежит выборным лоцманским атаманам.

Для поступления в число лоцманов крестьяне как Лоцманской Каменки, так и других селений лоцманской общины выдерживают особый экзамен. Все лоцмана делятся на две статьи; лоцмана первой статьи назначаются для прохода через пороги судов (*люз, берлин, байдаков*), тогда как лоцмана второй статьи – для проводов только плотов. Плата за провод судов взимается обществом по особой, законом установленной таксе, хотя обыкновенно сверх этой платы владельцы судов уплачивают большее или меньшее вознаграждение своему лоцману «за благополучную доставку» судна до места. У пристани с. Лоцманской Каменки обыкновенно зимуют суда, не успевшие во время навигации пройти пороги. Близ селения производится добыча бутового камня. Несколько ниже Лоцманской Каменки на Старом (Казацком) ходу Днепра выходят на дневную поверхность огромные камни, известные под именами «*Вир*», «*Горбатый*», «*Верхний Плоский*» (все налево), а на Новом ходу – «*Трояны*» и «*Байдуи*» (налево) и «*Седлец*» (направо). В 6 в. от с. Лоцманской Каменки на том же берегу живописно расположено с. Старые Кайдаки против селения находится первый Днепровский порог – *Старо-Кайдацкий*. На месте селения некогда находилось польское укрепление, сооруженное еще в 1635 году; отряд запорожцев под предводительством Сулимы его разрушил, и по уничтожении польско-литовского владычества в 1656 году здесь была учреждена

согласно распоряжению Запорожского Коша береговая стража из охотников казаков-лоцманов, которые уже в то время начали промышлять проводами судов через пороги. Сюда была переведена из Запорожской Сечи походная церковь и при ней иеромонах Межигорского монастыря. Старые Кайдаки по преданию были одним из излюбленных и дорогих мест для запорожцев; их нередко посещал и Богдан Хмельницкий, ездивший отсюда в Звонецкое урочище. Церковь селения построена в 1781 году; в ней хранятся иконы древней живописи и древние церковные сосуды. До сих пор еще возле Ст. Кайдаков сохранились следы древнего укрепления. Жителей в селении насчитывается в настоящее время свыше 1.400 душ исключительно православного вероисповедания. Лежащий против селения Старо-Кайдацкий порог, имея общее протяжение до 186 саж. в длину, состоит из трех гранитных лав и четырех гряд нагроможденных друг на друга валунов; как лавы, так и гряды пересекают реку во всю ее ширину. Общее падение определяется в 0,92 саж. Берега реки в самом пороге представляют гранитные скалы, возвышающиеся над уровнем воды до 70 фут.

Для обхода Старо-Кайдацкого порога в самом конце XVIII в. был сооружен «*Фалеевский*» (по имени строителя) канал, в настоящее время пришедший в полный упадок. Возле Ст. Кайдаков также производится разработка бутового камня. На противоположном берегу Днепра, следовательно на территории Новомосковского у. стоит с. Чапли, имеющее более 2.300 жителей, а несколько ниже последнего селения – волостное с. Любимовка с населением более 1.200 душ. Оба эти селения возникли около 1780 года, когда здесь начались работы под руководством премьер-майора Фалеева по очистке русла Днепра; на работы были вызваны как войска, так и вольный рабочий люд, которому и было предоставлено право образовать названные селения. С. Любимовка было

первоначально назначено в ранговую дачу Фалееву, от которого вскоре перешло во владение подполковника Синельникова. За Старо-Кайдацким порогом почти непосредственно находятся камни под названием в Старом ходу – «*Синельников*», «*Мышинный*» и «*Нижний Плоский*», а несколько левее Нового хода – камень «*Конец*». За упоминавшейся Любимовкой лежит «*Синельникова забора*». Верстах в 4 с небольшим за с. Старыми Кайдаками на правом же берегу Днепра, при впадении в него р. Мокрой Суры расположена волостная немецкая колония Ямбург, имеющая более 1.100 жителей, почти исключительно римско-католического вероисповедания, костел и школу; колония заселена выходцами из Пфальца, первоначально поселившимися в Ямбургском у. Петербургской губ., на настоящее же место водворившимися в 1793 году.

Верстами 1½ ниже кол. Ямбург на том же берегу Днепра лежит людное волостное село Волосское с населением более 4.900 душ, преимущественно малорусов и молдаван; в селе есть православная церковь, построенная в 1780 г., школа, несколько лавок и собираются ярмарки. Основание селу положили в 1770 году «полоненные из-под Очакова волохи», привезенные туда в свою очередь из Турции. Волохи при водворении обязывались заниматься здесь земледелием. Между кол. Ямбургом и с. Волосским ближе к правому берегу Днепра лежит остров Сурской, у южной оконечности которого находится второй Днепровский порог – *Сурской*, длиной до 50 саж.; порог состоит из одной лавы и одной гряды. В версте за *Сурским* порогом начинается третий порог – *Лоханский*, имеющий под правым берегом три лавы и под левым – одну; общее падение его составляет 0,1 саж. Порог считается опасным. Еще при входе в него лежат по Старому ходу камни «*Куленка*» и «*Плоский*» (влево); по Новому же – «*Рваный*» и «*Бун*» в самом же пороге

посредине русла реки возвышаются три небольших утесистых гранитных острова, к которым с берегов реки примыкают гряды камней и скал, располагающиеся в несколько рядов. Длина Лоханского порога простирается до 70 саж., протяжение же канала – около 140 саж. За порогом, уже при выходе из него лежат направо камни «*Черепаха*» и «*Богатырь*». Общее падение здесь – 0,81 саж. В полуверсте с небольшим за Лоханским порогом находится Забора Стрельчая.

Следующий, четвертый днепровский порог – *Звонецкий*, верстах в 4½ за *Лоханским*. Длина его – более 100 саж., общее падение – 0,59 саж.; протяжение канала – 108 саж.; самый же порог образуют две лавы и три гряды камней. Перед порогом с правой стороны старого хода лежат камни «*Без*» и «*Плоский*», по выходе же из него – камни «*Кобылка*» (в Старом ходу) и «*Глухая Забора*» (в Новом). Несколько ниже Звонецкого порога, саженьях в 100 от правого берега выступает огромный гранитный утес. 1½ верстами ниже порога на правом берегу Днепра расположено с. Звонецкое (жителей более 1.100 душ), основанное казаками около 1545 года, когда они при атамане Дашкевиче особенно были заняты устройством по Днепру сторожевых укреплений и учреждением за порогами военного братства в целях предупреждения перехода татарами правого берега Днепра. Таким образом возле Звонецкого порога казаки устроили первое свое займище. Это урочище часто посещал Богдан Хмельницкий. В 1737 году иермонахом Павлом Маркевичем, начальником сечевых церквей, была здесь устроена временная походная церковь. В 1780 г. все окрестности с. Звонецкого перешли в ранговую дачу полковника Турчанинова, а в 1794 г. – правителя Екатеринославского наместничества Хорвата. В 1798 г. селение перешло в казенное ведомство.

Следующий, пятый порог – самый грозный и опасный – *Ненасытецкий* (Ненасытец, Неясытец, он же Старый Дидо,

Разбойник Дидо) находится в 6½ в. за Звонецким. Порог состоит из семи лав, из которых последняя, так называемая «*Белая лава*», отличающаяся наиболее крутым падением, распадается в свою очередь на 12 гряд камней. Гранитные скалы порога идут дугообразно от правого берега к левому, поперек всего русла реки, то скрываясь под водой, то выступая над ее поверхностью. Скалы примыкают к двум каменным островам. Присутствие этих последних, равным образом как многих других менее значительных островов, а также высокого утесистого мыса Монастырки на правом берегу чрезвычайно стесняют и ограничивают русло реки, почему вода с особенной силой и быстротой стремится прорваться через встречаемую преграду, ударяется с шумом о скалы и образует бурные и пенистые водовороты.

В конце порога посредине реки, где проходит фарватер, образовалась пучина – самое опасное место в пороге для судоходства, так называемое «пекло» или «ад». Судно легко может погибнуть здесь не только от неудачного управления, но даже от незначительного изменения хода под влиянием легкого ветра; отсюда и малорусская поговорка: «попавсь у пекло, буде йому холодно и тепло». Длина Ненасытецкого порога – более 400 саж., при общем падении в 2,2 саж.; наибольшая скорость течения в секунду – почти 2 сажени. В Новом ходу устроены два канала, из которых верхний, выше порога – длиной 140 саж., а нижний, в пороге, – более 570 саж. В самом пороге находится много весьма опасных камней, как напр. «*Сухие*» камни, «*Рогатый*», «*Служба*» и др. Общий вид на Ненасытецкий порог лучше всего открывается с упоминавшегося выше скалистого утеса Монастырки. «Перед вами, – говорит Г. И. Танфильев, – величественное зрелище могучей реки, прорывающей сковавшие ее гранитные глыбы. Одним взглядом вы обнимаете всю массу воды, собиравшуюся сюда почти со всего громадного бассейна

Днепра, площадью почти в полмиллиона квадратных верст. Тут частицы воды с далекого севера – с Валдайских высот, из-под Курска, из Литвы и Волыни. Сотни рек и тысячи речек слились воедино, создали грозную силу, победившую иссушающий солнечный зной, сыпучий песок и неприступные скалы, чтобы направиться к югу, к чудному морю, на широкий простор и свободу...»

В 1737 году, во время войны против Крыма и турок у Ненасытецкого порога было устроено русское укрепление. В 1780 г. возникли селения, расположенные по берегам Днепра возле Ненасытецкого порога, а именно волостное с. Никольское или Синельниково (жителей около тысячи душ), лежащее на правом берегу Днепра, и верстами двумя ниже его – д. Войсковая (с населением более 1 тыс. душ), а также с. Васильевка (жителей более 900 чел.), расположенное уже на левом берегу Днепра в пределах Александровского у. Все названные селения были основаны первым губернатором Екатеринославского наместничества, которому был отдан в то время в собственность Ненасытецкий порог с прилегающими к нему землями по обеим сторонам Днепра. В 1787 году имп. Екатерина II во время своего путешествия в Новороссию посетила Ненасытецкий порог и останавливалась во временном дворце, построенном Синельниковым против самого порога на вершине скал. Здесь императрица смотрела, как проходили ее галеры через Ненасытец под управлением каменных лоцманов; оценив искусство последних, Екатерина II, как говорилось выше, повелела образовать общину днепровских лоцманов, щедро их наградила, а лоцмана Полторацкого произвела в дворянское достоинство и пожаловала чином подпоручика. Местность с. Васильевки должна быть отмечена как старинное запорожское займище; так еще в 1560 году здесь в период литовско-польского владычества под командой

польского дозорца и жолнера жило в землянках и мазанках несколько казаков-лоцманов из запорожской гребной флотилии, которые были обязаны проводить суда через порог. По преданию, в 972 году у Невасытецкого порога был убит печенегами князь Святослав, возвращавшийся из Болгарии в Киев.

Ниже Ненасытецкого порога, на всем протяжении Днепра до следующего порога находится целый ряд забор, среди которых особенно значительны Воронова и Кривая. На 5 в. за Ненасытецким порогом посредине русла реки лежит остров *Песковатый*, за которым находятся опять заборы с опасным камнем «*Халявиным*». Еще ниже имеется большой, сильно вытянутый остров Дубовый (Дубовык) и у его оконечности – «*Чертов*» камень. Против острова Дубового на левом берегу Днепра расположено волостное село Александровского у. Петровское (Свистуново), имеющее свыше 1.000 жителей, православную церковь и школу. В 3 приблизительно верстах отсюда и в 13 с небольшим верстах от Ненасытецкого порога находится шестой днепровский: порог, также весьма опасный – *Волнижский*, при входе в который лежат камни «*Близнюки*» и «*Плоский*», Волнижский порог, иначе называемый «Внук», состоит из 6 лав и 7 гряд камней; длина его определяется в 315 саж., при общем падении 1,5 саж.; протяжение канала – более 240 саж. В самом пороге находится камень «Гроза», делающий порог особенно опасным для судоходства. Гранитные скалы стесняют русло реки до 300 саж., а в конце порога – даже до 220 саж.

Тремя верстами ниже Волнижского порога лежит седьмой днепровский порог *Будиловский*, состоящий из 2 лав и 2 гряд; значительных препятствий для судоходства он не представляет. Его длина – около 135 саж., общее падение – 0,48 саж., а длина канала – более 115 саж. При входе в порог

лежит камень «*Плоский*», а ниже порога – камни «*Колесники*» (в Новом ходу), «*Червонный*» и «*Служба*» (направо от Старого хода), «*Черевчата*» (влево) и др. В 3 вер. ниже Будиловского порога на правом берегу Днепра расположено волостное село Федоровка с населением более тысячи душ, а 2½ в. еще ниже на том же берегу реки лежит с. Августинówka (Смольща), имеющее более 1½ тыс. жителей. Против последнего селенья лежит на Днепре остров *Таволочный* (Таволжанский), сильно вытянутый по течению; против названного острова близ левого берега находится камень «*Реун*», а недалеко от него расположилась так называемая «*Змииня скала*», или «*Скеля*», в которой заметна небольшая расщелина; здесь, как говорит местная легенда, жил чудовищный змей.

В 16 в. от Будиловского порога находится восьмой днепровский порог *Лишний*, образуемый одной лавой и двумя грядами камней; его длина достигает 85 саж., общее падение – 0,13 саж., протяжение канала – около 100 саж. Для судоходства порог мало опасен. Порог прилегает к большому острову *Кухаревскому*. Перед самым порогом на правом берегу Днепра расположено небольшое с. Игнатъевка, заселенное около 1783 г. помещиком Гижицким, полковником александрийского легкоконного полка. На левом же берегу Днепра против острова Кухаревского, на территории Александровского у. лежит волостная слобода Андреевка, имеющая более 2.000 жителей, православную церковь, школу, паровую мукомольную мельницу, лавки и пр.; слобода заселена в 1777 году полковником пикинерного полка Леванидовым, получившим эту местность в ранговую дачу.

Верстами 4½ ниже Лишнего порога находится последний, девятый днепровский порог *Вильный*, составляемый тремя лавами и шестью грядами. Здесь Днепр встречает

толщи гранита на протяжении полуверсты; эти гранитные массы пересекают русло реки по различным направлениям и образуют множество скалистых островов; порог заканчивается тремя высокими гранитными утесами; остающийся между ними узкий проход по фарватеру, весьма затруднительный для судоходства, известен под именем «*Волчьего горла*». Длина порога – 330 саж., общее падение – 1,2 саж., протяжение канала – 400 саж. При вход в Вильный порог лежат камни «*Серенький*», «*Бильбучек*», «*Плоский*» и «*Шинкарь*», а ниже порога, уже в плесе – «*Павловский*», «*Волчок*», «*Сухоиван*» и др.

4. СЕВАСТОПОЛЬ

Я. Ф. Ставровский
«Россия...», т. XIV. С. 712–723.

Вступая в пределы Севастопольского градоначальства железный путь направляется на юг и, описывая дугу, дважды пересекает сопутствующее ему шоссе. На 55 вер. от Симферополя дорога достигает небольшой станции Мекензиевы Горы, грузооборот которой равняется около 30 т. пуд. Далее, пройдя 4 туннеля, из которых последний имеет 284 саж. длины и описывает кривую с радиусом в 200 саж., дорога достигает станции Инкерман, грузооборот которой равняется 34 т. пуд. Против станции расположена Инкерманская киновия и видны остатки пещерного города. За Инкерманом дорога переходит р. Черную и следует по южному берегу Большой Севастопольской бухты или рейда, проходя через пятый туннель в 129 саж. длины, соединяющей балки Троицкую и Килен. Миновав Корабельную слободку железная дорога поворачивает на юг и, пройдя шестой туннель в 107 саж., по восточному берегу Южной бухты подходит к станции Севастополь.

Севастополь – военно-портовой город, центр градоначальства, расположен на юго-западной оконечности Таврического полуострова в 2.028 вер. от Петербурга и 73 вер. от Симферополя. Господствующей породой геологических слоев, на которых лежит город, служит довольно крепкий

и богатый пустотами и раковинами известняк третичной системы, именно сарматского яруса, известный под наименованием мактрового (от преобладания в нем пластинчатожаберной раковины *Mastra podolica*).

Местность, занимаемая *Севастополем*, входила в пределы знаменитой греческой колонии Херсонеса, основанной около конца VI в. до Р. Х. выходцами из другой греческой колонии Гераклеи Понтийской. Именем Херсонеса назывался как самый город, находившийся в одной версте к западу от Севастополя, так и весь Гераклеяский полуостров, отгороженный стеной, проходившей от Гавани Символов или *Палакиона* (Балаклавы) до *Атенута* (Севастопольская бухта). Вся эта местность, разделявшая историческую судьбу со своим главным городом, будет подробнее описана ниже, при обозрении развалин последнего. При татарах на северной стороне Большой Севастопольской бухты близ Инкермана находилась татарская деревушка *Ахтиар* или Ак-Яр.

По присоединении Крыма к России кн. Потемкин верно оценил выдающиеся достоинства Севастопольской бухты, и с 1784 г. здесь были начаты постройки укреплений и порта, а также сооружено адмиралтейство. К концу названного года новый порт, названный Севастополем, что в переводе с греческого значит величественный город, насчитывал уже 5 кораблей, 12 фрегатов, 5 шкун и 4 бота с командой в 4.080 чел. В 1787 г. Екатерина II любовалась с *Мекензиевых гор* видом на Севастопольский рейд, на котором маневрировали военные суда. Для постройки города, к тому времени сильно подвинувшейся вперед, пользовались готовыми тесаными камнями развалин г. Херсонеса, отчего этот выдающийся памятник старины значительно пострадал. Император Павел I в 1797 г. переименовал Севастополь в Ахтиар, но после его смерти городу было возвращено его настоящее название, хотя у окрестных жителей он долго еще именовался Ахтиаром.

В 1804 г. Севастополь был объявлен главным портом черноморского флота, а в 1808 г. в нем был открыт также и коммерческий порт. В 1825 г. город посетил имп. Александр I, а в следующем году Севастополь был обращен в первоклассную крепость. В турецкой войне 1828–29 гг. принимал участие севастопольский флот в состав 34 парусных судов и 3 пароходов. Особенно успешно город стал застраиваться и укрепляться с 1834 г., с назначением адмирала М. П. Лазарева командиром черноморского флота и с утверждением в том же году имп. Николаем I проекта усиления обороны города и рейда с сухого пути. При Лазареве были выстроены Александровская, Константиновская, Михайловская и Павловская батареи и начаты постройкой сухие Алексеевские доки, наконец учреждено Лазаревское адмиралтейство. Тогда же была застроена большая часть главных улиц и к началу войны с Турцией, объявленной 20 октября 1853 г., в город уже насчитывалось свыше 45 тыс. жителей.

Первые действия севастопольского флота под начальством адм. П. С. Нахимова были очень удачны. Вместе с адм. Корниловым ему удалось уничтожить почти всю турецкую эскадру, стоявшую у Синопа. Этот успех вызвал вмешательство коалиции европейских держав из Англии, Франции, Турции, а позднее и Сардинии. 8-го сентября 1854 г. союзная 68-тысячная армия высадилась у Евпатории. Разбив в сражении на р. Альме русскую армию кн. Меншикова, союзники двинулись к Севастополю, сопровождаемые эскадрой. По постановлению созданного в Севастополе военного совета для преграждения входа в Севастопольскую бухту был затоплен севастопольский флот, состоявший из линейных кораблей, фрегатов и корвета, команда же и орудия с них употреблены для усиления малочисленного войска, которое вместе с нею насчитывало едва 16 тыс.

защитников. 14 сент. неприятель перешел Черную речку и занял южную часть Херсонесского полуострова от Балаклавы до Камышевой бухты. В Балаклаве обосновались англичане, а близ Камышевой бухты вырос французский городок Камьеш.

Защитники Севастополя деятельно окружали себя цепью земляных укреплений, сооружением которых руководил знаменитый инженер ген. Тотлебен. Ряд бастионов и батарей опоясал город, начинаясь от Артиллерийской бухты и оканчиваясь у Ушаковой балки (за нынешней Корабельной слободкой). Наиболее важными пунктами этих укреплений были расположенные с двух сторон Южной бухты 4-й бастион на высоком холме, занятом нынешним Историческим бульваром, и 3-й – на восточной стороне бухты, а также Малахов курган над Корабельной слободкой. Батареи французской армии находились на расстоянии 450 саж. против 4-го и 5-го бастионов. 5-го октября неприятель произвел первую бомбардировку города с суши и с моря, выпустив по расчету Тотлебена до 59 тыс. снарядов и пустив в действие 1.364 орудия. При этой бомбардировке был почти уничтожен 3-й бастион, смертельно ранен на Малаховом кургане адм. Корнилов и вышло из строя 1.112 защитников города. Потери неприятеля были тоже очень значительны.

13 октября кн. Меншиков с целью отвлечения сил неприятеля составил особый чоргунский отряд, который атаковал передовые позиции англичан и взял Чоргунское укрепление. 24-го октября Меншиков дал сражение на Инкерманских высотах, окончившееся для русских неудачно. Французы сосредоточили свои силы против 4-го бастиона, оградившегося достаточным количеством траншей и ложементов. Предвидя попытки взорвать бастион минами, Тотлебен окружил его сетью подземных колодцев и галерей,

длина которых простиралась на 6 верст, и уничтожил подземные работы французских минеров. Безуспешность действий против 4-го бастиона заставила французов сосредоточить свои силы против Малахова кургана. Удержать этот пункт, по своему местоположению являющийся как бы ключом к городу, было особенно важно. В виду этого Тотлебен окружил его рядом укреплении, из которых по берегам бухты Килен шли Селенгинский и Волынский редуты, а за Малаховым курганом устроен Камчатский люнет. 7-го марта на последнем люнете оторвало голову адм. Истомину.

Второе бомбардирование города, продолжавшееся 10 дней, было начато французами 28-го марта. За это время ими было употреблено 482 орудия и 130 мортир. После двух жестоких бомбардировок (25-го мая и 5-го июня) союзники 5-го июня сделали неудачную попытку штурмовать Малахов курган. Потерпев неудачу они еще два слишком месяца продолжали бомбардировать город из 168 батарей. У защитников Севастополя давал себя знать недостаток снарядов и войска, а кроме того выбывали из строя лучшие руководители обороны. 28-го июня был смертельно ранен на Малаховом кургане адм. Нахимов и раненый лежал душа обороны ген. Тотлебен. Новая попытка для отвлечения сил атаковать неприятеля на Федюхиных высотах потерпела неудачу. 27-го августа, после жестокого штурма, которому предшествовала пятидневная бомбардировка, был занят неприятелем Малахов курган. Видя полную безнадежность дальнейшей защиты города главнокомандующий кн. Горчаков перевел войска по построенному на плотках мосту через Большой рейд на Северную сторону, взорвав предварительно Павловскую батарею, находившуюся на мысу между Корабельной и Северной бухтами. 28 августа неприятель занял Севастополь на 349-й день осады.

О жестокостях войны можно судить по следующим данным. За весь период осады было убито и ранено

102.669 русских и 54 тыс. союзников. Русские выпустили 1.027 тыс. снарядов и до 17 мил. пуль, а неприятель, по расчетам Тотлебена, – 1.356 тыс. артилл. снарядов и 28½ милл. пуль. Пороху с обеих сторон истреблено до ½ милл. пудов. Сложив артиллерийские снаряды, можно получить пирамиду в 41 саж. высоты, при основании 100 кв. саж., а из ружейных патронов можно получить колонну в 51 саж. высоты при 10 кв. арш. в поперечник. В числе пунктов парижского договора, заключенного в 1856 г., кроме отторжения части Бессарабии, было запрещение России содержать флот на Черном море и возобновлять укрепления Севастополя. Все укрепления и постройки, не пострадавшие от бомбардировки, были взорваны неприятелем, так что после ухода занимавшего город французского полка осталось неповрежденными всего 14 зданий.

Наступившее вскоре после крымской войны с уничтожением крепостного права обновление России и в частности оживление ее торгово-промышленной деятельности вскоре совершенно изгладили все следы упадка Севастополя. В 1863 году в Севастополе была учреждена первоклассная таможня и быстро стало расти торговое значение города, а с отменой в 1871 г. статей парижского трактата о нейтрализации Черного моря восстановились также и укрепления города, особенно планомерное сооружение которых началось в 1885 г. Вскоре возродился и черноморский военный флот России. Еще большее оживление города явилось следствием соединения его в 1875 г. при посредстве Лозово-Севастопольской железной дороги с общеимперской сетью железных дорог. Сюда, как в одну из лучших гаваней Черного моря, направилась значительная часть, сказочно растущего хлебного экспорта.

Между тем начатые с 1885 г. планомерные укрепления города были закончены, и в 1890 г. Севастополь был при-

числен к разряду крепостей 3-го класса, и сюда же затем было перенесено из г. Николаева главное управление черноморского флота. В 1894 г. из военных соображений последовало перенесение коммерческого порта из Севастополя в Феодосию, что нанесло большой ущерб городу. Торгово-промышленное оживление сменилось провинциальной монотонностью и скукой. В то время как в среднем за один год десятилетия, предшествовавшего 1894-му году, Севастополь выпускал за границу товаров на сумму превышающую 13 милл. руб., в десятилетие после закрытия порта средний за год вывоз упал до 2½ милл. руб. Средний годовой вывоз хлеба в первое из сравниваемых десятилетий составлял 15 с лишним милл. пудов, а во второе десятилетие – только 2½ милл. пудов. Соответственные цифры ввоза в первое десятилетие выражались в 4,8 милл. руб. и спустились до 633 тыс. В 1893 г. из Севастополя отошло 1.186 судов вместимостью в 1.065 тыс. тонн, в 1905 г. – 1.280 судов в 936 т. тонн. Некоторое увеличение числа отошедших судов объясняется усилением каботажного плавания, тогда как число судов заграничного плавания сократилось с 282 до 98.

Город принял военный вид. В 1897 г. в нем числилось 53.595 д. об. пола, а в 1904 г. 67.752 д. об. пола; из них 46.076 мужчин и 21.676 женщин. 85,9% общего количества населения составляли русские, 6,5% евреи, 3,5% поляки, 1,5% татары, 1,5% армяне и 1,1% немцы. Жилых строений в 1904 г. числилось в Севастополе 3.250, православных церквей 13, католических – 1, протестантских – 1 и синагог – 3. Общее протяжение улиц равняется 55,2 верст. С внешней стороны город, бюджет которого в 1904 г. равнялся 565,9 тыс. рублей, может похвалиться сравнительным благоустройством: на главных улицах, обсаженных деревьями и хорошо замощенных, устроены электрическое освещение

и электрический трамвай протяжением в 69,6 верст и проведен водопровод. В городе имеются 3 библиотеки, 1 читальня, 3 типографии и 1 литография, издаются 2 газеты, открыты для публики 2 музея, 1 театр и 1 народный дом. В число 39 учебных заведений входят 1 мужская и 1 женская гимназии и 1 реальное училище, в которых по сведениям 1904 г. было 907 учащихся (527 мальчиков и 380 девочек). Низших учебных заведений числилось 36 с 1.226 учащихся (882 мальчиков и 344 девочек); % учащихся ко всему населению равняется 3,3.

Некоторым восполнением потерь, понесенных жителями города от закрытия коммерческого порта, является развитие в его окрестностях курортной жизни. Открытый для действия северных ветров Севастополь, при средней годовой температуре приближающейся к температуре южного берега, отличается более резкими колебаниями ее; в то время как в Ялте температура зимой не спускалась ниже –12,7°C, в Севастополе она достигала даже –21,1°C. Лучшим сезоном в Севастополе можно признать лето, имеющее среднюю температуру в +22,1°. Из преимуществ, выгодно отличающих Севастополь даже от югобережных курортов, следует отметить очень малое количество осадков (338 милл. за год против 464 – в Ялте и 456 – в Алуште), а также возможность пользоваться грязевыми ваннами в устроенной в 4 верстах от города близ Песчаной бухты грязелечебнице. Купальный сезон в спокойной Севастопольской бухте с песчаным грунтом продолжается от мая до октября, причем в оба эти месяца температура воды в среднем равна 14–15°P. Неблагоприятными для лечебных целей условиями, кроме отмеченных понижений температуры в зимние месяцы, следует признать известковую почву, дающую едкую пыль, и распространенность лихорадок, гнездо которых находится в устье Черной реки.

Город живописно расположен на южном берегу Большой бухты или рейда, вход в которой охраняют Александровская и Константиновская батареи. Южный берег Большого рейда изрезан рядом бухт: при входе расположены Карантинная и Артиллерейская бухты, за ними следует самое большое ответвление – Южная бухта с отходящей от нее при входе с восточной стороны Корабельной бухтой и наконец бухта Килен. По своей глубине, равняющейся от 40 до 70 футов, и размерам рейд, а также и Южная бухта пригодны для стоянки самых глубокосидящих кораблей. К этим достоинствам бухты следует прибавить, что вода в ней почти никогда не замерзает и грунт дна ровный, без мелей и илистый. Длина Севастопольского рейда до устья Черной речки равняется 5 вер., ширина колеблется от 250 до 450 саж. Южная бухта имеет около 3 верст длины и 175 саж. ширины. Северный рейд служит главной стоянкой черноморского флота.

Городские постройки живописно расположены по склонам и на вершине холма, возвышающегося между Карантинной и Южной бухтами. Кругом этот продолговатый в направлении с юга на север холм опоясан тремя главными улицами, протяжением в 3 версты. По кольцу, образованному этими улицами, ходит электрический трамвай, одна из отделяющихся ветвей которого подымается на соседний с западной стороны холм, другая же спускается по крутому склону к концу Южной бухты, где находится вокзал железной дороги. Первая из трех главных улиц, Екатерининская, тянется параллельно Южной бухте. К ней обращен стоящий на внутреннем холме Петропавловский собор.

Дальше по направлению на север на Екатерининской улице помещается почтово-телеграфная контора, а наискось против нее – небольшой Музей севастопольской обороны. Здание музея в строго византийском стиле построено по

проекту академика Кочетова. Материалом служил местный известняк, а украшения сделаны из бронзы, чугуна и дуба. Металлические части отлиты на бронзово-механическом одесском заводе скульптора В. В. Эдуардса и им же исполнены все лепные работы и отделка. Над входом помещается крест с цифрой 349, обозначающей число дней осады. По бокам вделаны кормовые и носовые части кораблей, а за ними в разных местах вокруг здания помещены ядра, бомбы, якоря, знамена и против заднего фасада две чугунные пушки. В музей помещается несколько картин, изображающих осаду, из которых некоторые принадлежат кисти И. К. Айвазовского, много портретов и бюстов главных деятелей обороны, карикатур из современных войне журналов, рельефные карты города и окрестностей с изображением всех укреплений, бывших во время осады, и расположения войск. В особой витрине хранятся вещи, принадлежавшие некоторым выдающимся героям; в числе этих предметов обращает внимание простреленная фуражка Нахимова, его эполеты, шпага и другие вещи. Сохраняются также предметы, принадлежавшие имп. Николаю I, а именно его ботфорты, перчатки, платок, эполеты и проч. Потопленные суда представлены в моделях. В нижнем, подвальном этаже помещены большие орудия того времени. Музей состоит в заведывании особого комитета, на счет которого призывается несколько инвалидов и содержится школа имени ген. Меньшикова для 30 мальчиков, преимущественно сирот.

Рядом с музеем находятся два морских храма – во имя Николая Чудотворца и во имя архистратига Михаила. В конце Екатерининской улицы помещаются друг против друга довольно приличные гостиницы Ветцеля и Гранд-Отель. За ними Екатерининская улица упирается в Екатерининскую площадь. Посреди последней возвышается памятник адмиралу Нахимову, открытый в 1898 г. Стоимость памятника

превысила 100 тыс. руб., из которых 80 т. отпущено казной, а 21.178 руб. собрано подпиской. На высоком пьедестале из полированного гранита высотой в 3 саж., при основании в 3½ саж. помещена бронзовая фигура адмирала, высота которой равняется 2 саженим. Нахимов представлен в форменном сюртуке и фуражке, сдвинутой на затылок. На нем сабля Османа-паши, взятая в Синопском бою, и георгиевская звезда. На бронзовом листе помещен знаменитый приказ адмирала накануне Синопской битвы: *«уведомляю г.г. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело»*. С лицевой стороны пьедестала изображено: *«Адмиралу Павлу Степановичу Нахимову»*, а под надписью – преклоненный флаг Османа-паши и в углу бронзовый барельеф Синопского боя с картины проф. Боголюбова, находящейся в Петербургском морском кадетском корпусе. Сверху барельефа надпись *«Синоп»*. По бокам пьедестала с одной стороны написано: *«смертельно ранен на Корниловском бастионе 28 июня, умер 30 июня 1855 г.»*, а с другой помещено стихотворение графини Ростопчиной:

*«Двенадцать раз луна менялась,
Луна всходила в небесах,
А все осада продолжалась,
И поле смерти расширялось
В облитых кровию стенах»*.

Задняя сторона пьедестала украшена доской с надписью: *«18 ноября 1853 г. русская эскадра под начальством вице-адмирала Нахимова – 6 корветов и 2 фрегата при 322 орудиях с борта, – 18.005 снарядами истребила под Синопом турецкий флот Османа паши: 7 фрегатов, 3 корвета и 1 пароход с 262 орудиями, поддержанными 24 береговыми орудиями»*. Сзади памятника находится дом Морского Со-

брания, в котором мебель пожертвована с упраздненной императорской яхты «Ливадии». В соединенном созданием Морского Собрания соседнем доме помещается Военно-Морская библиотека, насчитывающая свыше 65 тыс. томов книг по всевозможным отраслям знания. Здание библиотеки украшено барельефом, в котором изображена в лицах история русского флота, начиная с Петра Великого и до севастопольской войны.

По правой стороне площади, за спуском к пристани Русского общества пароходства и торговли помещается красивая Графская Пристань, одно из любимых мест прогулки горожан. Название свое пристань получила в память командовавшего в 1840-х годах черноморским флотом гр. Войновича, который здесь выходил на берег. С площади на пристань ведет красивый белый портик греческого стиля на верху которого значится 1846 г. За портиком к воде ведет широкая каменная лестница. Близ пристани, на северной стороне Екатерининской площади находится комфортабельная и дорогая гостиница Киста, около которой устроен вход на Приморский бульвар. Последний расположен на мысу, образуемом Южной и Большой бухтами, и тянется вдоль последней на запад. Направо от входа находится жалкий деревянный театр, в котором подвизаются обыкновенно малороссы сомнительной национальности. Рядом с театром устроен ресторан, где можно получить татарские чебуреки и шашлыки.

Здесь же на мысу, образуемом Большой и Южной бухтами, находится вновь сооруженный памятник участнику обороны ген. Д. Е. Остен-Сакену. За памятником устроен спуск вниз, на стене которого помещена доска с надписью: *«начало плавучего моста через рейд в 1855 г.»* и над доскою 4 ядра. Дальше, вдоль Северной бухты расположены лучшие в Севастополе купальни, несколько площадок

близ воды, а в конце Приморского бульвара над самой бухтой устроено красивое здание Яхт-Клуба в восточном стиле. Самый Яхт-Клуб находится внизу, а наверху расположены летнее помещение городского клуба и городской ресторан, с широкой террасы которого открывается чрезвычайно красивый вид на всю Севастопольскую бухту и море. Площадка перед Яхт-Клубом служит излюбленным местом прогулок жителей Севастополя, проходящих слушать играющий здесь оркестр и любоваться видом на бухту, освещенную по вечерам огнями судов и вращающихся рефлекторов. Близ Яхт-Клуба устроен широкий спуск, стенка которого украшена двумя громадными якорями.

Внизу терраса для гуляющих и против нее из воды возвышается скала, на которой красуется колонна, увенчанная фигурой орла, держащего лавровый венок. В надписи на памятнике читаем: «В память кораблей, затопленных в 1854–1855 г. для заграждения входа в рейд» и с боков – 1854 г. Памятник открыт в 50-летнюю годовщину севастопольской обороны. За Яхт-Клубом помещается Биологическая станция, красивое здание которой сооружено в 1897 г. по проекту архитектора Вейзена. В здании устроено несколько огромных аквариумов и большой бассейн на уровне моря. Устроителем и директором музея до самой смерти был известный акад. А. О. Ковалевский. Библиотека Биологической станции может гордиться знаменитым сочинением Муррея о Челенджерской экспедиции, оцененным в 1.500 руб.

Недалеко от описанной площадки Приморского бульвара находится главный вход в него с Екатерининской площади. Напротив входа широкая каменная лестница ведет на расположенный на холме Мичманский бульвар, принадлежащий Морскому Собранию. На бульваре воздвигнут памятник командиру брига «Меркурий», капитану

Казарскому, который в войну с турками 1828–29 гг. сумел на изрешеченном от выстрелов 18 пушек бриге отбиться от двух больших линейных кораблей и уйти на соединение с русским флотом. Памятник представляет чугунную трирему, помещенную на высоком каменном пьедестале, сбоку которого написано: «*Казарскому – потомству в пример*». На противоположной стороне бульвара устроена метеорологическая станция морского ведомства.

Продолжаем путь по Нахимовскому проспекту, который, начинаясь от Екатерининской площади, круто заворачивает на юго-запад. Нахимовский проспект считается главной улицей Севастополя: здесь сосредоточены лучшие магазины, рестораны и всегда замечается оживление. Проспект упирается в небольшую площадь, на которой стоит часовня в память спасения Государя Императора от покушения в Отсу. Продолжением Нахимовского проспекта является Большая Морская улица, идущая вначале параллельно описанной выше Екатерининской улице и в конце соединяющаяся с последней, замыкая таким образом кольцо главных улиц, опоясывающих центральный холм. На вершине этого холма идет ряд улиц, параллельных Южной бухте.

Между двумя из них, Соборной и Адмиралтейской, возвышается венчающий холм собор св. Владимира, построенный в память войны 1854–55 гг., называемый также Адмиральским. Собор построен в византийском стиле; внутренняя живопись исполнена акад. И. Е. Карнеевым. В нижнем помещении собора, в Николаевском храме, под общей плоской гробницей, имеющей вид черного мраморного креста, покоятся адмиралы Лазарев, Нахимов, Корнилов и Истомин. Посреди гробницы вделан золотой крест, обвитый лавровым венком и окруженный надписью «Ника» (побеждай). Кроме названных адмиралов в нижнем храме погребены и другие участники войны, а именно адмиралы

И. А. Шестаков, П. А. Карпов, Перелешин и скончавшийся в 1902 г. адмирал С. П. Тыртов. В верхнем храме привлекает внимание изящный киот, сооруженный семьями черноморских моряков в память 17 октября 1888 г., в котором кистью И. К. Айвазовского изображен Спаситель, идущий по водам. С площадки перед собором открывается дивный вид на горы и море.

В противоположном конце Адмиральской улицы, за Мичманским бульваром помещается грандиозный дворец главного командира черноморского флота. Параллельно двум упомянутым улицам идет Чесменская улица, на которой помещается мальпостная и почтовая станция, а за ней следует коротенькая Петропавловская улица, на которую выходит Петропавловский собор, построенный в виде афинского храма Тезея. Собор возобновлен на средства Кундышева-Володина на месте прежнего, разрушенного бомбардировкой. К западу от Бол. Морской улицы, по склону второго продолговатого холма, параллельного центральному, расположен ряд параллельных «продольных» улиц. К югу от центра города, за Новосильковской площадью, на большом холме расположен Исторический бульвар, устроенный на месте знаменитого 4-го бастиона. Небольшие каменные тумбы с надписями указывают расположение отдельных батарей во время войны. На бульваре недавно сооружен памятник обороне с ген. Тотлебенем в центре. Здесь же в небольшом здании показывают 10 картин мюнхенского художника Рубо, изображающих главнейшие моменты севастопольской обороны.

Довольно крутой спуск ведет с бульвара к концу Южной бухты, где на противоположной стороне находится вокзал железной дороги. Над вокзалом по склону горы раскинулась заселенная рабочим людом Новая Слободка, а дальше напротив Графской пристани – Морские казармы

и доки. Осмотр этой части Севастополя удобнее всего совершить, перебравшись с Графской пристани на шлюпке через Южную бухту. Для посещения доков требуется билет. На мыску, образуемом Южной и Корабельной бухтами, за лесом труб и мачт расположено адмиралтейство с судовыми мастерскими, подземными машинами и подъемными кранами, поднимающими свыше 4 т. пуд. При адмиралтействе устроено 3 мортонных эллинга, которые постепенно наполняются водой, а после введения в них ремонтного судна вода выкачивается. Описанные сооружения были устроены в 1859 г. для своих надобностей Русским обществом пароходства и торговли и в 1897 г. приобретены казной за 2 милл. рублей.

За эллингами в глубине Корабельной бухты помещаются два больших сухих дока; правый, Алексеевский док, длиной в 30 саж., сооружался с 1883 по 1886 г., а левый, Александровский – с 1894 по 1898 г. Перед севастопольской войной на месте нынешних доков только что были закончены доки, наполнявшиеся пресной водой, проведенной из горной речки в расстоянии 18 верст от города. Первый корабль вошел в доки в 1853 г. Доки эти не пострадали от бомбардировки, но по взятии города были совершенно уничтожены минами. Новые доки наполняются морской водой. За Адмиралтейством вдоль гранитной набережной Южной бухты тянутся громадные здания морских Лазаревских казарм, на площадке перед которыми возвышается памятник адмиралу Лазареву. Бронзовая фигура адмирала с подзорной трубой в левой руке помещена на гранитном пьедестале. У ног фигуры виден герб Лазарева, а ниже высечена надпись: *«адмиралу генерал-адъютанту Михаилу Петровичу Лазареву 1886 г.»*.

В Южной бухте интересно проехать на шлюпке до плавающих доков. Последние устроены по системе Кларка; они

представляют огромную платформу, большая часть которой опускается под воду и по введении на нее парохода поднимается вместе с ним. Недалеко от плавучих доков стоит упраздненная императорская яхта «Ливадия», обращенная в плавучую казарму «Опыт». В глубине Южной бухты мимо вокзала идет дорога в гору, которая минует казармы Брестского полка и обширную Корабельную Слободку с церковью близ дороги. Наверху возвышается знаменитый Малахов курган. Название свое он получил от фамилии шкипера Малахова, опытного в своем деле человека, но горького пьяницы, проводившего дни и ночи в бывшем здесь некогда кабаке.

На вершине холма в 1895 г. сооружен памятник сраженному здесь адмиралу Корнилову. Памятник исполнен академиком Н. И. Шредером по проекту А. А. Бильдерлинга; бронзовые части памятника отлиты на заводе Берга. Пьедестал из крымского диорита, привезенного из д. Биюк-Ламбат близ Алушты, изображает часть земляного бруствера, пробитого ядрами. С передней стороны пьедестала помещена надпись: *«Генерал-адъютант, вице-адмирал Корнилов, смертельно раненый на сем месте 6-го октября 1854 года»*. На вершине пьедестала представлена фигура падающего Корнилова, произносящего предсмертную фразу: *«отстаивайте же Севастополь»*. Сбоку пьедестала помещена фигура матроса Кошки, заряжающего пушку. Правая сторона пьедестала покрыта надписями: *«Наварин 1827 г.»*, *«Синоп 1853 г.»*, затем названиями судов, состоявших под командой Корнилова: *«1831 г. – Тендер Лебедь»*, *«1833 г. – бриг Фемистокл»*, *«1837 г. – корвет Орест»*, *«1842 – корабль Двенадцать Апостолов»*, *«с 1849 г. начальник штаба черноморского флота»*. Около надписей помещены контри и вице-адмиральский флаги. На задней стороне пьедестала приведена последняя молитва Корнилова: *«Благослови, Гос-*

поди, Россию, Царя; спаси Севастополь и флот». Перед памятником на земле сложен из ядер большой крест.

Недалеко от памятника сохранилось основание башни, служившей батареей. Внутри ее помещались командиры и перевязочный пункт. В стену вделана мраморная доска с надписью: *«Здесь стояла кровать со смертельно раненым адмиралом Истоминым»*. На другой мраморной доске написано: *«здесь смертельно ранен адмирал Нахимов 28 июня 1855 г.»* Сторожем на Малаховом кургане до последнего времени состоял ветеран севастопольской обороны Матвей Иванович Верховский. На восточном склоне Малахова кургана, недалеко от сторожки погребены французами участники одного отчаянного штурма. Над их огороженной могилой водружен большой мраморный крест с надписью:

3 septembre 1855
 Unis, pour la victoire,
 Reunis par la mort.
 Du soldat c'est la gloire
 Des braves c'est le sort».

Возвращаемся к Графской пристани и на финляндском пароходике, останавливаемся около нее, переезжаем на Северную сторону Большой бухты. Здесь двухверстная шоссейная дорога от паровой пристани приводит нас на Братское кладбище. На нем среди густой зелени деревьев рассеяно множество одиночных и братских могил. Общее число погребенных равняется 127.587 чел. Из отдельных памятников обращают внимание: ген. Хрулеву, кн. М. Д. Горчакову, гр. Тотлебену, Кумани, Кисленскому, Спицину и др. Наверху холма, занятого кладбищем, красуется храм во имя св. Николая, имеющий форму четырехугольной пирамиды. Материалом для постройки храма служил порфирированный камень, привезенный с горы Кастель близ г. Алушты. Внутри стены облицованы разноцветными мраморными

плитами и испещрены названиями дивизий, полков, флотских экипажей, с обозначением числа убитых в бою, а также имен и фамилий командиров, всего в количестве 881 чел.

Для обозрения восточной части Большого рейда, а также ближайших окрестностей Севастополя всего лучше воспользоваться шлюпкой. Следуя вдоль южного берега Большой бухты, проезжаем мимо Павловского мыска между Корабельной и Большой бухтами, на котором до севастопольской войны помещалась Павловская батарея. Далее минуем Корабельную слободку, Аполлонову и Ушакову балки, в которых видны остатки акведуков, проводивших прежде воду для наполнения доков. За Ушаковой балкой находится бухта Килен, продолжением которой служит балка того же наименования. Близ этой бухты в севастопольскую войну были устроены Селенгинский и Волынский редуты.

Далее у южного берега Большой бухты помещается устричный завод первого русского товарищества устрицеводства в Черном море. Возможность искусственного разведения хороших устриц разнообразных пород была указана еще академиком Бэр. Многочисленные опыты В. А. Штоля вполне подтвердили слова Бэра. Начало предприятию положено в 1884 г. ген. Витмером в компании с В. А. Штолем. В настоящее время завод занимает площадь в 750 кв. саж. береговой полосы и 8 тыс. саж. морского дна, арендуемых у морского ведомства. Культивируются устрицы из различных местностей и между прочим вполне удачно акклиматизировались остендские и португальские устрицы. В 1900 г. оборот завода исчислялся в 30 т. руб. В виде опытов приготавливаются растительные, рыбные и другие пищевые консервы. При заводе имеется небольшой музей, в котором производятся всесторонние наблюдения над развитием и жизнью устриц, а также делаются опыты акклиматизации

омаров. Заслуживает внимания коллекция морских животных Черного и Азовского морей. На северной стороне бухты, начиная с моря, видны укрепления, затем против Южной бухты расположилась Артиллерийская слободка, а несколько далее – дача морского ведомства «Голландия» и наконец в конце бухты устроено 2 маяка.

Берега Большого Рейда весьма интересны в геологическом отношении, так как вследствие падения геологических наслоений на северо-запад при следовании с запада на восток постепенно обнажаются все более и более древние пласты. За дачей Голландией из-под известняка выступает древне-третичный нуммулитовый известняк, а несколько дальше из под последнего – меловой. Переходя в устье Черной речки, бухта сильно мелеет и на большом протяжении покрыта камышом, среди которого река вьется узкой лентой. Широкая долина р. Черной, имеющей на протяжении последних 9 верст небольшое падение, представляет собою ровный луг, нередко затопляемый разливом речки. Ширина долины достигает близ впадения 1 версты, а далее на протяжении 5 верст до д. Чоргуна она равняется 200 саж. Нижняя часть долины представляет собою почти сплошь поросшее камышом болото и является гнездом лихорадок, разносимых мириадами комаров.

По обеим сторонам долины возвышаются отвесные меловые гряды, верхние слои которых образованы пористым, но плотно-цементированным известняком, который с давних пор разрабатывается для построек. Долина Черной речки близ впадения ее в Большую бухту была заселена задолго до начала христианской эры, как показывает множество пещер, иссеченных в отвесных скалах по обе стороны реки. От более поздней эпохи сохранились здесь развалины крепости, носящей название Инкермана. Дюбуа причисляет Инкерман, называемый им Ктеносом, к цепи

укреплений скифского царя Скилура, которой последний окружил херсонскую колонию наряду с Кимвалом (Балаклавой) и Мангутом. Плиний упоминает о Мегарице, где поселились гераклийские выходцы, основатели Херсонеса. Вероятность, что это место было в Инкермане, Кеппен основывает на том, что слово «мегаре» по-турецки означает пещеру. Это укрепление было взято войсками царя Митридата понтийского и вошло в состав Херсонесской республики.

В первые века христианства каменоломни близ крепости служили местом ссылки христиан, благодаря чему они сделались центром миссионерской деятельности крымских христиан. Сильные успехи эта деятельность приняла с высылкой сюда имп. Траяном в 96 г. первого папы Климента I, которому приписывают устройство в скале пещерной церкви. Впрочем мраморные каменоломни, в которые был сослан Климент, помещают также, и с большей вероятностью, не в Инкермане, а к западу от Севастополя, близ Казачьей бухты с ее островами. За свою энергичную деятельность, проявившуюся между прочим в постройке 75 церквей в Херсонесской земле, Климент по приказу имп. Траяна около 103 г. был вывезен в море и утоплен с якорем на шее. «Легенда, проникшая и в наши былины, передает, что море вдруг отступило и прошедшие посуху ученики Климента нашли скалу, подобную храму, и в ней мощи святого. Море отступало от этой скалы ежегодно в день смерти святого. Об этой церкви упоминает писатель XIII в. Рубруквис: «Мы видели в стране Хазарии, имеющей форму треугольника, город Херсон, где св. Климент был замучен, а проплыв мимо города, видели остров, где стоит церковь, построенная будто бы руками ангелов...»

Согласно Тунману, автору главы о Крыме в знаменитом землеописании Бюшинга конца XVIII в., на месте Инкер-

манского укрепления полководец Митридата Диафант заложил город, который назывался сначала Евпаторией, потом – Дорос или Дори, а позднее, в генуэзских летописях XIV в. он именуется Теодоро. В настоящее время однако название Теодоро или Лотедоро относят к Мангупу, а Инкерман отождествляют с городом Каламитой, Севастопольский же рейд соответствует части Каламитского залива. В VII в. в Инкерман был заточен другой папа, Мартин. В конце IX в. Херсонес посетил св. Кирилл или Константин Философ (первоучитель славян), чудесно нашедший здесь мощи св. Климента и перевезший их в Рим. Предполагают, что местом обретения мощей был островок в Казачьей бухте в 12 вер. от Херсонеса. Раскопки 1890 г. обнаружили здесь остатки небольшой церкви. В 1475 г. крепость перешла во владение турок, которые перестроили ее и держали здесь свой гарнизон. От них же крепость получила свое название Инкерман (Ин – пещера и Керман или Кермен – крепость). В 1578 г. Мартин Бронувий упоминает о греческих надписях и гербах греческих князей на воротах прекрасно построенного каменного замка. Он видел также две больших, вымощенных камнем дороги и много развалин загородных домов.

В 1793 г. Инкерман посетил Паллас, нашедший в нем несколько башен, уцелевшие местами крепостные стены, глубокий ров, широкую мощеную дорогу через долину, мост на 4 арках, 2 высеченные в скале лестницы, ведущие к укреплениям, и множество крипт. Некоторые пещеры служили церквями или часовнями. Одна из церквей, по его словам, была расписана живописью, в других были иссечены гробницы. В настоящее время остатков древностей сохранилось значительно меньше, так как камни развалин служили материалом для построек Севастополя. Множество пещер, частью разрушившихся от времени и отломки здесь камня,

находятся на конечных скалах меловых гряд по обе стороны реки и особенно обильно унижают с западной и южной стороне две последних скалы по правому берегу реки.

Близ этих скал у полотна железной дороги находится устроенный в 1850 г. арх. Иннокентием монастырь или киновия во имя святых пап Климента и Мартина. В монастыре сохранились три пещерных церкви, расположенные рядом, из которых главная, во имя св. Климента – одна из самых больших пещерных церквей Крыма. Во всех церквях были найдены следы стеной живописи. Форма крестов, вырубленных над абсидой церкви св. Климента и над алтарем церкви св. Мартина, отличающаяся от употреблявшихся в Херсонесе, заставляет относить устройство церквей ко времени, когда Херсонес уже утратил свое первенствующее значение, т. е. к XIV–XV вв. Церкви сообщаются между собою при помощи выдолбленных в скалах коридоров и лестниц, ведущих также к нескольким пещерным кельям и двум пещерам, служившим усыпальницами, где найдено много костей. По западному обрыву той же скалы, среди множества обвалившихся пещер, расположенных в несколько ярусов, найдены еще 4 церкви, хорошо сохранившаяся благодаря трудности восхождения к ним следы стеной живописи.

Внизу между названными скалами помещаются две пещерные церкви во имя св. Троицы и св. Пантелеймона, монастырский двор и гостиница для посетителей. Всей братии числится 28 человек. От пещерного монастыря лестница ведет наверх скалы, на плоской поверхности которой видны развалины крепости. Вся поляна наверху скалы некогда была окружена стенами, от которых остались лишь немногочисленные следы. Крепость была построена в 1427 г., о чем свидетельствует греческая надпись на одном найденном камне: «построен храм сей с благословенной

крепостью, которая ныне видна, во дни господина Алексия, владетеля города Феодоро и морского берега». Не ранее конца XVI в. крепость была перестроена турками. Недалеко от крепостных развалин красуется новый храм во имя св. Николая, сооруженный в память 50-летия севастопольской войны. Инкерманские скалы, как было сказано, служили издревле местом добывания строительного камня.

В настоящее время здесь находятся обширные каменоломни, снабжающие строевым материалом Севастополь и ближайшие окрестности его. Наиболее крупные разработки камня принадлежат городу и эксплуатируются частными лицами. В трех самых крупных предприятиях, разрабатываемых Фальченко, А. Даниловым и Н. Лебедевым, получается в год всего около 73 тыс. пуд. камня на сумму свыше 14½ тыс. руб.; рабочих насчитывается 37 чел. В 1854 г. близ Инкермана произошло неудачное для русских сражение между армией кн. Меншикова и союзными войсками. Переходим к описанию окрестностей Севастополя, лежащих к западу от города. Продолжение южного берега Большой Севастопольской бухты изрезано множеством небольших бухт. Из них у выхода из Южной бухты лежит Карантинная бухта, а к западу от нее – Херсонесская бухта. На берегу последней в расстоянии 2 верст от Севастополя, по шоссе, недавно закрытая в виду неблагоприятных условий местности. От бухты узкими песчаными перешейками отделено несколько небольших грязевых озер. Бухта имеет ровное песчаное дно и служит местом для купанья.

В ½ вер. от бухты, ближе к городу расположено дачное место Новый Херсонес, имеющий все данные для устройства здесь курорта. За грязелечебницей, на небольшом мысу между Карантинной и Круглой бухтами в 2–3 верстах от Севастополя находятся развалины древнего Херсонеса. Город

был основан в конце VI в. до Р. Х. выходцами мегарской колонии Гераклеи Понтийской и скоро занял первенствующее положение среди греческих колоний западной части полуострова. Кроме площади, занятой непосредственно городскими постройками на мысу между указанными бухтами, городу принадлежали хорошо заселенные и покрытые множеством заводов и торговых фактории земли Гераклеяского или Трахейского полуострова с береговой линией на протяжении 45 верст и сухопутной границей в 8 верст. Согласно Страбону, от Палакиона или Гавани Символов (ныне Балаклавы) до Ктенута (Севастопольский залив) шла стена, отгораживавшая городские пределы. Главными занятиями окрестных жителей было виноградарство и виноделие, достигшее высшей степени совершенства. Виноградники, судя по остаткам стен, были разделены правильными участками, между которыми были проложены дороги и поливались они из устроенных в большом количестве цистерн и колодцев. Среди развалин находили множество глиняных амфор и особые каменные ящики (в Стрелецкой бухт), служившие, по мнению Дюбуа, для давки винограда. Наибольшего развития культура винограда здесь достигла в конце IV в. до Р. Х. В 1794 г. была найдена плита от памятника с надписью: «народ (посвящает этот памятник) Агазеклиту, который споспешествовал развитию виноделия в деревнях».

В XII в., во времена упадка Византии, Херсонес находился некоторое время в зависимости от трапезунтского императора. С обоснованием на южном берегу Крыма генуэзцев возвысилось торговое значение Кафы (Феодосии) и Сурожа (Судака) и пала роль Херсонеса. Согласно договору генуэзцев с греками, относящемуся к 1351 г., греческие суда не могли заходить в Херсонес. Быстро клонившийся к упадку город в 1397 г. был разграблен литовским князем

Ольгердом и окончательно опустел с переходом под власть турок, которые увезли отсюда в Константинополь много великолепных архитектурных украшений. В 1678 г. посетивший Херсонес Мартин Бронувий пишет: «достойные удивления развалины его ясно свидетельствуют, что он был некогда великолепный, богатый и славный город греков, древнейший на полуострове и знаменитый своей отличной пристанью. На оконечности того истма, который Страбон называет Малым Херсонесом, и у самого берега пристани, также во всю ширину истма от одного берега моря до другого еще и теперь возвышается высокая стена и башни, многочисленные и большие, из тесаных огромных камней; и вся эта сторона обращена к морю. У самых стен города видны водопроводы, которые за четыре мили посредством подземных труб, высеченных из камня, проводили воду в город; в них и теперь еще есть вода очень чистая... Этот город уже не только много лет, но и много веков стоит пуст и необитаем и представляет одно опустошение и развалины, в постройке которых видны удивительное искусство и роскошь. Царский дворец виден в той же части истма, с огромными стенами, башнями и великолепными воротами... Большой греческий монастырь остался в городе; стены храма еще стоят, но без кровли, а все украшения этого здания, которые там были, разрушены и разграблены».

Паллас в 1793–1794 гг. видел еще следы нескольких башен и стены, тянувшейся от Балаклавы до Севастополя, а в огороженной ею части полуострова – много фундаментов и остатков древних стен, вероятно разграничивавших виноградники и фруктовые сады. В развалинах башни и стены близ мыса Ай-Бурун Паллас предполагал знаменитый храм местной богини Девы, отождествляемой греками с Артемидой, который, по словам Страбона, стоял на мысу

Партенион. По другим предположениям этот храм стоял близ Георгиевского монастыря, о чем будет сказано ниже. Соседство с Севастополем оказалось губительно для развалин Херсонеса, так как строители города широко пользовались готовым строительным материалом. Только в начале XIX в., благодаря акад. Келлеру, было обращено внимание на сохранение археологических древностей. В 1821 г. Келлером были составлены чертежи и планы интересных в археологическом отношении местностей. Более систематические раскопки начались со времени основания в 1839 г. Одесского Имп. общества истории и древностей и особенно успешно производились с 1853 г., под наблюдением гр. А. С. Уварова. С 1888 по 1892 г.г. раскопки велись на Высочайше дарованные Археологической комиссии средства под наблюдением проф. Н. П. Кондакова, а затем — К. К. Косцюшко-Валюжинича.

При посещении Херсонеса въезжают в древние ворота в стене протяжением в несколько десятков сажен. Нижние слои стены, отрытые из-под покрывавшей их земли, представляют собою образец изящной древнегреческой кладки; менее изящны вышележащие слои римской и византийской эпох и наконец весьма неряшливая кладка верхнего слоя принадлежит варварским владельцам города. Близ ворот откопаны 4 водосточных трубы. Здесь же найдены камни с надписями, объясненными В. В. Латышевым. Особенный интерес из них представляет мраморная плита, найденная в 1890 и 1891 гг., на которой высечена «присяга граждан на верность конституции своего государства». Далее, на западном берегу Карантинной бухты помещается небольшой музей Археологической комиссии, содержащий в себе наименее ценные или громоздкие предметы, добытые раскопками, тогда как более ценные помещаются в Эрмитаже. За музеем вдоль бухты и по берегу открытого моря

расположены развалины города, местами окруженные остатками стены. Из ряда улиц особенно хорошо сохранилась одна — шириной в 3 саж., идущая в направлении на северо-запад, к морю. Постройки производились несомненно в разные исторические эпохи и разными народами, причем нередко более поздние строители пользовались строительным материалом своих предшественников. Из более древних предметов в 1898 г. откопаны ворота, относимые к IV в. до Р. Х., а затем в гробницах найдено много драгоценностей и украшений с надписями IV–III в. до Р. Х. Наибольшее число древностей относится к христианской эпохе. В числе их выдающийся интерес представляют развалины херсонесских базилик, тип которых нигде в другом месте не обнаружен. Под этим именем, в буквальном переводе означавшем — царский дом или зал, с IV в. по Р. Х. разумелось продолговатое здание, разделенное колоннами на нефы или корабли, а с восточной стороны оканчивающееся полукруглым выступом алтарной абсиды.

«Из русского прошлого»

Малороссия. Новороссия. Крым

Исторический и этнографический очерк

Ответственный за выпуск *А. Макаров*

Дизайн обложки	<i>К. Струков</i>
Корректор	<i>Л. Кузнецова</i>
Техническое	<i>С. Виноградов</i>
содействие	<i>В. Королевский</i>
	<i>Б. Погодин</i>

Подписано к печати 10.06.2006 г. Формат 70 x 100 ¹/₃₂.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Усл.-печ. л. 20
Тираж 1 000 экз.

АНО НИЦ «АИРО–XXI»
107207, Москва, Чусовская ул., д. 11, к. 7.
Телефон: (095) 466-16-35. e-mail: andmak@airo-xxi.ru
<http://www.airo-xxi.ru>

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Институт Русской литературы (Пушкинский дом)
Российской Академии Наук
Телефон/факс (812) 542-52-23
E-mail: dbulanin@sp.ru
<http://www.dbulanin.ru>
ЛР № 061824 от 11.03.1998.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК–005–93;
953001 – книги, 953150 – литература по истории и историческим наукам